

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№ 3 (ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ) 2017

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Катасонов В. Н.** К вопросу об онтологии культурных ценностей. Часть I. Русская традиция философии культуры 3
- Куприна Е. Ю.** Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность как художественно-динамическая система 17

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Петрушко В. И.** Преподобный Сергей Радонежский и возрождение русского монашества в середине XIV — начале XV веков. Продолжение 24
- Фесенкова Л. В.** Ожидание будущего: мечты и реальность 34
- Бахревский Е. В.** Историческая память и образы русско-турецкой войны 42

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Миронов А. С.** Русские былины в отечественной педагогике XIX века: начало изучения русского эпоса 51
- Кокшенева К. А.** «Театральный Октябрь»: концептуальный раскол художественной интеллигенции 1917–1921 гг. 59
- Волохов М. С.** 400 лет инноваций в художественном образовании: обучение проектированием 67

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Сосницкая М. С.** Иван Лукаш: постнеоклассик XXI века 73
- Окороков А. В.** Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. 80

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

- Рыбин А. А.** Участие студентов костромичей и ярославцев в кампании по освоению целинных и залежных земель Казахской ССР (1954–1964 гг.): количественная динамика добровольцев и их трудовая деятельность 84
- Талашкин А. В.** Заготовка колокольной бронзы в Западной Сибири в 30-е гг. XX века: технология, динамика, культурные последствия 91

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Юренева Т. Ю.** Военно-историческое наследие России в музеях Плевена 100

*Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.
В оформлении обложки использована репродукция картины художника Маковского
Константина Евгеньевича «Варим варенье».*

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер — **М. С. Волохов**, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников ЮНЕСКО (IFA);

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зам. декана миссионерского факультета ПСТГУ;

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Огороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

В. В. Патоков — канд. экон. наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 124.5.
ББК 71.0

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ *Часть I. Русская традиция философии культуры*

Катасонов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, доктор богословия, профессор,
профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
vladimir15k@mail.ru.

Аннотация

Статья посвящена обсуждению онтологии культурных ценностей. В ней показывается, что русская традиция философии культуры крепко держится за онтологическое понимание предметов культуры, никак не сводимое к плоскому противопоставлению *естественного* и *искусственного*. Отмечается, что это понимание находит себе отклик и в западной (немецкой) феноменологии культуры XX века.

Ключевые слова

Бытие и культура, онтология объектов культуры, русская философия культуры, творчество и бытие, западная философская феноменология и онтология культуры

Роль культуры и культурных ценностей в жизни общества привлекает к себе в последнее время все большее внимание. Проблема сохранения и наследования культурных ценностей из разряда чисто гуманитарных проблем преемственности культуры и связи поколений переместилась уже в область проблем государ-

ственной безопасности и государственного суверенитета. В условиях глобального мира и информационной открытости сохранение культурной идентичности, «духовного кода» отечественной культуры становится проблемой сохранения своей духовной родины, тесно связанной с сохранением родины физически — географической.

Для России, культурно представляющей из себя совершенно особый мир, несводимый ни к «Западу», ни к «Востоку» эта проблема становится все более острой.

Но следует заметить, что в работах, посвященных наследованию культуры, принципиальный вопрос о природе культурного наследия затрагивается нечасто. Обсуждаются обычно прикладные вопросы сохранения и трансляции культуры. К таковым относятся, прежде всего, правовые вопросы¹, важные сами по себе, но имеющие второстепенное значение; вопросы воспитательного характера, связанные с традиционными культурными ценностями². Иногда, правда, встречаются попытки определить, что же такое культурная ценность, но делается это, порой, на достаточно диком сциентистском языке. Такова, например, попытка свести культурные ценности к понятию информации³. Информация есть вполне конкретное логико-математическое понятие и метафорическое использование его ничего не объясняет, а, скорее, запутывает наше понимание ценностей и культуры. Главное, остается совершенно непонятым, что же есть в культуре такого, что позволяет переживать ее как экзистенциальную ценность, как символ вечной родины, как встречу с чем-то высшим и возвышающим... По нашему мнению, без обсуждения онтологии культуры вся практическая деятельность по сохране-

нию и наследованию культуры висит в воздухе. Этому обсуждению и посвящена данная работа. Представленный текст есть только первая часть работы. Во второй части предложенная методология будет применена к анализу концепта *русская культура*.

Онтологическая традиция отечественной философии культуры

Чтобы говорить о сохранении культурных ценностей, нужно договориться сначала о том, что есть сама культура. Тут дело не только в том, что существует множество различных определений культуры. Нередко в этих определениях сказывается лишь претенциозная и мелкотравчатая позиция узкого специалиста, пытающегося со своей «кочки» определить культуру⁴...

Принципиальным философским вопросом здесь является вопрос об *онтологии культуры*. Какое отношение имеет культура к бытию? Ближайшим образом бытие дано нам как *природа*; а что же культура, есть ли это только система чисто человеческих установлений или же и она каким-то образом укоренена в самом бытии? Вопрос этот принципиален. Если культура есть чисто человеческое и только человеческое изобретение, неукорененное в бытии, то тогда различные культуры имеют, так сказать, чисто техническое значение: можно так, а можно и по-иному... И тогда техническая культура, культура техники, столь значимая для нашей техногенной цивилизации, становится как бы парадигмой культуры вообще: культура есть совокупность человеческих изобретений, облегчающих ему жизнь. Культура тогда есть построение комфортного человеческого существования, не имеющего границ в своих стремлениях⁵... И все, так называемые, культурные ценности оказываются в этом случае только проходящими моментами, которые отменяет неумолимый прогресс технического изобретательства. Если же нет, если культурные достижения как-то связаны с самим бытием, то тогда, во-первых, создания культуры

- 1 См., например: Годованец Ю. А. Диссертация «Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (Культурологический анализ)» (Сайт: <http://www.dissercat.com/content/sokhranenie-kulturnykh-tsennostei-teoriya-i-praktika-primeneniya-mezhdunarodnykh-standartov> (дата обращения: 4.08.2016)
- 2 См. статью: Путьрик Ю. С., Соловьёв А. П., Царьков П. Е. Культурное и природное наследие как важный фактор патриотического воспитания молодежи в Российской Федерации // Журнал Института Наследие 2015 (2). См. также диссертацию: Миронова Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества (Сайт: <http://www.dissercat.com/content/sokhranenie-prirodnogo-i-kulturnogo-naslediya-kak-imperativ-kulturnoi-politiki-postindustria> (дата обращения: 5.08.2016)
- 3 Сохранение культурных ценностей. Введение. (Сайт: <http://do.gendocs.ru/docs/index-119977.html> (дата обращения: 29.07.2016)). Сюда же примыкает и работа: Карлова А. И. Цифровое искусство и музей // Вопросы культурологии, № 4, 2016. С.74–79.

- 4 Так, радио БФМ настойчиво повторяет, что «культура создана для того, чтобы помочь человечеству выжить...» Горизонт подобного представления вполне соответствует основным интенциям радиостанции, посвященной бизнесу.
- 5 Хотя вопрос об этих стремлениях, об их пределе называется здесь все настойчивей.

есть уже не продукт чисто человеческого конструирования, в них есть нечто, что обретается, а не изобретается, в них как-то сказывается само бытие, а во-вторых, произволу человеческого изобретательства кладется некий предел, связанный с самой природой бытия.

В русской традиции есть замечательные примеры обсуждения природы культуры, и одним из самых острых и диалогичных является небольшая книжка Вяч. Иванова и М. Гершензона «Переписка из двух углов» (1921). Здесь в письмах, которыми обменивались живущие в силу условий гражданской войны в одной комнате известный литературовед и издатель Михаил Гершензон и философ и поэт Вячеслав Иванов, представлены две полярные позиции по отношению к культуре, имеющие прямое отношение к поставленной нами проблеме.

Культура для Гершензона выступает как некие пути и абстракции, мешающие пробиться экзистенциальным началам жизни. «Больше того, меня тяготит вся эта отвлеченность, и не она одна: в последнее время мне тягостны, как досадное бремя, как слишком тяжелая, слишком душная одежда, все умственные достояния человечества, все накопленное веками и закрепленное богатство постижений, знаний и ценностей. Это чувство давно мучило мне душу подчас, но не надолго, а теперь оно стало во мне постоянным. Мне кажется: какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно — как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них»⁶. Эти слова имеют вес в особенности потому, что пишутся человеком, который посвятил всю свою жизнь именно исследованию культуры. «Устал ли я нести непосильное бремя, или из под спуда знаний и навыков просиял мой первозданный дух, — мне изнутри сказалось и прочно стало во мне простое чувство, такое же неоспоримое, как чувство голода или боли. Я не сужу культуры, я только свидетельствую: мне душно в ней. Мне мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние — полной свободы и ненагруженности духа, райской беспечности. Я знаю слишком много, и этот

груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мою душу. Несметные знания, как миллионы неразрываемых нитей, опутали меня кругом, все безликие, все непреложные, неизбежные до ужаса. И на что они мне? Огромное большинство их мне вовсе не нужно. В любви и страдании мне их не надо, не ими я в роковых ошибках и нечаянных достижениях медленно постигаю мое назначение, и в смертный час я, конечно не вспомню о них. Но, как мусор, они засоряют мой ум, они тут во всякий миг моей жизни и пыльной завесой стоят между мною и моей радостью, моей болью, каждым моим помыслом. От этого несметного безличного знания, от усвоенных памятью бесчисленных умозрений, истин, гипотез, правил мышления и нравственных законов, от всего этого груза накопленных умственных богатств, которыми каждый из нас нагружен, — то изнеможение, какое снедает нас»⁷. Именно в силу захлапленности человеческого сознания культурными ценностями, считает Гершензон, столь редки стали сегодня новые гениальные создания культуры, сравнимые с шедеврами прошлых веков. «Оттого-то так редки подобные события в наши дни, еще несравненно реже гениальных созданий искусства. «Культурное наследие» давит на личность тяжестью 60 атмосфер и больше — и иго его, в силу соблазна, есть подлинно — легкое иго; большинство совсем не чувствует его, а кто почувствует и рванется вверх — попробуй он прорваться сквозь эту толщу! Ибо вся она — не над его головой, но в нем самом; он просто сам тяжел, и разве только крылья гения могут поднять его дух над его отяжелелым сознанием»⁸.

Позиция Иванова прямо противоположна. Культура для него не есть каземат духа, не есть плоскость академического знания, в своей рутинной бесконечности не ведущая ни к каким вершинам духа. Культура для Иванова *инициативна*. Инициативна от слова *инициация*, в том смысле в каком говорят о религиозных инициациях, посвящениях адептов. «Весь смысл моих к вам речей есть утверждение вертикальной линии, могущей быть проведенною из любой

6 Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон. Переписка из двух углов. М., 2006. С.13.

7 Цит.соч., С.22–23.

8 Цит.соч., С.27.

точки, из любого «угла», лежащего в поверхности какой бы то ни было, молодой или дряхлой культуры. Но сама культура, в ее истинном смысле, для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин или поле, усеянное костями. Есть в ней и нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто общаются этим посвящениям! Ибо последние были даны через отцов для их отдаленнейших потомков, и ни одна йота новых когда-то писмен, врезанных на скрижалях единого человеческого духа, не прейдет. В этом смысле не только монументальна культура, но и инициативна в духе. Ибо память, ее верховная владычица, приобщает истинных служителей своих «инициациям» отцов и, возобновляя в них таковые, сообщает им силу новых зачатий, новых починов. Память — начало динамическое; забвение — усталость и перерыв движения, упадок и возврат в состояние относительной косности»⁹. По Иванову, возможность духовных инициаций, заключенных в культуре, есть своеобразный источник *воды живой*, позволяющей возрастать новым культурным ценностям, и связывающие человечество в единое соборное целое.

Важно отметить еще один момент. Хотя Гершензон был верующим человеком, свидетельства чего мы находим и в разбираемой переписке¹⁰, тем не менее для него та внешняя культура позиция, с которой он ее судит, есть позиция отдельной индивидуальности, неукорененной ни в какой традиции, и ни в каком высшем бытии. Путь такой индивидуальности — путь революционера, разрушающего все до основания, «а затем...» претендующего все строить заново. «Приходит Лютер с горячим сердцем и разрушает культ, богословие, папскую церковь, чтобы освободить из сложной системы простую личную веру; французская революция рассеивает мистику трона и ставит отдельного человека в более прямое и близкое общение с властью. И ныне новый мятеж колеблет землю: то рвется на свободу из вековых осложнений, из чудовищной связи социальных и отвлеченных идей — личная правда

труда и обладания»¹¹. Этот бунт субъективности, этот революционный произвол индивидуума, так много обещающего, оказывается, как показывает история, удивительно беден положительными плодами, но богат разрушениями и разочарованиями, оставляя после себя выжженную равнину, без вершин и глубин. В приведенной цитате характерно постановка в один ряд *религиозной реформации, французской буржуазной революции и большевистского переворота*...

Мировоззрение же Иванова настроено по-другому. Для него культура соотносится не только с личностью, но и с самим бытием, с Абсолютом. И последнее дает не только смысл культуре, но и структурирует ее, задает ее границы. «Мне же думается, что сознание может быть всецело имманентным культуре, но может быть и частью лишь имманентным ей, частью же трансцендентным, — что, впрочем, и показать легко на особенно важном в связи беседы нашей примере. Человек, верующий в Бога, ни за что не согласится признать свое верование частью культуры; человек же, закрепощенный культуре, неизбежно сочтет последнее за культурный феномен, как бы ни определял он ближе его природу, — как унаследованное ли представление и исторически обусловленный психологизм, или как метафизику и поэзию, или как социо-морфический двигатель и нравственную ценность. Все, что угодно, усмотрит он в этой вере, но непременно введет ее в объемлющий для него всю жизнь духа круг явлений культуры и никогда не согласится с верующим, что его вера есть нечто культуре внеположное, самостоятельное, простое и первоначальное, непосредственно связующее его личность с бытием абсолютным. Ибо для верующего его вера по существу отдельна от культуры, как отдельна от нее природа, как отдельна любовь»¹². Человек не замкнут в каземате культуры, как это кажется Гершензону. У него есть прямая связь с бытием, с Абсолютом, который уже не умещается в культуре. Как в православных храмах, в богослужении, которые суть прежде всего произведения культуры, архитектуры, живописи, поэзии, гим-

9 Цит.соч., С.42.

10 См. например, Цит.соч., С.69.

11 Цит.соч., С.52–53. В последнем предложении речь идет о большевистской революции... Комментатор цитируемого издания замечает к этому месту: «После революции Гершензон быстро приобрел репутацию дружественного большевикам писателя» (Цит.соч. С.53, прим.6).

12 Цит.соч., С.28–29.

нографии и т. д., присутствует нечто, что не принадлежит культуре, а именно, прямое богообщение, символизируемое в архитектонике храма золотыми куполами, так и в религиозном мировоззрении не все принадлежит культуре, не все допускает свое объяснение, рационализацию, а есть место тайне, место касания человеческой души глубин бытия... И именно это дает возможность посмотреть на культуру извне, и оценить весь ее «блеск» и... «нищету». Именно этот опыт позволяет оценить глубину культурного феномена, степень причастности его бытию, услышать в нем не просто человеческий голос, а логос самого бытия.

В своей позиции Иванов, по существу, продолжает господствующую линию отечественной философии культуры, тесно связанную с русской религиозной философией. Религиозное начало, лежащее в основе культурных традиций, настойчиво подчеркивали старшие славянофилы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский. В статье «Обозрение современного состояния литературы» (1845) Киреевский писал (в духе своего времени, он называет культуру *образованностью*): «Ибо две образованности, два раскрытия умственных сил в человеке и народах представляет нам беспристрастное умозрение, история всех веков и даже ежедневный опыт. Одна образованность есть внутреннее устройство духа силою извещающейся в нем истины; другая — формальное развитие разума и внешних познаний. Первая зависит от того начала, которому покоряется человек, и может сообщаться непосредственно; вторая есть плод медленной и трудной работы. Первая дает смысл и значение второй, но вторая дает ей содержание и полноту. Для первой нет изменяющегося развития, есть только прямое признание, сохранение и распространение в подчиненных сферах человеческого духа; вторая, быв плодом вековых, постепенных усилий, опытов, неудач, успехов, наблюдений, изобретений и всей преемственно богатящейся умственной собственности человеческого рода, не может быть создана мгновенно, ни отгадана самым гениальным вдохновением, но должна слагаться мало — помалу из совокупных усилий всех частных разумений. Впрочем, очевидно, что первая только имеет существенное значение для жизни, влагая в нее тот или другой смысл, ибо из ее источника истекают коренные убеждения человека и народов; она определяет порядок их внутрен-

него и направление внешнего бытия, характер их частных, семейных и общественных отношений, является начальной пружиной их мышления, господствующим звуком их душевных движений, красотой языка, причиной сознательных предпочтений и бессознательных пристрастий, основой нравов и обычаев, смыслом их истории». Эта первая образованность имеет всегда религиозный смысл и, более того, обычно, напрямую связана с культом. Вторая образованность есть как-бы *техника* культуры. Собираемые медленно навыки и приемы передаются из поколения в поколение, от одних народов к другим, и представляют из себя общую копилку человеческой методологии. Для культуры важны обе образованности, подчеркивает Киреевский. Но смысл жизни дает только первая. Постепенная подмена первой, фундаментальной, духовной образованности второй, технической — смысла жизни — его поисками, религии — наукой, веры — философией, философии — культурологией, образования — «потреблением образовательных услуг» и т. д. — есть основная трагедия человека модерна. В нашу же эпоху эта подмена принимает прямо — таки «вопиющие» формы...

Во время написания «Переписки из двух углов», эту же тему онтологии культуры прекрасно развивал священник Павел Флоренский. Им был задуман широкий проект работ под названием «У водоразделов мысли», посвященный философским основаниям различных сфер культуры: естествознания, гуманитарных наук, искусства, и т. д. Но все эти работы должны были объединяться общим методологическим принципом: как у рек существуют водоразделы, горные хребты, вершины, возвышенности, откуда они проистекают и спускаются в равнины и моря, так и у созданий человеческой культуры, есть ли это естественнонаучные теории, или традиции в искусстве, философские системы, или правовые кодексы в основании всегда существует некий *духовный исток*, некое нерационализируемое до конца *живое касание бытия*, оживотворяющее всю эту культурную традицию, дающее ей смысл и границы. Исследованию этих «водоразделов мысли» и должны были быть посвящены задуманные о Павлом работы. Оригинальность этих планов, — отчасти воплощенных Флоренским, — состояла в том, что каждый раз путь должен был начинаться с анализа конкретных феноменов культуры и подниматься до истоков,

до прафеноменов и архетипов, если использовать термин известной теории¹³.

В своих построениях о культуре Флоренский исходит из определенной антропологии. Человек есть для него ζῶον τεχνικόν, живое существо, строящее орудия¹⁴. Этим он отличается и от животных, и от неживых вещей. Принадлежа одновременно двум мирам, миру материальному и миру идеальному, человек в каждом из них создает свои орудия. В мире материальном — топоры, лопаты, машины и т. д., — *инструменты*, в широком смысле слова. В мире идеальном он создает *понятия* — орудия мысли, без которых невозможно осуществлять мыслительный процесс. Орудия служат человеку для овладения действительностью. Инструменты, в частности, служат познанию, весь материальный мир должен быть познан, объяснен, сделан прозрачным для мысли. Мир материальный должен быть просвещен светом идеальных смыслов. Но эту задачу, постоянно стоящую перед человеком, решить до конца не удастся, познание превращается в бесконечный процесс. Другим способом просвещения мира является художественное творчество. «В нем соединяется практическая сторона, — воплощение разумом своих замыслов, — с теоретической стороной — осмысливанием деятельности. Произведение искусства не нуждается ни в доказательстве своей вещной реальности [ибо оно явно реально, явно есть такая вещь], ни в доказательстве своего идеального смысла [ибо оно бесспорно постигается, бесспорно не лишено смысла]. Оно — ἔργον [здесь, др. греч. *вещь* — В. К.], но оно же — и непрестанно струящаяся и вибрирующая ἐνέργεια [др. греч. *деятельность, энергия* — В. К.] духа. Произведения пластических искусств с особою явностью свидетельствуют, что есть искомая нами деятельность человеческого духа, и деятельность эта, как мы сказали, ближайшим примером своим имеет изящное искусство»¹⁵. Но и в искусстве мы имеем лишь частичное просветление, одухотворение материального: мрамор самых совершенных статуй и краски самых прекрасных картин остаются все-таки лишь косной материей.

Однако, само стремление человека к соединению двух миров, к которым он сам принадлежит телесно и духовно, к просветлению материи и воплощению идеального, говорит о скрытом исходном единстве этих двух деятельностей. Этот незабываемый, парадигмальный исток любой человеческой деятельности Флоренский называет *феургия* (или *теургия*, от др.-греч. Θεουργία — *богодействие*). «Феургия, как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла, — была во времена древнейшие точкою опоры всех деятельностей жизни; она была материнским лоном всех наук и всех искусств. Она была реальным условием развития самосознания, родником жизни, всею деятельностью человека. Все деятельности находили в ней свое единство и вне ее рассматривались как существующие легкомысленно, поверхностно, блудно, так сказать, и, следовательно, незаконно и болезненно. Точнее сказать, автономное существование внефеургических деятельностей было кощунственным преступлением и рассматривалось именно так»¹⁶. Но со временем, которое рассматривается Флоренским отнюдь не в прогрессистской перспективе, а именно как процесс деградации человека, отпадения от Бога, утери им целостного смысла жизни, стало распадаться и единство человеческой деятельности, стало затушевываться и забываться теургическая связь жизни с глубинами бытия. Теургическое начало осталось, собственно, только в культе, постепенно выделившимся из общей экономики богодействия, а отдельные творческие способности человека все более утверждались в своей внебожественной отдельности. Это не прошло даром для них. «Они тогда лишились истинной точки своего приложения, а потому — и прочной уверенности в безусловной нужности своей. Содержание их перестало существовать, как безусловно ценное и непреложно реальное. Форма и содержание разделились и стали соприкасаться случайно и произвольно. Деятельности перестали быть сами собою разумеющимися в уставе жизни и стали капризом, прихотью, роскошью, выдумкою — не «в самом деле», а «нарочно». И тогда деятельности обратились от Реальности и Смысла — к реальности и смыслам, т. е. в своей

13 Однако, мы воздерживаемся от использования теории архетипов К.-Г. Юнга в силу принципиальной разницы онтологических установок.

14 Священник Павел Флоренский. *Философия культа* (Опыт православной антропологии). М., 2004. С.52

15 Цит.соч., С.56.

16 Цит.соч., С.57.

раздельности от Первых, стали реальности пустыми и смыслы ложными. Вещи стали только утилитарными (полезными), понятия, — только убедительными. Но утилитарность уже не была знаменем реальности, а убедительность — истинности. Все стало подобным Истине, перестав быть причастным Истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче — все стало светским. Так произошла западноевропейская гуманитарная цивилизация — гниение, распад и почти уже смерть человеческой культуры. Так распалась и разложилась на специальности, подробности и частности, из которых ни одна не необходима и все случайны и условны, человеческая личность, утерявшая безусловное условие своего единства, а с ним — и крепость ноуменального самосознания. Так рассыпалась душа в сумму помыслов и приражений, т. е. состояний, наваемых случайными ветрами извне»¹⁷.

Следует еще раз подчеркнуть магистральность для русской философии и философии культуры подобного понимания творчества и генезиса культуры. Мы видели выше, что Киреевский выделял два типа культуры («образованности»), причем, аналогично Флоренскому, также видел кризис культуры нового времени в подмене онтологического начала культуры техническим. Но более того. Киреевский в своих последних работах набрасывал планы преодоления этой расколотости человеческого ума, дисгармонии человеческих способностей. Он ставил задачу обретения *целостного разума*. Средства для этого он видел в православной традиции и, отчасти, в русской культуре, в широком смысле слова. Разница в понимании разума на Западе и на Востоке сказывалась уже в самой методологии мысли в богословии и философии. «Но в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня — стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою. Первое условие такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не при-

знавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины; чтобы голос восторженного чувства, не согласенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла независимо от развития других понятий он не считал верным путеводителем для разумения высшего мироустройства; даже чтобы господствующую любовь своего сердца отдельно от других требований духа он не почитал за непогрешительную руководительницу к постижению высшего блага; но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума»¹⁸. Обретение этой цельности разума есть уже задача не только и не столько философская, сколько религиозно — аскетическая¹⁹.

Творцы культуры о своем творчестве

Важно отметить, что и сами творцы культуры, художники, писатели, композиторы, ученые, в своем большинстве, не устают свидетельствовать о присутствии в творческой деятельности таинственных начал, не сводимых ни к рассудку, ни к технике, ни к замыслу. Здесь необходимо небольшое методологическое отступление. Настоящий художник, в частности, писатель, это не тот, кто может объяснить свое произведение. И настоящее художественное произведение это не то, что можно объяснить, что может быть сведено к какой — то философеме, к какому — то логическому содержанию. Конечно, в литературе есть различные жанры, в частности, и жанр басни, содержание которой можно выразить в виде некоторой морали. Однако, художественное произведение, художественный образ в собственном смысле не могут быть сведены к такой морали. Не мораль, не логическое содержание определяют действительный смысл образа. Художественный образ, созданный писателем, постигается непосредственно и оказывается далее неразложимым, в силу органической сложности своих внутренних связей. Не что —

17 Там же.

18 О необходимости и возможности новых начал для философии. С.318 // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.

19 См. мою статью: Концепция целостного разума в русской философии и Православие // Катасонов В. Н. Христианство, культура, наука. М., 2012. С.90–109.

то иное, в частности логика, объясняет нам этот образ, а, наоборот: сам этот образ становится новым словом объяснения действительности, новым инструментом познания ее, новым термином жизненной логики. Все в искусстве, в литературе, что может быть объяснено, еще не художественное творение в собственном смысле. Но когда мы говорим, «фаустовский дух», «есенинские мотивы», «Вини Пух», «человек из подполья», мы апеллируем именно к целостному образу, созданному художником, образу, который уже вошел в культуру как ее законный конститутивный член, и служит репрезентации, познанию и анализу действительности.

Так, к примеру, Ф. М. Достоевский принадлежал к писателям, воистину, милостью Божией. И ему была дана способность создавать подобные образы. Сам он прекрасно осознавал фундаментальность собственных размышлений о человеке, которая не исчерпывалась ни психологическим контекстом, ни социологией, ни этнографическими особенностями русского народа. Он, как известно, называл себя реалистом в высшем смысле: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»²⁰. В этих своих исследованиях человеческой души, проводимой на жизненных судьбах своих героев, Достоевский нередко наткнулся на примеры удивительных противоречий, которыми полна человеческая жизнь. Эти реальные противоречия он умел изображать и анализировать. Поэтому Достоевский, конечно, по справедливости может быть назван исследователем и философом. Обычно там, где он понимал, он выговаривал это свое понимание и в художественной форме и в публицистике. Достоевский выговаривает все, что он знает. Но замечательно то, что ему удавалось изображение таких глубин человеческого духа, таких противоречий, которые этого объяснения не допускают, хотя сомнения в действительной значимости опыта этих глубин, этих проклятых вопросов не оставалось. Писатель глубоко чувствовал и умел гениально изображать, что есть множество событий, смысл и генезис которых непонятен, но которые играют решающую роль в жизни; что в жизни человеческой есть *тайна*, недоступная человеческому рассудку. Поэтому он совершенно сознательно

часто использует для обозначения этих моментов выражение «не знаю». Так, например, в начале рассказа «Сон смешного человека», герой, купив револьвер, ждет минуты, когда сможет пустить его в дело, убить себя, однако, ««прошло уже два месяца, а он все лежал в ящике; но мне было до того все равно, что захотелось наконец улучшить минуту, когда будет не так все равно, для чего так — не знаю». Но вот, в дождливый ноябрьский вечер, в разрыве облаков он увидел звездочку, «... и я положил, что это [самоубийство — В. К.] будет непременно уже в эту ночь. А почему звездочка дала мысль — не знаю». После пробуждения от сна герой начинает свою проповедь. «Кроме того, — восклицает он, — люблю всех, которые надо мной смеются, больше всех остальных. Почему это так — не знаю и не могу объяснить, но пусть так и будет».

В рассказе «Сон смешного человека» присутствует удивительная антиномия: герой видел жизнь безгрешного, не претерпевшего грехопадения человечества, «целовал землю», по которой ходили эти люди, а потом вдруг... взял и развратил весь этот райский мир. И эта фундаментальная антиномия также принадлежит к одному из таких «не знаю», хотя содержательно является одним из важнейших открытий великого писателя. Достоевский сам, также как и его герой, не знает принципиального ответа на вопрос: почему был «развращен» мир «Золотого века». Если бы он знал этот ответ, он бы непременно высказал его... Но он его не знает, как не знает его и герой рассказа, как не знаем его и мы... Речь в литературе подобного рода идет не о какой — то загадке, которую нам загадывает писатель, и которую мы должны отгадать. Речь идет о загадке, которую нам загадывает сама жизнь, само бытие. Достоевский своим талантом только помогает нам осознать всю непостижимую глубину этой загадки: мы не можем в нашей жизни не стремиться к преодолению несправедливости и зла в этом мире, и одновременно, в глубине нашей души, мы не можем поверить в то, что когда — то в земной действительности это преодоление может быть достигнуто... Мы не можем не бороться со злом, ибо, в чем бы тогда и состояло человеческое достоинство, но, в то же время, мы не можем и пожертвовать нашей свободой ради утверждения какой — то конкретной утопии. Или, говоря словами героя «Сна»: ««я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть

20 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т.27. С.65.

прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». Но в то же время: «...пусть это никогда не сбудется и не бывает раю (ведь уже это-то я понимаю!) ...» И Достоевский здесь, при всей глубине своих прозрений, обнажающих безотчетные движения души человеческой, остается здесь с нами, по эту сторону загадки²¹.

Эту духовную сторону жизни, никак не сводимую ни к каким рациональным объяснением подчеркивали многие творцы мировой культуры. Вот еще несколько примеров высказываний великих художников и деятелей культуры:

Вольфганг Амадей Моцарт: «Я не слышу в своём воображении части музыки последовательно, я слышу её всю сразу. И это наслаждение!»

Людвиг ван Бетховен: «Музыка это один бесплотный вход в высший мир знания, которое постигает человечество, но которое не может постигнуть человек».

Рихард Вагнер: «Я убеждён, что есть универсальные потоки Божественной мысли, вибрирующей эфир всюду и что любой, кто может почувствовать эти колебания, вдохновлён».

Леонардо да Винчи: «Где дух не водит рукой художника, там нет искусства».

Пабло Пикассо: «Живопись — это что-то священное. Надо было бы еще сказать, что, если картина обладает большой силой воздействия, то это происходит потому, что в ней есть Дух Божий. Но люди могут понять это выражение неправильно. Между тем, оно ближе всего к истине».

Иоганн Вольфганг Гете: «В глубине человека заложена творческая сила которая способна создать то, что должно быть, которая не даст нам покоя и отдыха, пока мы не выразим это вне нас тем или иным способом».

Новалис: «Таковы поэты, эти редкостные залетные птицы среди нас; они проходят иногда по нашим селениям и всюду обновляют старый великий культ человечества и первых его богов, звезд, весны, любви, счастья, плодородия, здоровья и радости»

Иван Александрович Гончаров: «Приемам творчества не научишься. У всякого творца есть

свои приемы? Можно только подражать высшим приемам, но это ни к чему не ведет, а в работу творческого духа проникнуть нельзя».

Джемс Джойс: «Три условия требуются для красоты: целостность, гармония, сияние».

Томас Стернз Элиот: «Истинная поэзия воспринимается прежде, чем понимается».

Эрнест Хемингуэй: «Писатель, если он настоящий писатель, каждый день должен прикасаться к вечности или ощущать, что она проходит мимо него».

А что же в науке? Как обстоит дело здесь? Есть ли научные теории продукт чисто рационального методического исследования? — Отнюдь нет. Здесь, как и везде мы видим присутствие высших творческих начал, едва контролируемых человеком, видим как научная истина открывается как логос самого бытия. Примеров этих огромное множество. Мы приведем только свидетельство одного из создателей квантовой механики, лауреата Нобелевской премии, немецкого физика Вернера Гейзенберга (1901–1976). Обладая хорошим гуманитарным образованием, он много размышлял о философии естествознания, писал на эту тему книги, делился своими мыслями со своими знаменитыми коллегами Н. Бором, В. Паули, П.-А.-М. Дираком и др. В книге «Физика и философия» он рассказывает об одном разговоре с В. Паули. Рассуждая в рамках секулярного мировоззрения Гейзенберг, тем не менее, подчеркнул, что как в гуманитарной сфере, так и в сфере науки он чувствует присутствие некоего «центрального порядка». В истории, несмотря на множество конкурирующих мировоззрений, чувство этого центрального порядка позволяет ставить вопрос о смысле жизни, о нравственности, о спасении. А в естествознании это позволяет говорить о «плане», по которому создана природа, о законах, которыми «руководится» природа и т. д., причем метафоры эти почти неизбежны. Паули, со свойственной ему способностью задавать прямые вопросы, не мог стерпеть подобного «хождения по краю пропасти». И он задал товарищу прямой вопрос: «Веруешь ли ты в личного Бога?» Ответ Гейзенберга, создателя матричной квантовой механики, автора принципа неопределенности, к тому времени уже лауреату Нобелевской премии по физике, настолько удивителен, что продолжение разговора хочется привести полностью:

21 Подробнее см. в моей работе: Катасонов В. Н. Загадки «Сна смешного человека» Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский: писатель, мыслитель, прорицатель. М., 2012. С. 40–89.

«А можно ли мне сформулировать этот вопрос иначе? — отвечал я.

— Например так: можешь ли ты, или можно ли вообще относиться к центральному порядку вещей или событий так непосредственно, вступать с ним в такую глубокую связь, в какую можно вступать с душой другого человека? Я намеренно беру здесь это столь трудное для истолкования слово «душа», чтобы ты понял меня правильно. Если ты спросишь таким вот образом, я отвечу «да». И я мог бы, поскольку дело не идет здесь о моих личных переживаниях, вспомнить знаменитый текст, который всегда носил с собой Паскаль и который он начал словом «огонь»²². Но этот текст не был бы справедлив в отношении меня.

— Ты хочешь сказать, что для тебя центральный порядок может ощущаться столь же напряженно и непосредственно, как душа другого человека?

— Возможно.

— Почему ты взял здесь слово «душа», а не просто говорил о другом человеке?

— Потому что слово «душа» означает как раз центральный порядок, средоточие существа, которое по формам своего внешнего проявления может быть необозримо многообразным»²³.

В научном творчестве, как и в художественном, ученые опознают присутствие сверхъиндивидуальных, сверхпсихологических начал, которые служат критерием как правильности, так и глубины познания. Про которые можно бы было сказать словами Гераклита: «Не мне, но Логосу внимая...»

Г.-Г. Гадамер и М. Хайдеггер об онтологии искусства

Удивительная близость существует между традициями русской философии культуры и немецкой философской мыслью XX столетия. Г.-Г. Гадамер, в своей статье «Актуальность прекрасного» также поднимает вопрос об онтологии искусства. Слово *актуальность* он употребляет здесь в средневековом смысле, противопоставленном понятию *потенциальности*. Актуальность прекрасного означает здесь бытийствен-

ную действенность красоты, несводимость ее ни к какой рациональной схеме или объяснению. В своих построениях он выделяет три момента искусства: «игра», «символ», «праздник». Мы специально остановимся здесь только на понятии символа.

Говоря о символическом смысле искусства, Гадамер вспоминает легенду, рассказанную Платоном в «Пире». Изначально люди были целостными андрогинами, но боги в наказание за дерзость рассекли людей на две половины, и теперь каждый человек ищет в мире свою половину, надеясь обрести целостность в любви. Символичность искусства также демонстрирует не просто указание на что-то другое, как в басне, или аллегории, а на некую целостность. «Ведь и здесь дело обстоит таким образом, что значение, присущее прекрасному в искусстве, произведению искусства, отсылает нас к чему-то, что не заключено непосредственно в доступном восприятию внешнем облике... Символ же, познание символического смысла предполагает, что единичное, особенное предстает как осколок бытия, способный соединиться с соответствующим ему осколком в гармоничное целое, или же что это — давно ожидаемая частица, дополняющая до целого наш фрагмент жизни... Общение с прекрасным, особенно с прекрасным в его художественном воплощении, есть попытка прикосновения к возможному миру гармонии, где бы это ни происходило»²⁴. Другими словами, не что-то единичное явлено нам в художественном символе, а мы прикасаемся здесь к некому целостному миру блага и гармонии, «аура» которого чувствуется, но выразить это в конкретных понятиях совершенно невозможно. «Это, как мне представляется, и есть более точный ответ на вопрос, в чем заключается значение прекрасного в искусстве. То есть в отдельном явлении встречи с прекрасным основу познания составляет не особенное, а целостность познаваемого мира и онтологической позиции человека в мире, включая и конечность человека в противоположность миру трансцендентного. Продолжая рассуждение в том же духе, можно сделать следующий важный шаг и сказать: это не значит, что то неопределенное смысловое ожидание, которое делает произведение искусства для нас осмысленным, может быть когда-либо полностью

22 Речь идет о так называемом «амулете Паскаля», тайной записи о глубоком духовном опыте встречи с Богом, пережитым Б. Паскалем. Запись начинается со слова «Огонь».

23 Позитивизм, метафизика и религия. С.325 // Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.

24 Актуальность прекрасного. С.298–299 // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

удовлетворено, так что мы, поняв и познав, овладеем смысловым целым в полном объеме»²⁵. Подобный подход, развитый, в частности, Гегелем, попытка понять произведение искусства как явление некоторой идеи, и свести его полностью к сфере понятий, Гадамер считает идеалистическим заблуждением. «В противовес этому я утверждаю, что символичность, а в особенности символичность в искусстве, основывается на нерасторжимом единстве намека и утаивания. Произведение искусства, будучи явлением уникальным, не просто носитель некоего смысла, который может быть выражен и с помощью других носителей. Смысл произведения искусства, скорее, в самом его существовании. Чтобы избежать ложных ассоциаций, следовало бы заменить слово «произведение» словом «формация», «структура». Это означает, например, что эфемерный процесс постоянно рождающейся и ускользящей речи в стихотворном произведении загадочным образом замирает, превращая ее в структуру, подобную отложениям горных пород. Прежде всего нельзя думать, что «формация» осуществляется в соответствии с чьим-либо замыслом (как это по-прежнему чаще всего бывает по отношению к понятию «произведение искусства»). Автор произведения и в самом деле созерцает творение своих рук так же, как и любой другой зритель. Между замыслом и приложенными усилиями, с одной стороны, и результатом — с другой, заключен скачок. Результат «предстает» перед нами, и тем самым раз и навсегда он «здесь», доступный и постигаемый в этом своем «качестве». Именно из-за этого скачка произведение искусства оказывается уникальным и незаменимым явлением»²⁶. Искусство, в этом смысле, не просто являет нам некоторый смысл. Произведение искусства выступает как некий сосуд, содержащий этот смысл, не позволяющий ему растекаться, но в то же время содержащий и бесконечность возможных интерпретаций. «Возможностью освободиться от идеалистического понимания смысла и увидеть полноту бытия или истину, которую несет с собой искусство в двойственности открытия и обнажения, обнаружения и сокрытия, утаивания, мы обязаны в конечном счете Хайдеггеру, который решился в нашем веке на этот шаг. Он показал, что гре-

ческое понятие снятия покровов, ἀλήθεια, — лишь одна сторона основополагающего опыта человека в мире. Наряду со снятием покровов и в неразрывной связи с ним существует и обложение в покровы, сокрытость, составляющие часть конечности человеческого существа. Этот философский тезис, полагающий предел идеализму чисто смысловой интеграции искусства, включает в себя понимание того, что в произведении искусства заключено нечто большее, чем то или иное значение, постигаемое неопределенным образом как смысл. Это «нечто» зависит от факта единичности: все дело в том, что это нечто существует или, пользуясь словами Рильке, «такое было среди людей». Именно эта наличность, фактичность и оказывает неодолимое противодействие любому ожиданию смысла, претендующему на свое превосходство. Признать это принуждает нас само произведение искусства. «Ты передо мной как на ладони. Ты должен изменить свою жизнь». Уникальность, особенность, через которую приходит к нам эстетический опыт, вызывает потрясение, шок»²⁷.

Ссылка на Хайдеггера здесь неслучайна. В «Бытии и времени» Хайдеггер убедительно показал, какую огромную роль играет для человека его конечность, в частности осознание смертности. В работе «Исток художественного творения» эти идеи были применены к истолкованию искусства. Мы не имеем здесь возможности обсуждать эту большую и глубокую работу. Сделаем лишь несколько ссылок на статью Гадамера, написавшего введение к этой работе Хайдеггера. «В противоположность привычной опоре на вещный и предметный характер произведения искусства у Хайдеггера художественное творение определяется как раз не тем, что оно предметно, но тем, что оно «стоит в самом себе». Благодаря такому «стоянию в себе самом» художественное творение не принадлежит к своему миру — нет, этот мир в нем. *Художественное творение открывает, распахиывает свой собственный мир* (курсив мой — В. К.). А предмет — это лишь то, что уже не принадлежит строю, складу своего мира, коль скоро распался мир, к которому оно принадлежало. Когда художественным творением торгуют, это предмет. Оно уже лишилось своего мира, своей родины»²⁸.

25 Там же.

26 Цит.соч., С.300.

27 Цит.соч., С.301.

28 Цит.соч., С.109.

Характеризуя работу Гадамер пишет: «Фундаментальное значение его работы об истоке художественного творения заключается, по моему мнению, в том, что она содержит указание на глубинные намерения позднего Хайдеггера. Каждый должен считаться с тем, что в художественном творении, в котором «восходит» мир, не только совершается и становится доступен опыту не познанный прежде смысл, но вступает в бытие, вместе с появлением произведения искусства, нечто новое. *Творение искусства не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть событие* (курсив мой — В. К.). Тем самым мы получаем возможность сделать шаг вслед за Хайдеггером в его критике западной метафизики, субъективизма Нового времени»²⁹. В этом смысле, подчеркивает Гадамер, для Хайдеггеровского понимания художественного творения важна не только та раскрытость, истина, которую являет искусство, но и закрытость, присутствующая в нем одновременно. «Сокрытость же, соответствующая такой изначальной несокрытости, — это не заблуждение, она изначально принадлежит самому бытию. Природа любит скрываться (Гераклит), и это характеризует природу не только со стороны ее познаваемости, но и по ее бытию. Природе свойственно восходить к свету и скрываться в темноте, цветок раскрывается навстречу солнцу и уходит корнями своими в глубь земли. Хайдеггер говорит о прорезивании бытия: только такая прорезанность, поляна среди бытия, и есть место, где сущее может познаваться как разведанное, познаваться в своей несокрытости... Несомненно, замысловатое отношение. И еще более замысловато то, что именно в этом «здесь», где показывается сущее, выступает и сокрытость бытия... Все подобное становится возможным лишь благодаря тому, что и раскрытие и соккрытие суть совершения самого бытия. Мы можем это понять, коль скоро усвоили понимание сущности художественного творения. В нем царит явное напряжение между восходом и заходом, скрыванием, и это напряжение составляет самую сущность творения. Натяжение это и определяет уровень художественного творения, его облика и склада, оно и порождает блеск, каким затмевает творение все находящееся рядом с ним и вокруг него. Истина творения, его смысл не лежит на дороге, его смысл — неисчерпаемая глубина.

29 Цит.соч., С.111–112.

Так что по своему существу художественное творение есть спор мира и земли, восхода и захода, замыкания»³⁰. Противостояние сокрытия и открытия есть вообще общая характеристика сущего, по Хайдеггеру. Если сущее полностью сведено к своему представлению, то это значит, что оно неправильно определено. Это значит, что оно полностью сведено к своей поверхности, и одновременно находится в полной власти представляющего³¹. Полная представимость сущего означала бы, что его самостояние в бытии окончилось, что оно полностью превратилось в наличность, в Gestalt. Именно подобным проектом вдохновляется новоевропейская наука, мечтающая о так называемой *теории всего*. «Однако, вопреки этому, — пишет Гадамер, — каждое художественное творение учит нас тому, что есть нечто, что оказывает несокрушимое сопротивление такой воле к овладению всем — сопротивление не в смысле косного сопротивления намерениям нашей воли, а в том смысле, что на нас *неодолимо напирает покоящееся в себе бытие*. Так что сокрытость и замкнутость художественного творения — это залог и подтверждение универсального тезиса философии Хайдеггера: сущее, выглядывая в открытость присутствующего, в то же время утаивает само себя [курсив мой — В. К.]»³².

Какие выводы мы можем сделать из онтологического понимания культурных ценностей? Можно отметить следующие главные моменты:

Прежде всего, культурная ценность *не есть просто вещь*, полностью исчерпываемая своей материальностью. Несмотря на то, что основой ее является материальный носитель, — бумага, на которой написан текст, ноты, звук инструмента, холст картины, камень и строительный материал здания, — произведение культуры всегда больше этого, ибо включает в себя возможную *коммуникацию* по поводу своих формальной, содержательной, а также и материальной сторон.

Культурная ценность, в соответствии с изложенным в статье, представляет собой *событие, приращение бытия* в универсуме человеческого существования. Обладая специфическим бытием, культурная ценность всегда выступает в культуре в качестве некоторой *интерпретации*, всегда партикулярной. Пространство этих

30 Цит.соч., С.112–113.

31 См.работу Хайдеггера *Время картины мира*...

32 Цит.соч., С.114.

интерпретаций бесконечно и в качестве сущего противостоит человеческой конечности.

Присутствие культурной ценности в культуре есть всегда *исполнение (performance)*, в котором происходит *причащение бытию* культурного события. В этой встрече человек переживает катарсис, открывая новое бытие в универсуме и в себе самом. Это требует особой ответственности от исполнителя: стремящийся исполнить «так как написано», остается сам и оставляет зрителей вне культурного события. Еще более порочна сегодняшняя практика «нового прочтения», постоянно ставящая на место бытия художественной ценности рассудочные режиссёрские схемы.

Обсуждение практических выводов для культурной политики требует, впрочем, особого пространства и особого угла зрения.

Этому будет посвящена Часть II.

Список литературы

1. Годованец Ю. А. «Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (Культурологический анализ)» (Сайт: <http://www.dissercat.com/content/sokhranenie-kulturnykh-tsennostei-teoriya-i-praktika-primeneniya-mezhdunarodnykh-standartov> (дата обращения: 4.08.2016)).
2. Путрик Ю. С., Соловьёв А. П., Царьков П. Е. Культурное и природное наследие как важный фактор патриотического воспитания молодёжи в Российской Федерации // Журнал Института Наследие 2015 (2).
3. Миронова Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества (Сайт: <http://www.dissercat.com/content/sokhranenie-prirodnogo-i-kulturnogo-naslediya-kak-imperativ-kulturnoi-politiki-postindustria>. (дата обращения: 5.08.2016)).
4. Сохранение культурных ценностей. Введение. (Сайт: <http://do.gendocs.ru/docs/index-119977.html> (дата обращения: 29.07.2016)).
5. Карлова А. И. Цифровое искусство и музей // Вопросы культурологии, № 4, 2016.
6. Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон. Переписка из двух углов. М., 2006.
7. Священник Павел Флоренский. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2004.
8. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979 // О необходимости и возможности новых начал для философии.
9. Катасонов В. Н. Христианство, культура, наука. М., 2012 // Концепция целостного разума в русской философии и Православии.
10. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. 1991 // Актуальность прекрасного.
11. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986 // Хайдеггер М. Время картины мира.

THE QUESTION ABOUT ONTOLOGY
OF CULTURAL VALUES
PART I.
RUSSIA TRADITION OF PHILOSOPHY
OF CULTURE

Katsonov Vladimir Nikolaevich,
DS in Philosophy, DS in Theology,
professor of Ss Cyril and Methodius Theological Institute
of Post-Graduate Studies in Moscow
vladimir15k@mail.ru

Abstract

The paper deals with the problem of the cultural values ontology. It is shown that the Russian philosophy of culture tradition strong keeps for ontology understanding of subjects of culture, in any way not reduced to flat opposition of natural and artificial. It is noticed that this understanding is close to XX-th century Western (German) phenomenology of culture.

Keywords

Being and culture, ontology, objects of culture, Russian philosophy of culture, creativity and being, Western philosophical phenomenology and ontology of culture.

RAR
УДК 78.07
ББК 85

СОТВОРЧЕСКАЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО- ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Куприна Елена Юрьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук,
МБОУ ВО «Тольяттинская консерватория»,
Ул. Победы, д. 46, Тольятти, Самарской области, 445017
kuprina65@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сотворческая музыкально-исполнительская деятельность как художественно-динамическая открытая нелинейная система. С позиции синергетики определены параметры порядка: время, ритм, интонация, исполнительское дыхание, исполнительская воля как кооперация взаимосвязанных компонентов системы. Определены условия оптимального функционирования системы сотворчества в условиях неустойчивости сценического исполнения. Представлены модели сотворческой деятельности и её самоорганизации.

Ключевые слова

Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность, сотворчество, параметры порядка, художественно-динамическая самоорганизующаяся система, модель сотворческой деятельности.

Проблема сотворческой музыкально-исполнительской деятельности как целостный феномен до сих пор остаётся не исследованной в русле искусствоведения и культурологии, хотя имплицитно присутствует в большом количестве теорий.

Понятие «сотворческая музыкально-исполнительская деятельность» предполагает многоаспектность проблемного анализа. Её можно определить, как динамический вид художественной деятельности, реализующийся в относительно самостоятельных творческих инстанциях: первичном-авторский замысел и вторичном —

исполнительская интерпретация¹. Полифоническая природа этого явления требует системного теоретического анализа и рассмотрения с точек зрения различных наук: музыковедения, философии, психологии, педагогики, синергетики, культурологии. Полифоническая партитура ракурсов

¹ Гуренко Е. Г. Исполнительское искусство: методологические проблемы. Новосибирск, 1985. С. 14–15.

теоретического анализа² предполагает рассмотрение операциональной избыточности проблематики сотворчества в разнообразных взаимосвязях, мультидисциплинарной интерпретации изучаемого материала, что соответствует постнеклассической стадии развития науки.

Сфера сотворческой музыкально-исполнительской деятельности является гиперсложной системой (М. С. Каган, Я. И. Мильштейн и др.) и, как предмет изучения, представляет многоуровневый информационный «кластер», исследование которого возможно посредством максимальной концентрации информации. С этой целью возможно использовать выводы Г. Хакена, обратившего внимание на открытые самоорганизующиеся системы в рамках синергетики. В целях охвата максимального объёма информации, он предложил использовать метод её «сжатия» через так называемые параметры порядка, обладающие плотной информационной насыщенностью. Параметры порядка подчиняют себе огромное количество мелких подсистем. Если представить сотворческую исполнительскую деятельность как информационный кластер, то музыкант, «раскодируя» информацию о каждом параметре порядка, может «системно» работать в этой сфере так же, как он обращается с любой другой информацией, иначе — воспринимает, сознательно управляет, гибко маневрирует.

С позиции синергетики сотворческая музыкально-исполнительская деятельность является открытой, нелинейной самоорганизующейся художественной системой, динамика которой развёртывается в условиях неустойчивости. Открытость обусловлена участием музыкантов в сотворении музыки, так как любой человек

сам по себе является открытой системой (Г. Хакен, И. Пригожин, С. Курдюмов, И. Евин и др.). Нелинейность выражается в спектре путей развития исполнительского процесса во время сценического выступления³. Неустойчивость системы сотворчества обнаруживается, с одной стороны, в чрезвычайной чувствительности исполнительского процесса к малейшим внешним воздействиям⁴, с другой — в чрезвычайно тонкой организации самого исполнительского организма.⁵ Неустойчивость порождает множество эмерджентных (внезапно возникающих) свойств во время концерта⁶.

Каким же образом возможно нейтрализовать обстановку неустойчивости и усилить систему музыкально-исполнительского сотворчества? С ответом на данный непростой вопрос связаны несколько принципиальных положений.

Первое. Одним из главных способов оптимизации процесса управления системой в музыкально-исполнительском сотворчестве является *поддержание режима мозговой активно-*

2 См.: Куприна Е. Ю. Моделирование профессиональной подготовки студентов-музыкантов к сотворческой исполнительской деятельности. Дис. канд. педагогических наук. Тольятти, 2008; Куприна Е. Ю. Введение в понятие «Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43). Ч. I. С. 116–120; Куприна Е. Ю. Сотворчество музыкантов: психологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43). Ч. II. С. 111–115; Куприна Е. Ю. Методологические основы исследования сотворческой музыкально-исполнительской деятельности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8 (50). Ч. 4. С. 23–26. DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.181.

3 Исполнительский вариант переживается музыкантом в уме, в реальном звучании, реализуется в домашней обстановке, в классной аудитории, на репетиции, на концерте и т. д.; сценическое выступление осуществляет индивидуальный или коллективный исполнитель и т. д.

4 Вероятность различного рода «сценических неожиданностей». Предвидение возможных осложнений выступления — важнейшее условие подготовки музыканта, независимо от того, осуществляется ли это в условиях учебного процесса или профессиональной деятельности. Поэтому музыканты посвящают много времени репетициям. В этом, в частности, заключается одна из причин необходимости развития навыков и умений саморегуляции в любых ситуациях.

5 У музыкантов так называемые «пороги чувствительности» проявляются по-разному. К примеру, перед выходом на сцену: в тремолении конечностей, повышенной зевоте, чувстве озноба или повышенной потливости, состоянии сильного возбуждения или, наоборот, сильной слабости и пр.

6 Применительно к сотворческой деятельности — различного рода сценические «казусы»: 1) отрицательного свойства (от тривиальных — «выпадения» текста: до «форс-мажорных» — случайного падения нот с пюпитра; внезапного отключения света в зале из-за резкого сбоя электричества и т. п.); 2) положительного свойства — возникновение состояния «окрылённости», свободы, «власти» над слушательской аудиторией и т. д. В таком состоянии исполнитель, случается, играет даже лучше, нежели дома, в классе или на репетиции. Бывали случаи, когда накануне концерта исполнитель заболел, и ему приходилось выходить на сцену с высокой температурой. После выступления на сцене симптомы болезни исчезали.

сти музыкантов во время исполнения музыки. Именно этот процесс является регулируемым и управляемым⁷.

Второе. По утверждению И. Пригожина, по отношению к открытым системам конструктивную роль играет время⁸. В контексте музыкального сотворчества, *время* есть «строительный материал» (М. Аркадьев, Т. Цареградская и мн. др.), с которым музыканты работают профессионально. Чувство времени формируется у человека в области психики, о чем писали ещё древние и средневековые философы (Плотин, Августин и др.). В связи с этим, архи важен вывод физиологов о том, что *время психической деятельности совершается от будущего к прошлому*, в отличие от реального «физического», в котором движение осуществляется от прошлого к будущему. Это связано с ролью правого и левого полушарий в ощущении времени⁹. Поэтому часто преподаватели говорят учащимся: «голова должна быть впереди пальцев», а многие профессиональные музыканты отдают предпочтение тщательной работе «в уме», переживая музыку в «потоке сознания» (Г. Гинзбург, И. Гофман, Г. Цыпин и мн. др.).

Третье. В музыкально-исполнительском процессе задействованы все системы человеческого организма, вследствие чего многие реакции собственного исполнительского поведения на сцене музыкантам чрезвычайно трудно предвидеть заранее. Неустойчивость составляет имманентный «фон», «среду», в которой происходит развитие музыкантов. Это, с одной стороны, объясняет причину столь длительного «пути в профессию», а, с другой, — позиционирует проблему ответственности личности музыканта за распоряжение даром, посланным ему свыше. Поэтому все великие исполнители, прежде всего, очень много работали для того, чтобы никакие, выражаясь языком синергетики, флуктуации, с чем бы они ни были связаны, не помешали их сотворчеству.

Каким же образом можно оптимизировать работу музыкантов и максимально приблизиться к достижению стабильности в исполнении? Один из возможных путей — иметь ясное представление о *целостной системе* сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, чтобы уметь рас-

пределять силы и целенаправленно направлять творческую энергию на художественный результат.

Какие *параметры порядка* возможно обозначить в системе сотворческой деятельности? С позиции синергетического подхода, учитывая фундаментальные исследования в области музыковедения, искусствоведения, философии и психологии, параметрами порядка в системе сотворческой музыкально-исполнительской деятельности является особого рода кооперация *компонентов* — «Время», «Ритм», «Интонация», «Исполнительское дыхание», «Исполнительская воля».

В сотворении и становлении исполнителями «звуковой» реальности компонент **«Время»** является в системе сотворческой деятельности «несущим», *организующим* компонентом (Э. Ансерме, М. А. Аркадьев, В. И. Петрушин, П. П. Сувчинский, Т. В. Цареградская и мн. др.).

Немыслимый вне «Времени», **«Ритм»** является *объединяющим* компонентом системы сотворчества, существуя в осмысленно-расчленённом виде (Б. В. Асафьев, Э. Ансерме, Е. М. Двоскина, Б. М. Теплов, В. Н. Холопова, М. Г. Харлап и др.), «задавая» временной компонент ансамблистам, не подавляя при этом их индивидуального способа переживания музыки.

«Интонация» является *психолого-эмоциональным* компонентом, вобравшим в себя всё богатство музыкальных средств: ритм, гармонию, мелодию (Б. В. Асафьев, М. М. Берляничик, Л. А. Мазель, В. В. Медушевский, Н. К. Переверзев, Г. М. Цыпин, Б. Л. Яворский и мн. др.). «Озвучивая» чувства и переживания участников сотворчества, интонация содержит внутри себя механизм заражения ими Другого, привнося в каждое исполнение индивидуальность и неповторимость.

Показатель «вдохновенности» совместного исполнения произведения — **«Исполнительское дыхание»** является *над-исполнительским, процессуальным* компонентом, напрямую взаимосвязанным с понятиями «духовная энергия» и «психическая энергия» (Э. Ансерме, Т. Воронина, А. Д. Готлиб, А. Г. Каузова и др.)

Управляющий компонент **«Исполнительская воля»** несёт ответственность за организацию и функционирование всей системы сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, аккумулируя внутренние исполнительские воли всех её субъектов. Воля каждого исполнителя реализуется в действии, которое предварительно отражается в сознании (Г. Гинзбург, Дж.

7 Евин И. А. Искусство и синергетика. М., 2004. С. 17.

8 Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.

9 Моисеева Н. И. Время в нас и время вне нас. Л., 1991. С. 11.

Мур, Г. М. Коган, К. Мартинсен, Л. М. Цейтлин, Г. М. Цыпин, В. И. Юшманов и др.).

Каждый из указанных компонентов состоит из множества подкомпонентов, обеспечивающих взаимопроникновение всех элементов друг в друга внутри родового компонента. Все переменные-подкомпоненты охвачены принципом подчинения обозначенным параметрам порядка и по этой причине исключаются из рассмотрения. Для всех компонентов характерен комплексный характер функционирования. Аккумулируя всю полноту информации, параметры порядка вбирают в себя совокупное множество процессов, связанных с сотворческой деятельностью.

Чтобы понять, насколько устойчива система, необходимо обратить внимание на такие моменты, когда поведение системы сотворческой музыкально-исполнительской деятельности качественно меняется при изменении управляющего параметра. Если при изменении управляющего параметра система сохраняет свою структуру, она считается устойчивой, а если структура изменяется, то можно сделать вывод об относительной неустойчивости системы¹⁰. В учебном процессе, в качестве временного «управляющего параметра» в описанной системе организации сотворческой деятельности выступает педагог, в профессиональной исполнительской деятельности — дирижёр, лидер ансамбля. Их опыт, профессионализм, воля и энергия позволяют оптимизировать целенаправленное движение системы сотворчества к наиболее полному воплощению замысла композитора. Роль управляющего параметра для профессионального музыканта

(солиста и играющего в составе ансамбля) играет его исполнительская воля.

Для отражения целостной системы сотворческой музыкально-исполнительской деятельности представляем динамическую двухстороннюю модель. При этом опираемся:

- на *концепцию деятельности*, разработанную харьковской группой психологов, возглавляемой А. Н. Леонтьевым, базирующуюся, в свою очередь, на трудах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Ж. Пиаже и др.;
- на фундаментальные выводы исследователей-музыковедов, искусствоведов, философов, психологов по различным проблемам, связанным с музыкально-исполнительским искусством (А. Н. Якупов, Э. Ансерме, М. А. Аркадьев, Б. В. Асафьев, М. М. Берляничик, Г. М. Коган, Л. А. Мазель, В. В. Медушевский, Е. В. Назайкинский, Г. Г. Нейгауз, П. П. Сувчинский, Б. М. Теплов, Г. М. Цыпин и мн. др.);
- на аспекты проведённого теоретического анализа (искусствоведческий, философский, психолого-педагогический, синергетический)¹¹.

В модели заложен архисложный процесс непрерывного совершенствования профессионального мастерства музыканта-исполнителя.

Общей целью сотворческой деятельности музыканта является *достижение музыкантами высокого исполнительского мастерства в раскрытии художественно-образного содержания (авторского замысла) музыкального произведения*. На идеальном уровне художественный образ существует, с одной стороны, как композиторский замысел, с другой стороны, как вариант «сотворческого прочтения» (интерпретация) музыкантом (-ами) авторского замысла. На материальном уровне художественный образ, с одной стороны, «зашифрован» в нотном тексте, и, с другой стороны, он объективируется в реальном исполнении.

Макроструктура сотворческой деятельности музыканта, подразделяющаяся на внутреннюю и внешнюю деятельности, подчинена *общей цели*. Моменты «переключения» исполнительского внимания музыкантов с общей на частные цели организуют сознательно выработанные и зафиксированные установки (Д. Н. Узнадзе, В. П. Зинченко и др.). Для полноценного и эффективного функционирования всей системы сотворчества,

10 Например, управляющий параметр — педагог. Стиль взаимоотношений с учащимися — авторитарный. Смена педагога приводит к качественному изменению сотворческой деятельности. Для одних учащихся (слабая система) — потеря темпов работы, разлад (раньше всё «держалось» в жёстких руках преподавателя, думать было не обязательно, главное — послушно исполнять указания). Для других обучающихся (сильная система) — новые условия, демократичный стиль взаимоотношений и пр. послужат стартовым сигналом для мощного развития. Другой пример: появление нового дирижёра в оркестре (к примеру, он приехал на гастроль и некоторое время репетирует с оркестром). Это иногда качественно и принципиально меняет качество звучания оркестра (следовательно, до этого была слабая система). В таких случаях у постоянных слушателей возникает ощущение, что в оркестре сменили состав музыкантов. Иное — если со сменой лидера впечатления слушателей от игры оркестра касаются нюансов трактовки, средств выразительности (была сильная система).

11 См.: Куприна Е. Ю. Сотворческая исполнительская деятельность (Вопросы методологии, теории и методики). Тольятти, 2011. 175 с.

систематизирующими факторами является ряд «сотворческих установок». В их числе: 1) установки на со-восприятие (активная встречная направленность между субъектами сотворчества); 2) на самоактивизацию; 3) на будущее музыкальное звучание («идеомоторная»).

Фиксируясь на основе «представления», именно установки определяют направленность и развёртывание работы музыканта.

Поддерживая и сохраняя общую цель творческой исполнительской деятельности в сознании музыкантов (а со временем — и в их подсознании), установки расширяют «число степеней свободы возможных направлений действия и служат основанием порождения и полагания новых целей»¹², что проявляется в «расщеплении» основной цели-мотива на частные цели, на которые генерируются действия-процессы и операции. Частными целями (выделяющимися из общей цели) являются компоненты творческой музыкально-исполнительской деятельности — параметры порядка, системно вбирающие в себя огромное разнообразие художественно-технических задач, решаемых исполнителями в процессе работы. Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность имеет внешний и внутренний планы:

- *действия-операции внутреннего уровня*: конституирование, вслушивание, вчувствование, переживание исполнителями (работа над художественным образом, а также с собственными ощущениями работы исполнительского аппарата);
- *действия-операции внешнего уровня*: индивидуальная и совместная исполнительская проработка.

Условиями для полноценного выполнения названных операций являются:

- *внутренние*: ценностное отношение к работе; психологическая готовность к сотрудничеству; активная направленность на партнёра (-ров); актуализация интерсубъективных связей; работа в режиме «интенционально настроенного» сознания; распределение «многоплоскостного» внимания; саморегуляция;
- *внешние*: материальное обеспечение; оптимальный режим самоподготовки и репетиций; организация концертных выступлений.

С позиции синергетики, суть динамики творческой музыкально-исполнительской де-

ятельности состоит в самоорганизации через параметры порядка, посредством переходов из устойчивых состояний в неустойчивые и наоборот. Источниками информации о музыкальном произведении («идеальная музыкально-синергетическая информация») служат:

- нотный текст (партитура);
- музыкально-теоретическая информация (учебная, методическая, справочная, музыковедческая, историческая, общеэстетическая и пр.) о композиторе, эпохе, стилистике, жанре и т. д.;
- общекультурная микро- и макроатмосфера текущего момента.
- информативные планы каждого из субъектов сотворческой деятельности.

Каждый из участников сотворчества, изучив всю музыкальную информацию в нотной записи, затем — посредством внутренних действий-операций перекодировав «нотную запись в единицах собственной структуры»¹³, конституирует один из возможных вариантов интерпретаторского прочтения. Постепенно музыкантами вырабатывается своего рода идеальная «программа действий» по исполнению того или иного музыкального произведения, которая интериоризируется партнерами по сотворчеству. Процесс образования данной «программы», по П. Я. Гальперину, «выделяется и оформляется в...поле совершаемого или возможного действия»¹⁴. Такое «детерминированное поле», в пределах которого формируется сотворческая исполнительская концепция-интерпретация произведения и осуществляется её объективация, образуют в совокупности параметры порядка (компоненты Время, Ритм, Интонация, Исполнительское дыхание, Исполнительская воля). Следовательно, действия-операции направлены на: достижение единовременности исполнения; достижение ритмического единообразия; со-интонирование при воспроизведении реального звучания; распределение исполнительского дыхания; воспитание исполнительской воли (и на более мелкие подзадачи, входящие в каждый из компонентов).

Далее музыканты-исполнители могут уже «распоряжаться» всей музыкально-синергети-

12 Зинченко В. П. Образ и деятельность. Воронеж, 1997. С. 462–463.

13 Мельникова Н. И. Фортепианное исполнительское искусство как культурологический феномен. Автореф... д-ра искусств. Новосибирск, 2002. С. 26.

14 Гальперин П. Я. Психология как объективная наука/Под ред. А. И. Подольского. М., 1998. С. 267.

ческой информацией, заложенной в произведении. В ходе занятий, репетиций субъективные интенции партнеров направляются, генерируются навстречу друг к другу в межсубъектное пространство музыкального коммуникативного взаимодействия.

Поиск и нахождение решений заложены в данной модели как движение по определённому интерпретаторскому «полю возможностей» в рамках сформированной «программы действий». Очередной поиск нового этапа устойчивости будет совершенствовать систему сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, так как на каждой стадии работы параметры порядка будут вновь и вновь приводиться в соответствие с данной «программой действий».

Учитывая многосоставность понятия и многоаспектность проблемы, опираясь на многочисленные труды авторитетных учёных, определяем, что *сотворческая музыкально-исполнительская деятельность — это многоуровневая и многокомпонентная художественно-динамическая система, отражающая диалогическую интегрированную специфику и закономерности работы музыканта.*

Парадокс сотворческой музыкально-исполнительской деятельности состоит в том, что в интерпретации музыки участвуют одновременно два, три и более музыканта, творческое кредо которых — быть непохожими, неповторимыми, уникальными. Однако художественные задачи от них требуют выступить единой творческой силой, совокупностью, множеством, единым ис-

полнительским организмом. Сотворческая деятельность, мобилизуя уникальный духовный потенциал каждого во имя общей цели, в итоге, позиционирует и преумножает их индивидуальные возможности.

Список литературы

1. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука/Под ред. А. И. Подольского. М., 1998. 480 с.
2. Гуренко Е. Г. Исполнительское искусство: методологические проблемы. Новосибирск, 1985. 88 с.
3. Евин И. А. Искусство и синергетика. М., 2004. 164 с.
4. Зинченко В. П. Образ и деятельность. М., Воронеж, 1997. 608 с.
5. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. Л., 1991. 384 с.
6. Куприна Е. Ю. Сотворческая исполнительская деятельность (Вопросы методологии, теории и методики). Тольятти, 2011. 175 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
8. Мельникова Н. И. Фортепианное исполнительское искусство как культурологический феномен. Автореф. д-ра искусств. Новосибирск, 2002. 48 с.
9. Моисеева Н. И. Время в нас и время вне нас. Л., 1991. 156 с.
10. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
11. Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991. 240 с.

CO-CREATIVE MUSICAL-PERFORMING ACTIVITY AS AN ARTISTIC-DYNAMIC SYSTEM

Kuprina Elena,

PhD in pedagogical sciences

Associate Professor,

Department of General Humanitarian and

Socio-Economic Sciences,

Togliatti Conservatory,

Victory street, d. 46, Togliatti, Samara region, 445017.

kuprina65@mail.ru

Abstract

In article co-creative musical-performing activity as art and dynamic open nonlinear system is considered. From a position of synergetics order parameters — time, a rhythm, intonation, performing breath, performing will as cooperation of the interconnected system components are determined. Conditions of optimum performance of system of coauthorship in the conditions of instability of music performance. The model of sotvorchesky activity and model of her self-organization are presented.

Keywords

Co-creative artistic musical-performing activity; co-creation; the order parameters; the art and dynamic self-organized system; model co-creative artistic activities.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 281.93
ББК 86.372

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОГО МОНАШЕСТВА В СЕРЕДИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XV ВЕКОВ*

Петрушко Владислав Игоревич,

доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор
кафедры русской и общей церковной истории и канонического права,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул. Новокузнецкая, 23Б, г. Москва, Россия, 115184
vp@sedmitza.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс возрождения русского монашества в середине XIV — начале XV в. после продолжительного кризиса в духовной жизни, обусловленного последствиями монгольского нашествия и установления ордынского ига. Показана роль преподобного Сергия Радонежского и общежительной уставной традиции в этом процессе.

Ключевые слова

Древняя Русь, Русская Церковь, монашество, монастырь, общежительный устав, преподобный Сергий Радонежский, митрополит Алексий.

Огромным было влияние преподобного Сергия и на тех, кто жил в миру — смиренный Радонежский подвижник стал непререкаемым авторитетом для своих современников и последующих поколений русских людей. «Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и за-

мерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравствен-

* Окончание. Начало № 2, 2017 г.

ное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера»¹, — писал о силе духовно-нравственного воздействия Сергия Радонежского на современников В. О. Ключевский.

Благотворное влияние игумена Сергия распространялось, в том числе, и на русских князей. Одним своим словом он мог остановить усобицу, примирить враждующих соперников, побудить их осознать свою неправоту. Большое значение имело то, что Сергей Радонежский всегда поддерживал политический курс Московских князей, и это обстоятельство существенно повлияло на то, что по всей Русской земле на Москву стали смотреть как на безусловного лидера в деле объединения Руси и борьбы с ненавистным ордынским игом. Особо значимой была моральная поддержка, которую преподобный Сергей оказал великому князю Дмитрию Донскому². Наиболее ярко это проявилось в канун знаменитой Куликовской битвы, когда Радонежский игумен благословил прибывшего к нему в Троицкий монастырь великого князя на брань с Мамаевой Ордой³.

Со времени создания около 1507–1518 гг. епископом Коломенским Митрофаном «Сказания о Мамаевом побоище» в древнерусской литературе утвердилось предание о том, что Сергей Радонежский не только благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, но и отправил с ним на брань двух иноков — Александра Пересвета и Андрея Ослябю⁴. Согласно церковным канонам, монахам, как и священнослужителям, не подобает брать в руки оружие и принимать участие в боевых действиях. Однако древнее предание, зафиксированное в «Сказании о Мамаевом по-

боище», говорит, что Пересвет и Ослябя приняли непосредственное участие в Куликовской битве. Можно предположить, что иноки Троицкого монастыря были направлены игуменом Сергием в русские полки, идущие на Куликово поле, в качестве моральной поддержки — как зримое свидетельство благословения Радонежского подвижника великому князю Дмитрию и всем русским воинам. Но обстоятельства, сложившиеся в канун сражения, вероятно, вынудили Пересвета (в прошлом опытного воина) нарушить каноны и взяться за оружие. Согласно преданию, отраженному в «Сказании о Мамаевом побоище», перед Куликовским сражением ордынский воин-богатырь Челубей⁵, отличавшийся огромной физической силой, вызывал по традиции на единоборство кого-либо из русских воинов: этот поединок должен был положить начало сражению на Куликовом поле. Возможно, вызов ордынского силача привело к замешательству в рядах русских воинов, где ему не нашлось равного по силам противника. Понимая, что это грозит падением морального духа русского воинства, и, стремясь этого не допустить, Пересвет принял вызов ордынца и вступил с ним в единоборство, закончившееся гибелью обоих⁶.

1 Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли./Сост., вступ. Ст. и примеч. В. А. Александрова. М.: Правда, 1991. С. 106.

2 Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы/Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.

3 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 403–405.

4 В прошлом Пересвет и Ослябя были брянскими боярами и военачальниками, возможно, являлись братьями или близкими родственниками. Оба они также упоминаются в знаменитой «Задонщине». Различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» приводятся в издании: Памятники Куликовского цикла/Под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. СПб, 1998.

5 Иначе Темир-Мирза или Таврул.

6 «Задонщина» иначе рисует участие Пересвета в Куликовской битве, отмечая, что он погиб не в поединке перед сражением, а позднее, уже во время самой битвы. После Куликовской битвы тело Пересвета было доставлено в Москву и погребено у храма Рождества Богородицы в Старом Симонове. Ослябя, в отличие от Пересвета, после Куликовской битвы остался жив, хотя и потерял в ней своего сына Иакова. Ослябя упоминается в 1390-е гг. как один из бояр митрополита Киприана. По мнению А. В. Кузьмина, ко времени Куликовской битвы Ослябя еще не был монахом, а постригся в монашество с именем Андрей уже в 1380-е гг. в Симоновом монастыре (Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сборник статей: в 2 тт. Т. 2. История, этнография, искусствоведение/Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2002. С. 5–29). Симонов монастырь был близок к традиции преподобного Сергия Радонежского. Ослябя мог избрать эту обитель местом своего пострига по той причине, что здесь был погребен его друг Пересвет и, вероятно, его сын Иаков. Здесь же после кончины был похоронен и сам Ослябя. Позднее погребения Пересвета и Осляби оказались внутри трапезной храма Рождества Богородицы в Старом Симонове, где оба героя покоятся и в настоящее время. Их поруганные в послереволюционные годы могилы в конце XX в. вновь были приведены в порядок. Иноки-воины почитаются как местночтимые святые Русской Церкви.

После Куликовской битвы отношения между Сергием Радонежским и Дмитрием Донским стали еще более тесными. Это, в частности, проявилось в событиях конца 1385 г., когда преподобный Сергей по просьбе великого князя прибыл в Рязань: благодаря его посреднической миссии был заключен мир и союз между Дмитрием Московским и Олегом Рязанским. Роль Радонежского игумена как ведущего духовного арбитра в политической жизни Руси также проявилась, когда в 1389 г. великий князь Дмитрий Донской пригласил его выступить в качестве своего душеприказчика и скрепить своей подписью его завещание, впервые содержавшее указания на случай распада Золотой Орды и прекращения ордынского ига на Руси⁷.

Скончался величайший подвижник монашеской жизни на Руси в глубокой старости 25 сентября 1392 г. и был погребен в основанной им обители⁸. За полгода до своей кончины преподобный Сергей Радонежский почувствовал приближение смерти и благословил на игуменство

в Троицком монастыре своего ученика — преподобного Никона⁹.

В рамках начатой митрополитом Алексием монастырской реформы введение преподобным Сергием Радонежским общежительного устава в Троицком монастыре имело колоссальное значение для дальнейших судеб русского монашества. «Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в столет 1240–1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340–1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходило в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. <...> Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учениками преподобного или учениками его учеников, считались десятками, состав-

7 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.-Л., 1950. № 12. С. 33–37.

8 Мощи преподобного Сергия Радонежского были обреты нетленными 5 июля 1422 г. при строительстве каменного собора Троицкого монастыря. 11 апреля 1919 г. в ходе инициированной большевиками кампании по вскрытию мощей рака св. Сергия Радонежского подверглась вскрытию и осквернению. Опасаясь, что мощи Радонежского подвижника будут уничтожены, группа церковных и общественных деятелей (в их числе были наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид (Любимов), священник Павел Флоренский, граф Ю. А. Олсуфьев и др.) приняла решение отделить главу преподобного Сергия. Впоследствии она тайно сохранялась у разных лиц, будучи подменной черепом погребенного в лавре князя Трубецкого. Опасения по поводу возможного уничтожения мощей св. Сергия не оправдались: в продолжение 1920–1946 гг. они хранились в музее, находившемся в зданиях закрытой большевиками лавры. В 1946 г. мощи преподобного Сергия были возвращены Русской Православной Церкви и помещены в Троицком соборе на своем историческом месте (в серебряной раке, созданной по приказу императрицы Анны Иоанновны в 1730-е гг.). Тогда же глава св. Сергия была передана патриарху Алексию I (Симанскому), который возвратил ее в лавру (*Андроник (Трубацев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг.* Издательский Совет Русской Православной Церкви, М., 2008).

9 Почитание преподобного Сергия Радонежского началось вскоре после его кончины, хотя и не носило еще тогда официального характера. Тем не менее, уже в 1427 г. на его родине, в с. Варницы близ Ростова Великого, был основан Троице-Сергиев Варницкий монастырь. Вероятно, какого-либо специального соборного акта о канонизации Сергия не было принято (либо об этом не сохранилось документальных свидетельств). Возможно, это произошло по причине разрыва отношений с Константинополем после принятия греками Флорентийской унии: в Русской Церкви тогда возникло немало трудностей канонического порядка, вызванных ее переходом к автокефалии. Тем не менее, с середины XV в. можно говорить об устойчивой традиции общерусского почитания св. Сергия Радонежского, санкционированного митрополитом Ионой.

ляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей»¹⁰, — писал о роли Сергия Радонежского в духовной жизни Руси В. О. Ключевский.

Благодаря огромному духовному авторитету Радонежского подвижника по всей стране не только было основано множество других общежительных монастырей, но и введен общежительный устав в ранее существовавших обособленных обителях. В результате этого во 2-й половине XIV в. полностью изменяется характер монастырской жизни на Руси¹¹. В сравнении с домонгольской эпохой также существенно изменилась география русских обителей. Если прежде преобладали городские монастыри, то со времени Сергия Радонежского стали доминировать обители, расположенные в удалении (иногда весьма значительном) от городов. Многие монастыри вообще располагались в труднодоступной местности — в лесах, на озерных и речных островах, посреди болот. Это было вполне естественно, так как главной чертой монашеской жизни, переживавшей в то время подъем, стало усугубление молитвенного подвига в сочетании с усилением аскетической практики, для чего монахам необходимо было уединение и удаление от мирской суеты и соблазнов. Еще одной важнейшей особенностью монастырей того времени было то, что теперь их чаще всего основывали не ктиторы из числа представителей социальной элиты, а монахи-подвижники.

Сама монастырская жизнь в это время принимает характер некоего цикла. Инок, начавший свой подвиг в общежительном монастыре, в дальнейшем, по мере духовного возрастания и приобретения опыта, переходил к отшельничеству и пребыванию в «пустынном» безмолвии. Затем

к такому достигнутому духовного совершенства старцу начинали собираться ученики, ищущие назидания и руководства, и вчерашний отшельник становился духовным наставником для собравшейся вокруг него новой братии и почти всегда — устройтелем нового монастыря на месте своего первоначально отшельнического подвига. В ряде случаев один и тот же подвижник мог многократно удаляться в «пустынь» из новосозданного монастыря, тем самым каждый раз полагая начало новым обителям. Сам Сергий Радонежский, покинувший Троицкий монастырь после конфликта с братом Стефаном, отошел на другое пустынное место и тем самым положил начало новой обители — Киржачскому Благовещенскому монастырю. Таким образом, можно утверждать, что преподобный Сергий в равной степени дал импульс как созданию общежительных монастырей, так и отшельнической традиции.

Явленный Сергием Радонежским пример вдохновил на подражание ему множество учеников и соратников-друзей преподобного¹². В свою очередь, их примеру последовали десятки и сотни иных подвижников, которые разошлись по глухим и наименее обжитым уголкам Руси в поисках «священного безмолвия». При этом отшельнический порыв подвижников Сергиева круга находил соответствие в процессе освоения новых земель на Русском Севере, где под пашню вырубались лесные пространства, прокладывались новые дороги в доселе непроходимых местах, разрабатывались соляные промыслы. Близ монастырей, возникавших вокруг какого-либо бывшего отшельника, становившегося наставником для братии из пришедших к нему многочисленных учеников, селились и крестьяне, образовывавшие новые поселения. Так монастырская и крестьянская колонизация способствовали освоению Русского Севера и укреплению в этих краях политического и культурного влияния Московского государства.

Множество учеников преподобного Сергия Радонежского стали основателями новых монастырей в различных уголках Руси. Практически все они, покинув своего учителя, какое-то время вели отшельнический образ жизни, а затем положили начало новым общежительным обителям. Преподобный Савва Сторожевский, один

10 Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли./Сост., вступ. Ст. и примеч. В. А. Александрова. М.: Правда, 1991. С. 103–104.

11 Для большинства монастырей Северо-Восточной Руси общежительный устав стал нормой еще при жизни преподобного Сергия. Сложнее обстояли дела с его введением в Новгородской епархии, духовные связи которой с Москвой из-за политического противостояния были слабее. В результате здесь еще в начале XVI в. преобладали обособленные монастыри, введение общежительного устава в которых начал в 1520-е гг. архиепископ Новгородский Макарий, будущий митрополит Московский и всяя Руси. Отстранение Литовскими князьями митрополита Алексия от управления западнорусскими епархиями также сделало невозможным распространение на них монастырской реформы, проводимой Московским святителем.

12 В агиографической литературе они получили наименование «собеседников» Сергия Радонежского.

из наиболее близких учеников Сергия, некоторое время управлял Троице-Сергиевым монастырем в качестве игумена, а затем в 1398 г. основал собственный Богородице-Рождественский Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Преподобный Мефодий Пешношский основал в 1361 г. Николо-Пешношский монастырь неподалеку от Дмитрова. Преподобный Авраамий Чухломский¹³ основал 4 монастыря в Костромском крае, из которых до наших дней сохранился Покровский Авраамиев Городецкий монастырь близ Чухломы. Преподобный Иаков Железноборский основал Иоанно-Предтеческий Иаково-Железноборовский монастырь неподалеку от Костромы¹⁴. Преподобный Павел Обнорский¹⁵, бывший келейник Сергия, основал в 1414 г. Троицкий Павло-Обнорский монастырь¹⁶. Преподобный Сергей Нуромский, грек по происхождению, приехавший на Русь с Афона и ставший учеником Сергия Радонежского, основал в 1387 г. на реке Нурме Спасо-Нуромский монастырь¹⁷. Преподобный Сильвестр Обнорский основал Воскресенский монастырь на реке Обноре¹⁸. Преподобные Феодосий и Афанасий Череповецкие основали Воскресенский монастырь, близ которого впоследствии возник город Череповец¹⁹. Преподобный Ксенофонт Тутанский основал Тутанский Вознесенский монастырь на р. Тьме²⁰. Преподобный Ферапонт Боровенский, в отличие от других, предпочел искать безмолвное место не на севере, а к юго-западу от родного Троицкого монастыря — он основал свой Успенский

Боровенский монастырь в 10 верстах от города Мосальска²¹.

В то же время были среди основанных Сергием Радонежским и его учениками монастырей и такие, которые сочетали ктиторийский характер с общежительным уставом. Так, преподобный Леонтий Стромьинский явился устройтелем Стромьинского²² Успенского монастыря на реке Дубенке, основанного преподобным Сергием Радонежским по просьбе великого князя Дмитрия Донского около 1378 г.²³ Еще один Дубенский монастырь в честь Успения Богородицы был основан преподобным Сергием по просьбе великого князя Дмитрия уже после Куликовской битвы в благодарность Богу за победу над Мамаем²⁴. Игуменом этого монастыря стал ученик Сергия — Савва. Вероятно, сходный характер имели Богоявленский монастырь в Костроме, основанный преподобным Никитой Костромским, учеником и родственником Сергия Радонежского, и Старо-Голутвин монастырь в Коломне, первым игуменом которого был другой Сергиев ученик — преподобный Григорий Голутвинский.

Движение в русском монашестве, направленное на введение общежительного устава в монастырях, быстро распространилось за пределы Московского княжества и земель великокняжеского домена. Этому немало способствовало то, что в различных удаленных местах подвизались иноки, которых, как уже отмечалось, условно называли «собеседниками» преподобного Сергия Радонежского. Это были единомышленники Троицкого игумена, также стремившиеся возобновить на Руси общежитие и укрепить традиции византийского исихазма.

В числе таких «собеседников» преподобного Сергия, прежде всего, следует отметить уже упоминавшегося выше св. архиепископа Суздальского Дионисия, впоследствии поставленного митрополитом Киевским и всея Руси. По преданию, Дионисий (в миру — Давид) был постриженником Киево-Печерского монастыря

13 Иначе: Галицкий или Городецкий.

14 Ныне в Буйском районе Костромской области.

15 Иначе: Комельский.

16 Ныне в Грязовецком районе Вологодской области.

17 Был расположен на территории современной Вологодской области. Монастырь был упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г.

18 Монастырь находился на территории современного Любимского района Ярославской области. Упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г.

19 Монастырь упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г.

20 Располагался на территории современной Тверской области. В XVIII в. был приписан к Санкт-Петербургской Александро-Невской лавре и фактически упразднен.

21 Монастырь находился на территории современной Калужской области. Упразднен и обращен в приходской храм в 1764 г.

22 Иначе: Дубенского.

23 Находился в 50 верстах к северо-востоку от Москвы, упразднен в древности.

24 Обитель, также упраздненная в древности, находилась на севере нынешней Московской области, на острове при месте слияния рек Дубенки и Дубны.

и в подражание ему основал общежительный Вознесенский Печерский монастырь в Нижнем Новгороде. Сообщая о поставлении Дионисия в 1374 г. на Суздальскую кафедру, летописец характеризует его как ««монастыремъ строителя и мнишьскому житию наставника и церковному чину правителя, и общему житию начальника»²⁵. Святитель Дионисий способствовал созданию в Нижнем Новгороде общежительного женского Зачатьевского монастыря — его основательницей стала вдова Нижегородского князя Андрея Константиновича Василиса (в постриге Феодора). Ученик святителя Дионисия преподобный Евфимий Суздальский основал общежительный Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале. Другой ученик и келейник Дионисия Макарий Унженский основал два монастыря — Макарьев Желтоводский²⁶ и Макарьев Унженский²⁷. 11 насельников нижегородского Печерского монастыря были посланы святителем Дионисием в «верховские города», чтобы основать там новые общежительные обители²⁸.

Еще один выходец из Киева, перебравшийся в пределы Московского княжества и ставший другом преподобного Сергия Радонежского, — преподобный Стефан Махрицкий. Он основал свой Троицкий Стефанов Махрицкий монастырь неподалеку от Троице-Сергиевой обители, которая послужила для него образцом, в том числе и в ее посвящении Пресвятой Троице. Также Троице посвятили свой Авнежский монастырь в Вологодском крае ушедшие туда ученики Стефана Махрицкого — преподобные Григорий и Кассиан Авнежские²⁹. Еще одну обитель в честь Пресвятой Троицы — Троице-Сыпанов Пахоми-

ев монастырь — основал в это же время близ г. Нерехты³⁰ преподобный Пахомий Нерехтский³¹.

Во 2-й половине XIV — 1-й половине XV в. активно шел процесс образования новых монастырей в Вологодском крае, который в это же время стал объектом интенсивной крестьянской колонизации, и где шло освоение новых земель. Одним из первых подвижников в этой земле стал преподобный Димитрий Прилуцкий³², также бывший «собеседником» преподобного Сергия Радонежского. Первоначальным местом его подвигов были окрестности Переяславля-Залесского, где Димитрий основал Никольский монастырь «На болоте». По образцу Троице-Сергиевой обители здесь также был введен общежительный устав. Позднее в поисках безмолвия Димитрий ушел на север. В 40 верстах к юго-востоку от Вологды он основал Воскресенский монастырь на берегу р. Великой, но вскоре был вынужден покинуть это место по причине недовольства местных жителей. Подобного рода инциденты иногда имели место в истории русского монашества, однако, вопреки утверждениям историков советского периода, никогда не носили массового характера. Напротив, куда более часто имело место мирное сосуществование крестьянских поселений вблизи монастырей. Позднее, с возникновением в общежительных монастырях землевладения, обычным явлением стало массовое переселение крестьян на монастырские земли, где они не подвергались такой интенсивной эксплуатации, как в вотчинах светских феодалов-землевладельцев. Новой обителью, основанной преподобным Димитрием, стал Спасо-Прилуцкий Димитриев монастырь неподалеку от Вологды, где подвижник скончался в 1392 г. В этом монастыре отношения иноков с крестьянами, напротив, отличались взаимовыгодным сотрудничеством. Само место для новой обители предоставили Димитрию местные жители, которые также помогли построить первый монастырский храм. Позднее, в XV в., Спасо-При-

25 ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. М., 2000. Стб. 105–106.

26 На берегу Волги, в современной Нижегородской области.

27 На реке Унже, в современной Костромской области.

28 *Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С.* Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241–246.

29 Оба инока погибли в конце XIV в. от рук разбойников, надеявшихся поживиться монастырским имуществом. Показательно, что крестьяне из соседних с монастырем поселений, изловили и казнили святотатцев (*Кузьмин А. В., Романенко Е. В., Виноградова Е. А.* Григорий и Кассиан // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 721–724).

30 Ныне село Троица, пригород Нерехты, в современной Костромской области.

31 Троице-Сыпанов монастырь, упраздненный в числе многих других в 1764 г. по указу о секуляризации, изданному императрицей Екатериной II, был обращен в приходской храм, но вновь стал действующим монастырем уже в конце XX в.

32 Подробнее см.: *Семячко С. А., Анишина А. П.* Димитрий Прилуцкий, Вологодский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 30–39.

луцкий монастырь приобретал пустоши, лесные и рыбные угодья, которые затем обживали и обрабатывали монастырские крестьяне³³.

Крупнейшим центром, из которого шел поток монастырской колонизации Русского севера, был Кириллов Белозерский Успенский монастырь, основанный преподобным Кириллом Белозерским³⁴, также считающимся младшим другом преподобного Сергия Радонежского. Кирилл, происходивший из знаменитого московского боярского рода Вельяминовых, принял постриг в московском Симоновом монастыре, где он неоднократно встречался и беседовал с приходившим в Москву Радонежским игуменом и воспринял многое из взглядов Сергия на монашескую жизнь. Вместе с другим постриженником Симоновой обители — преподобным Ферапонтом Кирилл в поисках уединенного места для молитвенно-аскетических подвигов ушел на Север, в район Белого Озера. Там в 1397 г. он основал свой Кириллов-Белозерский монастырь, а его друг Ферапонт, отделившийся от него в 1398 г., положил начало Ферапонтову Белозерскому в честь Рождества Богородицы монастырю. Позднее, в 1408 г., по приглашению удельного князя Можайского Андрея Дмитриевича св. Ферапонт перебрался в Можайск, в окрестностях которого основал Ферапонтов Лужецкий монастырь.

Ученики и сподвижники преподобных Кирилла и Ферапонта Белозерских активно включились в процесс монастырской колонизации Русского Севера. Среди основанных ими обителей следует отметить Никитский Белозерский монастырь на р. Шексне и Благовещенский Ворбозомский монастырь, основанный преподобным Зосимой на Ворбозомском озере. Игумен Ферапонтова монастыря преподобный Мартириан положил начало Вожеозерскому монастырю, продвинув далеко на север ареал монастырской колонизации.

Но еще большее значение для освоения Русского севера имело создание Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря на островах в Белом море. Обитель была основана после 1426 г.

преподобными Савватием, Германом и Зосимой Соловецкими. Савватий, который дал первоначальный импульс монашеской жизни на Соловках, впоследствии подхваченный и развитый Зосимой, был учеником Кирилла Белозерского. Соловецкий монастырь в дальнейшем играл ведущую роль как в церковной, так и в общественно-политической, экономической и культурной жизни Русского Севера³⁵, способствуя активному освоению Поморского, Корельского и Терского берегов Белого моря. Строгие монашеские традиции Соловецкая обитель сохраняла даже в XVI в., когда в большинстве других русских монастырей уже были заметны черты духовного упадка.

Еще одним крупным центром монастырской жизни, который оказал большое влияние на монастырскую колонизацию Русского севера, был известный с XV в.³⁶ Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере³⁷. Его постриженники преподобные Дионисий Глушицкий и Александр Куштский основали несколько новых обителей в лесах вокруг Кубенского озера³⁸. Дионисий Глушицкий был связан узами дружбы и духовной близости с Кириллом Белозерским³⁹, от которого, вероятно, и воспринял многое из воззрений на монашескую жизнь, характерных для подвижников круга преподобного Сергия Радонежского.

Многочисленные пустыни, основанные монахами-отшельниками в северных областях Руси в XIV–XV вв., позднее дали начало другим монастырям, постриженники которых, в свою очередь, также основали множество новых обителей. Это дало основание образно назвать край,

33 Анишина А. П. Димитриев Прилуцкий в честь Всемилостивого Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // ПЭ. Т. 14. М., 2007. С. 712–719.

34 Подробнее см.: Прохоров Г. М. Кирилл Белозерский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. С. 1. С. 475–479.

35 Среди других монастырей, возникший на севере Руси в XV в., следует отметить ряд обителей в бассейне Северной Двины: Михаило-Архангельский монастырь, поселение близ которого впоследствии дало начало городу Архангельску, Николо-Корельский монастырь в устье Северной Двины, близ которого позднее вырос город Северодвинск, а также Никольский Чухченемский монастырь.

36 Предание относит его основание к XIII в.

37 Находился в 45 верстах к северу от Вологды.

38 Святолуцкий, Глушицкий Покровский, Глушицкий Леонтиев, Глушицкий Дионисиев, Успенский Александров Куштский, Липатов Пельшемский и др. Большинство из них было упразднено в ходе секуляризации в 1764 г.

39 Сохранилась икона Кирилла Белозерского, написанная как его прижизненный портрет Дионисием, который являлся талантливым иконописцем (Семячко С. А., Печников М. В., Петрова Т. Г. Дионисий Глушицкий преп. // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 249–256).

в котором происходил этот процесс, «Северной Фиваидой» — По аналогии с пустынной местностью в Египте, изобиловавшей подвижниками монашеской жизни на заре ее возникновения, в IV–V вв.

«Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV в. возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской церкви и русской народности»⁴⁰, — отмечал В. О. Ключевский.

Трудно точно подсчитать, сколько новых монастырей возникло на Руси после того, как начался бурный процесс возрождения монашеской жизни, инициированный преподобным Сергием Радонежским. Митрополит Макарий (Булгаков) полагал, что во 2-й половине XIII — 1-й половине XV в. всего было основано 286 новых монастырей. При этом он отмечал, что большинство этих обителей были невелики, имея в числе братии не более 10 монахов, и лишь в 10 монастырях количество иноков было от 20 до 50. В числе монастырей с количеством монахов свыше 50, Макарий называет 10 обителей. Однако лишь два из них относятся к основанным в XIV — начале XV вв.: Троице-Сергиев и Кириллов-Белозерский. Но численность братии в них ощутимо возросла лишь в XVI в.: в начале столетия — до 300 иноков, а в конце — до 700. Прочие же крупные монастыри принадлежат к числу основанных (или возобновленных⁴¹) только во 2-й половине XV–XVI вв. (т. е. ко времени, когда пик расцвета монашеской жизни уже был пройден): Пафнутьев Боровский (до 95 иноков), Иосифов Волоколамский (100–130), Переяславль-Залесский Троицкий Данилов (55–70), Троицкий Герасимов Болдинский (до 140), Александров Свирский (59–86), Корнилиев Комельский (до 90), Антониев Сийский (до 73), Антониев Дымский (до 55)⁴².

Несмотря на очевидную неполноту приведенных данных, они рисуют определенную общую тенденцию — во времена «золотого века» русского монашества, во 2-й половине XIV–XV вв., древнерусские монастыри не имели многочисленной братии. Это целиком закономерно: в условиях строгой и нелицемерной аскезы лишь немногие иноки были способны понести тяжесть монашеского подвига во всей его полноте, а с теми, кто был неспособен выдержать искус в полной мере, приходилось расставаться. Таким образом, вокруг великих подвижников той поры собирались лишь самые достойные и преданные ученики, способные продолжить традицию своего аввы. Позднее, с конца XV в., когда в монастырской жизни стали наблюдаться первые черты упадка, снижение уровня требований к инокам, как следствие, стало приводить к тому, что в монастырях стало расти количество иноков. Однако их духовный уровень был уже не столь высоким, как в предшествующую эпоху.

В связи с грандиозными по своему масштабу переменами, происшедшими в монашеской жизни благодаря трудам митрополита Алексия и Сергия Радонежского, в Русской Церкви возникла необходимость регламентировать эти изменения и закрепить их в уставе. По этой причине в конце XIV — начале XV вв. на Руси получает распространение монастырский Иерусалимский Савваитский устав, который более, чем Студийский, существовавший с домонгольского времени, соответствовал специфике общежительных монастырей. Одновременно среди части русского монашества, тяготевшего к более уединенной и безмолвной жизни, становится популярным и Скитский устав, предназначенный для жизни в скитах или небольших уединенных пустынях, рассчитанных на нескольких иноков. Переход русского монашества со Студийского на Иерусалимский устав был тесно связан с переменами, происходившими в то же время и в богослужбной жизни Русской Церкви — в литургической сфере приоритет также стал отдаваться Иерусалимской традиции.

Список литературы

- 40 Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 104.
- 41 Как, например, основанный в XIII в. Антониев Дымский монастырь.
- 42 Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 649–662; Кн. 4. Ч. 2. М., 1995. С. 339.

1. Аверьянов К. А. Сергий Радонежский: личность и эпоха. М., 2006
2. Андроник (Трубачев), игумен. Закрывание Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного

- Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. Издательский Совет Русской Православной Церкви. М., 2008.
3. Анишина А. П. Димитриев Прилуцкий в честь Всемилошного Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // ПЭ. Т. 14. М., 2007. С. 712–719.
 4. Борисов Н. Сергей Радонежский. М., 2006.
 5. Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892 (2-е изд. — М., 1909).
 6. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
 7. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. Ст. и примеч. В. А. Александрова. М., Правда, 1991.
 8. Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сборник статей: в 2 тт. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2002. С. 5–29.
 9. Кузьмин А. В., Романенко Е. В., Виноградова Е. А. Григорий и Кассиан // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 721–724.
 10. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы / Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.
 11. Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75–92.
 12. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995; Кн. 4. Ч. 2. М., 1995.
 13. Прохоров Г. М. Кирилл Белозерский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. С. 1. С. 475–479.
 14. Семячко С. А., Печников М. В., Семячко С. А., Петрова Т. Г. Дионисий Глушицкий преп. // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 249–256.
 15. Семячко С. А., Анишина А. П. Димитрий Прилуцкий, Вологодский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 30–39.
 16. Трубецкой С. Три очерка о русской иконе. Париж, 1965.
 17. Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241–246.
 18. Эйнгорн В. О. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М., 1899.

**ST. SERGIUS OF RADONEZH
AND THE RENASCENCE OF RUSSIAN
MONASTICISM IN THE MIDDLE
OF XIV — EARLY XV CENTURY**

Petrushko Vladislav Igorevich,

DSc in Church history, Phd in history, Professor of the Department
of the Russian and Common Church History
and the Canon Law Saint Tikhon»s Orthodox Humanities University,
Novokuznetskaya St., 23B, Moscow, Russia, 115184
vp@sedmitza.ru

Abstract

The article is devoted to the process of the renascence of the Russian monasticism in the middle of XIV — early XV century after the prolonged crisis in the spiritual life caused by the Mongol invasion to Russia and establishment of the Horde yoke. The role of of St. Sergius of Radonezh and cenobitic tradition in this process is shown.

Keywords

Ancient Rus, Russian Church, monkhood, monastery, cenobitic charter, St. Sergius of Radonezh, Metropolitan Alexy.

RAR
УДК 504.75
ББК 28.080

ОЖИДАНИЕ БУДУЩЕГО: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Фесенкова Лидия Васильевна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д.12, г. Москва, Россия, 109240,
lvfes@mail.ru

Аннотация

Вера в лучшее будущее, возможность построения идеального общества пронизывает всю историю человечества. В статье рассматривается судьба этих надежд в России и сподобы их реализации в перспективе кардинальных изменений существования человека в недалеком будущем.

Ключевые слова

Русская интеллигенция, марксизм, утопическое сознание, страсть к разрушению, раскулачивание, ампутация человечности.

Современное человечество пропитано мечтой об идеальном обществе будущего. Чем ближе мы к экологической (и социальной) катастрофе, чем страшнее и неотвратимее надвигаются на нас ее грозные признаки, тем охотнее мы хватаемся за обманчивые призраки, и тем более проникаемся светлой верой в идеальное царство разума — ноосферу, предсказанную Вернадским. Откуда она, эта вера?

Для ответа на этот вопрос обратимся к трагической истории русского национального сознания, которое проходило через мучительную ломку в бурных процессах исторического бытия России. Русская нация была лишена свободного развития своих национальных потенций. Народ, создавший великую державу и владевший громадной территорией, тем не менее, подвергался дискриминации на протяжении столетий. Он получал жесточайшие удары по национальному самосознанию и должен был постоянно адаптироваться к чуждым ценностям и традициям. Можно сказать, что ни один народ в мире

не подвергался такому продолжительному, систематическому духовному насилию как народ русский. Этот факт обычно забывается при сравнении русских с другими народами. Но забывать его нельзя, поскольку он отложил специфический отпечаток на всю историю развития нации и в том числе и на современное самосознание русского человека.

Речь идет о самооценке народа, которая отвечает на вопрос «КТО МЫ?», что мы думаем о себе, как оцениваем себя и свое положение среди других народов, и как менялась наша самооценка на протяжении столетий.

В эпоху средневековья русское население имело собственную устоявшуюся систему моральных и религиозных норм, пришедших к нам из глубин истории. В традиционном обществе (каким была средневековая Россия) приоритетное отношение к своей нации, религии и культуре являлась неотъемлемым способом восприятия мира.

Эта система национальных ценностей была подорвана Петром I, который не считался

ни с обычаями предков, ни с духовным складом русской нации, ориентированной на установки Православия. Его церковные реформы вносили протестантское мироощущение, меняя религиозное сознание народа. Вводя в русское общество западные обычаи и нормы, он дискредитировал традиции России. Его преобразования сопровождались прямым оскорблением национального достоинства (например, насильственное бритье бород воспринималось как поругание национальных традиций). Сам Петр, с юности усвоивший привычки и житейский уклад Немецкой Слободы, презирал русские национальные обычаи и яростно разрушал их. «У нас должно быть все как в Англии сделано», — писал Петру один из его соподвижников Федор Салтыков. Историки считают, что именно в этой фразе содержится вся философия русского западничества — все должно быть сделано по чужеземному образцу.

«Западничеством надлежит именовать не попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но стремление к теоретическому и практическому ОТРИЦАНИЮ ОСОБОГО МИРА СОБСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ во имя культуры западной», — пишет Н. Алексеев, известный историк первой волны эмиграции¹. Отрицание собственного мира русской национальной культуры явилось принципом, в соответствии с которым Петр перестраивал Русь. Он нанес сокрушительный удар по духовной самобытности России. Ни одному из иностранных завоевателей не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад, — так оценивал Н. Трубецкой (создатель теории евразийства) преобразования Петра². Это был именно удар, а не просто заимствование европейских достижений в культуре и промышленности (которые неоднократно происходили и в допетровскую эпоху). Это был глобальный переворот всего русского быта, русского духовного облика и изменение самоощущения русского народа, его места в историческом бытии. И вместе с тем это было признание единой линии исторического развития человечества, вершиной которой провозглашалась европейская культура.

В XVIII, XIX веках приобщение к западной культуре высших слоев русского общества стало повсеместным. Царствующие особы немецкого происхождения послепетровской эпохи утверждали западные порядки и усиленно подражали Европе. Екатерина II, Александр I, Александр II — наиболее выдающиеся представители дома Романовых — все они существовали в ауре европоцентризма. Этикет, язык, моральные нормы — все было западное, чуждое русскому менталитету. «На троне были немцы. Около трона — немцы, министрами иностранных дел — немцы, аптекарями — немцы, булочниками — немцы, везде немцы до противности», — писал Герцен. Даже «офранцузивание» России происходило по немецкому образцу³.

Реформы Петра разделили нацию на два слоя. Дворянин должен стать европейцем, мужик обязан оставаться мужиком. Он оставался культурно отсталым по замыслу самого царя. Так произошло расслоение русской культуры. Эти процессы привели к отчуждению европеизированных верхов от национальных низов. Верхи были цивилизованными надсмотрщиками над архаичным народом России. К нему относились как к дикарю, которого палкой надо приобщать к европейской культуре. Например, русский православный император Павел I считал русский народ «дрянным, просто собакой». Преклонение перед Западом и отрицание ценности своей культуры стало общепринятым.

Убеждение в неполноценности русской культуры охватило и либеральную, а потом и революционную интеллигенцию. Так известный либерал К. Кавелин считал русских народом полудиким, с крайне слабыми зачатками культуры. Знаменитый историк С. М. Соловьев пытался объяснить такую отсталость русского народа географически — его степным окружением — тем, что степь не располагает к развитию умственных сил. Даже И. Тургенев смотрел на русский народ «как на объект культурной медицины», считая самое его существование какой-то печальной ошибкой природы. Он не верил в культурное будущее своего народа и с презрением относился к его прошлому.

Перед этим натиском западничества бессильными оказались мыслители консервативного направления — представители славянофильской

1 Алексеев, Н. Русское западничество / А. Алексеев // Путь. Париж, — 1926. — № 3. С. 84.

2 Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана / Н. С. Трубецкой. — М., 2007.

3 Герцен, А. Собр. соч. Т. VIII / А. Герцен. — М.: Художественная литература, 1958. С. 362.

мысли, а также К. Леонтьев, Н. Страхов, Н. Данилевский, К. Победоносцев, Б. Чичерин и другие. Но их воззрения и мысли о русской нации, ее значении в мировом историческом процессе, не могли остановить поток западных ценностей, втекающий в менталитет России.

Поразительно, что чувства презрения к русской культуре разворачивались на фоне горячего сочувствия народу, готовности жертвовать собой для его образования и просвещения. В российском менталитете XIX века возникло явление специфическое, присущие только России: идеализация народа и создание образа доброго, смиренного и несправедливо обиженного крестьянина, которое сопровождалось ощущением вины перед ним.

Тут были и любовь к народу, и стремление облагодетельствовать его, построив общество справедливости и добра. Эта направленность общественной мысли четко оформилось к шестидесятым годам XIX века. Она породила знаковые фигуры видных деятелей этой эпохи, таких как Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Михайловский, Писарев и др. Это был феномен «кающегося дворянства» и «радетеля за народ» — прогрессивной интеллигенции. Но, работая на народ, и самоабвенно жертвуя собой во имя его блага, интеллигенция не принимала культуру своего народа, не считалась с ее нормами и верованиями, сложившимися в течение многовековой истории Руси. Она была пропитана идеей превосходства Запада над Россией. Работая во имя приобщения русского народа к западной культуре, она заняла позицию учителя народа, стремилась разрушить старые и утвердить новые для народа западные ценности. Поэтому, желая всяческого добра своему народу, русская интеллигенция разрушала его национальные традиции и единство его национального самосознания.

Что же привлекало в Европе русскую интеллигенцию, и что ненавидели они в России? Они жаждали другой — красивой жизни, справедливой и доброй. Такая жизнь виделась русским интеллигентам на Западе. И они самоабвенно стремились туда — к жизни, наполненной высоким смыслом. Европа была для них религией. «Мы верим в Европу, как христиане верят в рай», — писал А. Герцен⁴. Но близкое знакомство с Европой показало, что идеалы русской интеллигенции

очень далеки от европейской действительности. Русские люди «знали только отвлеченный Запад, знали книжно, литературно, по его праздничной одежде». «Мы являемся в Европу со своим собственным идеалом и верой в него», — поясняет Герцен. Но поиск высоких идеалов на Западе провалился потому, что они существовали лишь в воображении благородных русских мечтателей.

Как же построить совершенное общество и осуществить великую миссию освобождения человечества? Часть революционной интеллигенции (народники, террористы, анархисты) видела способ построения идеального общества в разрушении русского государства путем общенародного восстания против власти, и в разрушении всех устоев и традиций самого народа. Для создания общественного рая она призывала народ к топору: «Первая обязанность нас, русских изгнанцев, принужденных жить и действовать за границей — это провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной Империи». «А так как в нашем государстве нет ничего органического — все только дело механики. Лихо будет только ломке начаться, ничто потом не остановит ее», — писал анархист М. Бакунин⁵.

Другой выход наметился лишь в 80-ые годы девятнадцатого века, когда в общественное сознание России стал проникать марксизм, который видел в европейском типе исторического развития универсальную схему развития всех народов и культур. Движущей силой исторического развития были объявлены экономические законы, порождающие общественные формации, через которые последовательно проходили все народы. А поскольку в соответствии с учением марксизма, за капитализмом закономерно следует социализм, то идеальный общественный строй представлялся теперь неизбежным и реальный путь к долгожданному общественному раю, казалось, был найден.

Но и в том и в другом случае построению идеального общества предшествует РАЗРУШЕНИЕ общества реального и, прежде всего, Русского государства. Идея разрушения становилась центральной в менталитете европеизированного слоя русского общества.

Широкое распространение этих идей подготовило новый удар Запада по национальному

4 Цит. по Булгаков, С. Н. Душевная драма Герцена. Соч. в 2-х томах. Т. 2/С. Н. Булгаков. — М., 1993. С. 104.

5 Бакунин, М. Государственность и анархия/М. Бакунин // Философия. Социология. Политика. — М., 1989. С.156.

самосознанию. Этот второй сокрушительный удар по всем сословиям русского народа, снова, как и в эпоху Петра, привел к изменению образа жизни, ценностных норм и самооценки населения всей страны. В революционные и после-революционные годы еще раз были проведены преобразования совершенно чуждые русскому народу. Так же, как и при Петре, они были проведены насильственным путем, «сверху». Так же были поруганы исконные убеждения, религиозные и национальные традиции и были навязаны искусственные, утопические догмы марксизма.

Коммунистическая утопия привела к революции и произвела полный разгром процветающей страны. Разрушалась религия, семья, торговля, собственность. Рушились привычные ценности как высших, так и низших сословий. Рушились православные заветы старой Руси, разрушались поведенческие нормы и моральные установки европеизированной аристократии, дворянства, интеллигенции, крестьянства. Жизнь человека стремительно теряла свою ценность. Аресты, массовые казни, расстрелы, конфискации... Наступал революционный хаос.

Кто же отвечает за коммунистическую катастрофу в России?

Она могла осуществиться лишь в результате многолетнего воздействия революционной интеллигенции на народные массы, которым навязывались утопические (коммунистические) идеалы. Интеллигенция стала проводником разрушительного для России западного утопизма.

«Просвещение народа», проводимое революционной интеллигенцией, — это не просто приобщение русского человека к западной культуре, а приобщение его к отрицанию ценности своей национальной идентичности. Питирим Сорокин рассказывает в своей автобиографии о том, что русский человек, приобщаясь к образованию и культуре, воспринимал не только западный образ культуры, но одновременно становился врагом русской власти, т. е. ее государственности, фактически становясь врагом России. Так что такое «образование» русского народа представляло огромную опасность для самого существования России как национального государства.

Идея тотального разрушения захватила народные массы, что привело к уничтожению «самых последних, самых элементарных основ обще-

жития», — писал И. А. Покровский⁶. Известный лозунг «грабь награбленное» был логическим завершением бесчисленных призывов нескольких поколений революционеров, звавших народ к топору. Народническая и марксистская проповедь разрушения привычного мира, вступая в противоречие с нормами национального самосознания, превращалась в разнуздание и деморализацию, горестно отмечал П. Б. Струве. Распаленная революционными идеями, интеллигенция соблазняла народ, разжигая его самые темные инстинкты.

Своей пропагандой утопического «нового мира» революционная интеллигенция взорвала все устои традиционного общества, в котором жила народная Россия, сорвала все социальные узы, которыми сдерживались пребывающие в каждом народе злые силы, лишила его моральных норм, бытовых привычек, религиозных традиций и, уничтожив социальную дисциплину, горько сокрушалась при виде поднявшейся кровавой волны безумия и ужаса, охватившей страну. Но русская интеллигенция не была в состоянии признать, что это она сама опрокинула страну в бездну. Она спешила переложить вину за случившееся на народ и на большевиков. В глазах интеллигенции народ из мученика и святого превратился в раба и хама. И не человека даже, а в какое-то темное «человекоподобное» (Л. Андреев). Обвинения в адрес русского народа исходили от столпов русского менталитета того времени — от И. А. Бунина, М. Горького, Д. Мережковского, Л. Андреева, З. Гиппиус и многих, многих других. Теперь зверство и пьянство представлялось свойством всего народа. Теперь ставилось под сомнение даже его право на существование. Другие народы, в представлениях интеллигенции, оказывались чуть ли не святыми по сравнению с народом русским. Эта ненависть имела своим источником роковую ошибку русских интеллигентов. Они ошиблись в народе, который не соответствовал идеальному образу мужика, придуманному ими под воздействием утопических концепций Запада. В результате возникло противостояние одних слоев русского населения другим, страх и ненависть и стремление к уничтожению друг друга. Наступила эпоха, когда русские убивали русских. Анализируя этот трагический парадокс, мы приходим к проблеме общечеловеческих свойств утопизма. Теперь мы

6 Покровский, И. А. Перуново заклътье/Покровский И. А. // Вехи. Из глубины. — М., 1991. С. 448.

вынуждены обратиться к проблеме идеи «земного рая» уже не в русском менталитете, а в общечеловеческом масштабе.

В основе утопического сознания лежит стремление к совершенству. «Здесь бытие влечется к иному, испытывает тягу к нему» — пишет С. С. Хоружий⁷. Происходит расщепление реальности на сущее и должное, на наличное и иное бытие, причем наличное бытие — собственная бытийная ситуация представляется всегда нежеланной, навязанной, ограничивающей человека. В секуляризованном мышлении тяга к иному направляется на устройство идеального общества на Земле в историческом времени и приобретает форму политического мессианизма. На протяжении всей истории развития общественной мысли мы постоянно встречаемся с созданием утопических концепций и с активной деятельностью по воплощению их в жизнь. Утопические проекты разнообразны и каждый из них несет отпечаток своего времени, но общее в них то, что построение идеального общества достигается действиями самого человека. Он выступает как Творец Истории и Вершитель ее. По сравнению с религиозным сознанием, где исторические процессы не могут мыслиться вне Божественного Промысла, сознание утопическое присваивает человеку божественную прерогативу и тем самым изменяет онтологический статус человека в сторону гигантского преувеличения его роли в истории и во Вселенной. Оно творит кумира из суверенного человеческого разума. Утопия — это мечта, это надежда на лучшее. Это любовь к правде и справедливости. Это призыв к Добру, к деятельности во имя Добра. В ней сосредоточены высшие ценности. Утопия — это то, что отличает людей от животных, это человеческое в человеке.

Но осуществление самых гуманных идей о справедливом обществе связано с необходимостью разрушения и влечет за собой потоки крови и зла. Это связано с природой утопизма. Ее суть хорошо выразил М. А. Бакунин: «Радость разрушения — это творческая радость»⁸. Это иногда оборачивается «хорошей миной при плохой игре», когда под ним лежит плохо скрытая страсть

отрицания — стремление к уничтожению «лежащего во зле мира». Именно она дает почву для идеи насильственного преобразования общества у анархистов, у террористов-народников, у большевиков.

Мечта о построении социального рая на земле — это АРХЕТИПИЧЕСКАЯ черта человечества, глубоко связанная со СТРАСТЬЮ К РАЗРУШЕНИЮ, восходящая к генетическим и психологическим свойствам человеческой природы. Этот архетип пронизывает всю мировую историю. Он неодолим и, охватывая массовое сознание, способен перевернуть жизнь как отдельных людей, так и целых государств.

Жажда физического уничтожения всех стоящих на пути осуществления утопической мечты о счастье человечества составляли характерную черту духовной атмосферы России предреволюционного времени. В начале XX века утопическое мировоззрение радикальной интеллигенции победило традиционно-христианское и стало доминирующим в среде образованных классов.

Революция показала, что ничего нет страшнее осуществленной утопии. Когда умозрительная схема (социализма) накладывается на реальность и вся глубина и сложность жизни должна быть подчинена рационалистической концепции, всегда упрощающей действительный мир, тогда утопия оборачивается своим страшным ликом. Утопический план создания земного рая (хотя и является плодом тысячелетней работы выдающихся умов человечества) исключает возможность существования реального, а не вымышленного человека, поскольку принципы его построения входят в непримиримое противоречие с самими законами биологической и социальной жизни.

Придя к власти, большевики принялись немедленно осуществлять модель нового общества. Оно представлялось как полное имущественное равенство, обобществление всего достояния горожан и уничтожение денег. В соответствии с принципами коммунизма они запретили торговлю. Страна оказалась перед лицом голода. Продукты исчезли и непонятно как поддерживать существование.

В. Г. Короленко писал А. Луначарскому, как представителю большевистской власти (в 20-м году): «Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя, ... вы довели страну до ужасного положения. ... Теперь голодом

7 Хоружий, С. С. Диптих безмолвия/С. С. Хоружий. — М., 1991. С.66.

8 Бакунин, М. Государственность и анархия/М. Бакунин // Философия. Социология. Политика. — М., 1989. С.156.

поражена вся Россия. Вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена. Вам приходится заменять ее «принудительным отчуждением», реквизициями при посредстве карательных отрядов. ... Вы находите, реквизируете, проходите по деревням Украины и России каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики»⁹.

Создание коммунистического общества требовало решения грандиозной задачи — кардинального изменения русского самосознания и замены его на мировоззрение коммунистическое. Для этого необходимо было разгромить православие, которое являлось основанием нравственных и поведенческих обычаев народа. Поэтому, прежде всего, большевистские репрессии обрушились на Церковь. Тысячи храмов были разрушены. Тысячи священников были расстреляны. Многие были сосланы или подверглись систематическим преследованиям. Быть религиозным стало опасно.

Носительницей русского национального самосознания долго оставалось русское крестьянство, которое составляло тогда 4/5 населения России. Партия проводила «раскрестьянивание» — политику необъявленной войны с крестьянством, когда безжалостно уничтожалось ядро нации — зажиточное, трудовое крестьянство, и делалась ставка на пролетариат и на беднейший слой крестьянства.

Решающим шагом в деле развала национальной идентичности было организованное Советским государством раскулачивание и коллективизация, которые лишали крестьян их собственности и нередко жизни. Русский крестьянин — солидный крепкий хозяин, потерял опору. Почва закачалась под его ногами. Он оказался без собственности, без национальных традиций. Ему не на что было опереться. Все моральные устои, в которых он воспитывался, были объявлены ложными и преступными. В его дом приходили представители продразверстки, отбирали запасы, собранные им за рабочее лето, оставляя его и его семью умирать от голода. Вымирали целыми деревнями. Сам Ленин в конфиденциальном письме свидетельствует (как о чем-то общеизвестном) о сотнях и тысячах трупов русских крестьян, валяющихся на дорогах, о людоедстве

как обычных явлениях того времени в результате продовольственной политики большевиков.

Большевики сумели развалить единство народа, натравливая одну часть населения на другую. Лозунг «грабь награбленное» разжигал уголовные страсти в народе, стремление ограбить своего более зажиточного соседа. Большевики сознательно разжигали темные инстинкты. Теперь бедняки, не укорененные в хозяйственной жизни народа, стали задавать тон в деревне. Они, имеющие наименее слабую нормативную привязанность к традиционному быту (вследствие отсутствия собственности и прочного положения в крестьянском мире) проявляли наибольшую деятельность по развалу страны. Именно они составляли классовую опору политике атеизма и, получая власть в деревне, принимали активное участие в разрушении церквей и гонении на духовенство и «кулаков». А хозяйственные, солидные и добропорядочные крестьяне уничтожались раскулачиванием и коллективизацией. Выжившие меняли свой нравственный облик. Под гнетом постоянного страха крестьяне шли на службу новой власти. Одни знали, что это предательство. Другие, перешедшие на сторону коммунистов и поверившие в догмы марксизма, поставляли кадры для новой администрации, а также пополняли ряды насильников и палачей своего народа.

Нравственный облик народа изменился. Ничего не осталось от порядочного, доброго, степенного, хозяйственного мужика. Тысячелетняя система моральных норм, разрушалась. Революционное поколение крестьянства утратило твердые представления о добре и зле. Религиозные идеалы были поруганы. Они подвергались систематическому осмеянию (вспомним произведения Емельяна Ярославского). Новая власть произвела жесткий отбор среди русских людей. Выживали люди без всяких моральных и религиозных норм, развращенных возможностями решать вопросы жизни и смерти своих сородичей. Тысячи были расстреляны и сосланы. Но страшно задать вопрос: «сколько было расстреливающих?».

В результате раскулачивания и коллективизации русский народ был не только ограблен, но и разложен морально. Сегодня мы с трудом можем представить ту отчаянную МОРАЛЬНУЮ ситуацию, через которую прошел русский менталитет. Мы знаем о деле Павлика Морозова, предательство которого представлялось со-

9 Короленко, В. Письма к Луначарскому/В. Короленко // Новый мир. — 1988. — № 10. С.211.

ветской пропагандой как высший акт героизма. Мы знаем, что благороднейший Александр Твардовский — гордость нашей поэзии, отказался от своего раскулаченного отца. Эта страшная страница в становлении современного русского самосознания включает в себя не просто формирование народных предателей и палачей, но превращение их в героев, а их поведение в образец поведения нового коммунистического человека, то есть в норму.

Одной из самых неотложных задач Советского правительства было разрушение старой и создание новой социалистической культуры. Часть населения уверовала в эти идеи. Народ в муках от проводимого над ним насилия постепенно начинал усваивать догмы коммунизма, приспосабливаться к нему. Так продолжалось 70 лет. А потом все рухнуло — искусственное государство, построенное на утопических принципах марксизма, развалилось. Наступила «перестройка».

И теперь, в наше после-перестроечное время, населению нужно опять изменять свое мировоззрение. Нам снова надо отречься от наших убеждений, привычек, образа жизни, ценностей. Снова нужно переделываться — менять коммунистические идеалы на противоположные им идеалы Золотого Тельца.

В бытии русского сознания можно вычленил следующие этапы: а) традиционный, б) европеизированный, в) революционно-утопический, г) коммунистически-большевистский, д) современный — ново-западный (англо-американский). Такова конкретная картина превращений русского национального самосознания. Но сегодня в мировоззренческом пространстве России все перемешано — и большевизм, и гуманизм, и либерализм, и Православие, и новые идеалы рынка. Аксиологический хаос, вызванный перестройкой, составляет характерную черту современной эпохи.

Мы приходим к выводу, что мечта о построении социального рая на земле — это АРХЕТИПИЧЕСКАЯ черта человечества, глубинно связанная со СТРАСТЬЮ К РАЗРУШЕНИЮ, восходящая к генетическим и психологическим свойствам человеческой природы. Этот архетип пронизывает всю мировую историю. Он неодолим и, охва-

тывая массовое сознание, способен перевернуть жизнь, как отдельных людей, так и целых государств. Итак, не гуманизация, а АМПУТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ — вот что характеризует современное общество потребления. Мир в таком понимании предельно прост и безжалостен. В нем исчезает стимул к альтруистическому поведению.

Что будет дальше? Неизвестно. Мы останавливаемся здесь перед загадкой глубин человеческой психики и перед таинственным утопическим идеалом, незримо присутствующим в человеке. Отказ от мифов о человеке и обращение к его реальной истории приводит к пересмотру устоявшихся гуманистических представлений о нем. Тогда возникает новая проблема — проблема СПАСЕНИЯ человека.

Эта проблема связана с проблемой самого существования человека в природе, с наступающей ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ катастрофой. Новое понимание его природы и его положения в мире означает ПЕРЕСМОТР основных закономерностей современной биологии и человековедения. Это означает, что грядет смена как биологической картины мира, так и основных представлений о Вселенной, о закономерностях живой и неживой природы, о судьбе человечества.

Список литературы

1. Алексеев, Н. Русское западничество/А. Алексеев // Путь. Париж, — 1926. — № 3. С.84.
2. Бакунин, М. Государственность и анархия/М. Бакунин // Философия. Социология. Политика. — М., 1989. С.156.
3. Булгаков, С. Н. Душевная драма Герцена. Соч. в 2-х томах. Т. 2/С. Н. Булгаков. — М., 1993. С. 104.
4. Герцен, А. Собр. соч. Т. VIII/А. Герцен. — М.: Художественная литература, 1958. С.362.
5. Короленко, В. Письма к Луначарскому/В. Короленко // Новый мир. — 1988. — № 10. С. 198–219.
6. Покровский, И. А. Перуново заклатье/Покровский И. А. // Вехи. Из глубины. — М., 1991. С. 448.
7. Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана/Н. С. Трубецкой. — М., 2007.
8. Хоружий, С. С. Диптих безмолвия/С. С. Хоружий. — М., 1991. С.66.

EXPECTATION OF THE FUTURE: DREAMS AND REALITY

FesenkovaLidiaVasilievna,
PhD in Philosophy Senior scientific employe,
the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya Str. 12, Moscow, Russia, 109240.
lvfes@mail.ru

Abstract

Faith in a better future and the possibility of building an ideal society permeates the entire history of mankind. The article discusses the fate of these hopes in Russia and ways of their implementation in the long term radically change human existence in the near future.

Keywords

The Russian intelligentsia, marxism, utopian consciousness, the passion for destruction, dis-possession, amputation of humanity

RAR
УДК 351.858
ББК 71

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Бахревский Евгений Владиславович,
кандидат филологических наук,
и.о. директора Института Наследия,
руководитель центра государственной культурной политики
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ул. Космонавтов 2., Москва, Россия, 129366,
kamlay@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается развитие и бытование образов, связанных в русском историческом сознании с русско-турецкой войной.

Ключевые слова

Историческая память, русско-турецкие войны, янычары, ятаган.

Войны с Турцией, Османской державой — важная часть русского исторического сознания. По многочисленным свидетельствам граждан Республики Турции, часто бывающих в России, значительная часть русских, узнающих, что перед ними турок, считают своим долгом сообщить ему, что Россия многократно воевала с Турцией. Ничего подобного нет с противоположной стороны — турки о войнах с Россией если и знают, то это для них совершенно не актуально, и мало кому из турок приходит в голову рассуждать о войнах, последняя из которых завершилась целый век назад.

Причины этого явления, на наш взгляд, лежат в области русского самосознания, сформировавшегося при непосредственном влиянии «турецкого фактора». Осознание Московским Великим княжеством себя как единственного в мире независимого православного государства — Царства — и связанной с этим ответственности за со-

хранение истинной веры, появилось именно после турецкого завоевания Царьграда. Концепция «два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти», стала не только государственной идеологией, ею прониклось и народное сознание. Тысячелетнее Православное Царство было разрушено Османской державой — в XV в. самой могущественной военной силой в мире. Это было явным свидетельством прихода последних времён, что было важно для каждого русского человека. Эсхатологическая окраска делала борьбу с турками по сути важнейшим смыслом существования России как последнего Православного Царства.

Ещё один немаловажный фактор в формировании в России образа Османской империи был связан с «турецкой неволей», так как на протяжении XV–XVIII вв. десятки тысяч русских людей были уведены крымскими татарами и ногайцами в плен и проданы на турецких невольничьих

рынках Кафы и Константинополя. Рассказы людей, побывавших в рабстве и вернувшихся на родину, показывают, что плен воспринимался, прежде всего, как насильственный отрыв от Веры. Часто пленники были вынуждены изменять Православию, а для тех, кто оставался христианином, было невозможно соблюдать посты, причащаться¹.

Между русскими и Османами произошло не менее 12 полномасштабных войн, не считая множества более мелких конфликтов, когда обходилось без официального объявления войны. Вдоль границ двух империй постоянно шла вялотекущая война, которую с обеих сторон вели иррегулярные отряды. Для России эти войны были в основном успешными, особенно в XVIII–XIX вв. Идеологическая составляющая этих войн была исключительно важной: русские воевали, прежде всего, за Веру. Можно сказать, что в это время состояние войны с Турцией стало привычным для российского общества. У каждого поколения была «своя» война с турками.

Противостояние с Османской империей в XVIII–XIX вв. можно рассматривать как сложный и противоречивый процесс ориентализации Турции в России. Он был тесно связан с осознанием российским обществом себя частью Европы и «цивилизованного мира»². Важную роль в нём играла выработка и закрепление в русской культуре представления о турках как об экзотическом «восточном» народе, который, выражаясь словами Эдварда Саида, «ведёт праздную восточную жизнь в государстве восточной деспотии и похоти, отягчённый чувством восточного фатализма»³. Тема войны с Турцией довольно широко представлена в русской художественной литературе. По крайней мере, три войны с Турцией (1768–1774, 1787–1791, 1877–1878) входят в десятку наиболее часто упоминаемых войн сре-

ди объектов исторической памяти, что для страны — противника России является своеобразным рекордом⁴.

После революций 1917 г. мечта о возвращении креста на храм Святой Софии Константинопольской для русского общества перестала быть актуальной, а новая республиканская Турция на некоторое время даже стала важнейшим внешнеполитическим партнёром Советской России. После окончания Второй Мировой войны СССР выдвинул к Турции территориальные претензии, в связи с чем та ускоренно стала членом НАТО и вновь на сорок лет прочно заняла в сознании русских людей привычное место врага.

Налаживание активных российско-турецких экономических связей, начиная с конца 1980-х гг., развитие массового туризма россиян в Турцию, появление по всей стране значительного числа турецких компаний, нередко привлекавших на работу тысячи граждан Турции, привело к тому, что два народа узнали друг друга непосредственно, на личном опыте. Появились тысячи русско-турецких семей и детей, относящих себя одновременно к двум народам.

Тем не менее, историческая память о русско-турецкой войне живёт в сознании русских и турок. У потомков османцев народные представления о русских отражены в ныне живой поговорке «*Moskof geldi*» = «Москаль пришёл», что означает разгром и смерть. У русских в поговорках турки также присутствуют. Сделать «как турок» означает неумело, нелогично, по-дурацки, «не по-русски». В России, в том числе в СМИ, довольно активно используется слово «башибузук»⁵.

Ещё один турецкий военно-исторический термин «янычар» является повсеместно известным в России (а также на Украине⁶ и в других

1 См.: Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланные из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб.: Пантелеевы, 1875, т. 2, с. 598–668.

2 Об этом см. работы Виктора Таки: Таки В. Русско-турецкие войны XIX века как культурное явление // Научные труды Института бизнеса и политики. Восток: история, политика, культуры. Вып. 4, 2007; Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

3 Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006, с. 62

4 Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Идеалы, в которые верят... Мотив сакрального в исторических нарративах о войне (по материалам художественной литературы): постановка проблемы // Война и сакральность: материалы IV Междунар. науч. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург — Выборг — Старая Ладога, 1–4 октября 2009 года)/отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. М.; СПб., 2010. С. 226–227

5 Тур. *başıbozuk* = «с повреждённой головой», «безумец», название иррегулярных войск Османской империи, прославившихся грабежами и жестокостью.

6 Украинские русскоязычные СМИ даже антирусской направленности являются вполне репрезентативным источником по рассматриваемому вопросу.

постсоветских странах), даже в малообразованной среде. Он активно употребляется в средствах массовой информации. Приведём примеры из Интернета за последние несколько месяцев. Греческая армия именуется «страшным сном янычара»⁷. Украинскую молодежь, поющую в знак примирения с Россией советские песни, журналист называет «янычарами-фарисеями»⁸. Янычарами именуется турки в целом, как народ, турецкие власти, армия, а особенно — турецкие футбольные команды⁹. Янычаром также регулярно называют лидера современной Турции Реджепа Тайипа Эрдогана¹⁰.

Интересно здесь то, что в современном турецком языке термин «янычар» (тур. *yenizeri*) употребляется крайне редко, в основном профессиональными историками¹¹. В обыденной речи, в СМИ это слово практически не встречается, и значительная часть граждан Турции, не интересующаяся историей, этого слова вообще никогда не встречала после школьного учебника по истории. Это понятие по употреблению близко, например, к аналогичному русскому термину «стрельцы»: род войск некогда существовавших и впоследствии упразднённых. В России слово «стрельцы» в живой речи не употребляется, это чисто историческое понятие, не имеющее ка-

кой-либо актуальности. Янычары же, как видно, остаются для русских злободневными до сих пор.

Обязательным атрибутом «янычара» в русском сознании выступает «ятаган» (тур. *yatağan*). Это слово имеет довольно широкое употребление в русском языке. О том, что ятаган — это некое турецкое оружие, и, по всей видимости, оружие страшное, знает практически каждый русский, включая малообразованных подростков¹².

Ятаган — один из видов меча, известный в Османской державе с XVI в. По одной из версий, слово *yatağan* происходит от названия анатолийского селения Ятаган, расположенного в области Денизли, где якобы началось производство этих мечей. По другой, этот меч впервые был выкован кузнецом по имени Ятаган Баба. Своеобразная форма этого изогнутого, заострённого с вогнутой стороны меча, в одном из преданий связывается с именем шейха Хаджи Бекташа, основателя суфийского братства, носившего его имя. Фигура Хаджи Бекташа отсылает к янычарскому корпусу, патроном которого был этот великий турецкий мистик.

Старейший из известных ныне ятаганов (датируется 1525–30 гг.) был изготовлен для султана Сулеймана I (1520–1566) мастером Ахмедом Текелю, он хранится в музее Топ-капы в Константинополе. Широкое распространение ятаганов произошло не ранее, чем во второй половине XVIII в. Кочибей Гёмуржинский (40-е годы XVII в.) и Луиджи Марсильи (конец XVII в.), подробно описавшие османское оружие, не упоминают ятаганов¹³. Ятаган был популярен среди янычар и часто использовался как вспомогательное оружие для левой руки в паре с саблей (в случае, если стрелкам из ружей приходилось вступать в рукопашную схватку). К концу XVIII, а особенно в XIX в. ятаган получает очень широкое распространение. Рост его популярности, вероятно, был связан с запретом на ношение боевого оружия в мирное время. Это было персональное оружие, изготавливавшееся под заказ. Военный разведчик М. П. Вронченко, служивший в российском консульстве в Измире в 1834–36 г., сообщает, что ятаган был самым распростра-

7 Храмчихин А. Страшный сон янычара. [Электронный ресурс] URL: <http://vpk-news.ru/articles/37350> (дата обращения: 26.06.2017).

8 Волна путинского песенного флешмоба в Украине: появился жесткий ответ. [Электронный ресурс] <http://obozrevatel.com/society/46083-volna-putinskogo-pesennogo-fleshmoba-v-ukraine-poyavilsya-zhestkij-otvet.htm> (дата обращения: 26.06.2017).

9 Антироссийский альянс на Ближнем Востоке пожирает сам себя. [Электронный ресурс] <https://www.novorosinform.org/articles/9790> (дата обращения: 26.06.2017); Украину подставили: какие шансы сборной Шевченко поехать в Россию. [Электронный ресурс] <http://fakty.ictv.ua/ru/sport/20170612-ukrayinupidstavily-yaki-shansy-zbirnoyi-shevchenka-poyihaty-v-gosiyu/> (дата обращения: 26.06.2017); [Электронный ресурс] Анкара-Киеву: «Хочешь большой и чистой любви?» <http://svpressa.ru/society/article/161394/?rss=1> (дата обращения: 26.06.2017).

10 Путина принуждают к самой сложной многоходовке. [Электронный ресурс] <http://noteru.com/post/view/21163> (дата обращения: 26.06.2017).

11 Исключением является публицистика турецких алевитов. Янычары, бывшие последователями суфийского братства Бекташийя, учение которого очень близко к алевитской религии, являются для них важным историческим символом.

12 Данное утверждение — результат постоянного мониторинга, проводимого автором.

13 Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. М., 2002, с. 136

нённым оружием в Анатолии¹⁴. Во второй половине XIX в. ятаган перестали использовать в армии, хотя он ещё некоторое время сохранял популярность в народе¹⁵. Основная причина этого, по-видимому, заключается в красоте и «престижности» этого оружия, так как владение им, в отличие от кинжала, требовало специальных навыков.

И. В. Мягких высказал предположение, что «слово ятаган не было названием определённого вида оружия, а означало некий признак, этому оружию присущий». И ввели слово «ятаган», как название определённого типа оружия не турки, а европейцы. При этом в османских документах используется словосочетание «*yatağan bıçağı*» (нож-ятаган) или «*yatağan kılıcı*» (меч-ятаган)¹⁶. Этим особым «признаком» автор считает символическое признание духовных заслуг его владельца. Не считая серьёзными попытки И. В. Мягких доказать происхождение слова ятаган из санскрита, отметим, что высказанная гипотеза о роли европейцев в распространении этого названия может объяснить его отсутствие в живой турецкой речи.

При личном общении с турками автор этой статьи в середине 1990-х гг. с огромным удивлением узнал, что слово «ятаган» им неизвестно. С тех пор при каждом удобном случае автор задаёт представителям самых разных слоёв турецкого общества единственный вопрос: «Что такое ятаган?». Результаты опроса показывают, что подавляющее большинство турок (за исключением профессиональных историков) не имеют никакого представления о ятагане, а чаще всего вообще никогда не слышали этого слова. Полагаю, подобные результаты даст опрос русских, если их спросить, что значат такие русские слова, как пернач, клевец, протазан или байдана.

Почему же для турок ятаган — лишь один из видов давно вышедшего из употребления холодного оружия, а для русских — устойчивый символ Турции и турок? Полагаю, ответ заключается в русской литературе, постоянно исполь-

зующей данный термин практически во всех художественных произведениях, имеющих отношение к русско-турецким войнам.

В русском фольклоре, в исторических казачьих и солдатских песнях русско-турецкие войны оставили глубокий след. Известны десятки песен, посвящённых той или иной из этих многочисленных войн. Особое место занимает цикл песен, посвящённых Азову и «азовскому сидению» 1637–1642 гг. Героями более поздних песен выступают знаменитые русские полководцы: Б. П. Шереметев, П. А. Румянцева, А. В. Суворов, И. Ф. Паскевич и другие. Песни XVII–XVIII в. носят былинные черты. В XIX в. они сменяются литературными песнями, которые, по-видимому, сочинялись вольноопределяющимися с хорошим образованием. Интересно, что образ врага-турка, в песнях всех поколений не имеет какой-либо исторической конкретики. Единственная их устойчивая характеристика — «злые», «злая некрить»¹⁷. В поздних песнях литературного происхождения турок могут назвать «дураками», «черными и горбатыми»¹⁸. Популярным мотивом являются похвальбы и угрозы «напившихся» турок: «Эх поле чистое, турецкое... / Эх на том поле, на том широком, / Мы сойдёмся с неприятелем. / Со такой ордой неверной ли, / Ох, со турецким славным корпусом. / Злые турки да собиралися, / Э-эх на бессчастный день, на среду ту, / Ох злые турки напивалися. / Э-эх во хмелюшках похвалялися: / Э-эх мы Россию всю насквозь пройдем, / Э-эх царя белого мы в плен возьмём»¹⁹.

Никаких исторических, военных деталей, какого-либо упоминания турецкого оружия в фольклоре не обнаруживается.

В целом народные представления о Турции и турках ярко отражены в пьесе А. Н. Островского «Гроза». Страница Феклуша, прототип которой вполне можно назвать народным средством массовой информации, рассказывает: «Говорят, такие страны есть, милая девушка, где

14 Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии в нынешнем её состоянии, составленное русским путешественником. СПб., 1840, с 207, 225

15 Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. М., 2002, с. 136.

16 Мягких И. В. Ятаган. [Электронный ресурс] URL: http://samlib.ru/editors/m/mjagkih_i_w/yatagan.shtml (дата обращения: 26.06.2017).

17 «Шереметев берёт в плен турецкого Влас-мурзу», Исторические песни XIX века. Ленинград: Наука, 1971, с. 35

18 «Падение Плевны», «Блокирование Плевны». Исторические песни. М.: Русская книга, 2001, с. 302, 378

19 Исторические песни XIX века. Ленинград: Наука, 1973, с. 170. Вариант: «Мы Россееюшку наскрозь пройдем, // Царя русского в полон возьмём, а Паскевичу главу снесём» — Исторические песни. М.: Русская книга, 2001, с. 302

и царей-то нет православных, а салтаны землёй правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, всё неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему всё напротив. И все судьбы у них, в ихних странах, тоже всё неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!»²⁰.

В записках и воспоминаниях русских офицеров и генералов, участвовавших в войнах с Османской империей в XVIII–XIX в., упоминания о ятаганах как о специфическом турецком оружии изредка встречаются. Например, его упоминает побывавший в плену лейтенант русского флота В. А. Сафонов²¹. При этом записки военных не были популярной литературой и вряд ли могли оказать существенное влияние на формирование устойчивого русского стереотипа.

Научное изучение Османской державы имеет глубокие корни в России. Первые труды на русском языке, специально посвящённые Турции, были написаны ещё в XVI в.²². Однако формирование образа турка в просвещённом русском обществе проходило не под влиянием учёных изданий, а преимущественно через записки паломников и художественную литературу²³. После того, как при Советской власти грамотность стала практически тотальной, художественная литература достигла наивысшего уровня влияния на умы.

Несмотря на падение общей грамотности и роли литературы в российском постсоветском обществе, согласно результатам социологических исследований, примерно 40% современных россиян получают знания об истории из художественной литературы²⁴. Именно этих людей, по-видимому, следует считать основным типом носителей исторических сведений, так как по историческим источникам и профессиональной литературе историю знает ничтожный процент населения, остальные же 60% либо вообще не получают каких-либо исторических знаний после окончания школы, либо черпают их из художественных фильмов и сериалов. При этом сама цифра — 40% людей, когда-либо читавших историческую художественную литературу, показывает в целом очень высокий уровень интереса к истории в российском обществе.

Первый этап противостояния с Турцией в русской литературе связан с образом казачества. Ряд произведений, начиная с «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя, содержат сюжеты, где турки представлены в качестве традиционного врага казаков. Не меняется этот образ и в книгах о последующих эпохах. Широкое распространение в литературе получила тема войн с Турцией при Екатерине II²⁵. Российские победы XVIII в., и в особенности — присоединение Крыма к России, неизменно воспринимаются в русской литературе как положительные события, героические свершения русских солдат. Многочисленные литературные произведения о русских полководцах и флотоводцах того времени — П. А. Румянцеве, А. В. Суворове, Ф. Ф. Ушакове, М. И. Кутузове и других. Русско-турецкие войны XIX в. оцениваются неоднозначно²⁶. Наиболее часто

20 А. Н. Островский. Гроза. [Электронный ресурс] <http://ilibrary.ru/text/994/p.2/index.html> (дата обращения: 26.06.2017).

21 Сафонов В. А. Выписки из журнала В. Сафонова, лейтенанта корвета Флоры // П. П. Свинын. Воспоминания на флоте, СПб.: Плавищников, 1819, т.3, с. 92–117

22 «Сказание о Магмете-Салтане» И. С. Пересветова — см. Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.-Л., 1956

23 Об этом см.: Алексеев С. В. Историк и коллективная историческая память (на примере отношения к былинному эпосу) // Культурологический журнал, 2017 № 2/28 [Электронный ресурс] http://www.cr-journal.ru/files/file/05_2017_08_47_34_1495788454.pdf (дата обращения: 03.07.2017), Житенёв С. Ю. История русского православного паломничества в X–XVIII веках. М.: Издательство «Индрик» — 480 с.

24 Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Образ Турции и турок в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков в контексте формирования современной исторической памяти россиян // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки — Санкт-Петербург, 2014. — № 1 (191), с. 215

25 См., например: Пикуль В. Фаворит. М.: АСТ: Вече, 2008. В 2 кн. Кн. I: Его императрица. Кн. II: Его Таврида.

26 Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Образ Турции..., с. 217

в литературе упоминается Русско-турецкая война 1877–1878 гг.²⁷

Стереотипные упоминания турок как традиционных врагов содержатся в русской литературе достаточно часто, вне зависимости от идеологической направленности произведения. Однако в большинстве книг, так или иначе касающихся темы русско-турецких войн, непосредственно туркам уделяется довольно мало внимания, повествование обычно сосредоточено на русских воинах.

Первые упоминания ятагана в русской литературе относятся к 30-м годам XIX в. В 1834 г. ятаган упоминается в рассказе М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре»²⁸. Однако своё место в русской художественной литературе он занял, по-видимому, не в последнюю очередь благодаря А. С. Пушкину. В повести «Кирджали», повествующей о греческом восстании (1834 г.), атаганы изображены как основное оружие, как турок, так и повстанцев²⁹. В цикле «Песни западных славян», опубликованном в 1835 г., читаем: ««Бусурмане на короля наскочили, / Донага всего его раздели, / Атаганом ему кожу вспороли...»³⁰ В 1835 г. увидела свет повесть видного представителя русского романтизма Н. Ф. Павлова под названием «Ятаган»³¹. С тех пор ятаган является обязательным атрибутом любого турецкого воина во всех без исключения русских исторических романах, где действуют турки.

В романе В. С. Пикуля «Баязет» ятаганами вооружены все турецкие солдаты. В действительности в конце XIX в. это оружие, если и употреблялось, то разве что иррегулярными войсками. Причём писатель явно не представляет себе, как выглядит и как используется в бою ятаган. Например, в одном месте он сообщает: «во-

круг сабли сразу скопилось много турок, одетых в форму, с ятаганами, примкнутыми к винтовкам (выделено мною — Е. Б.)»³². В другом месте читаем: «Санитары вскоре втащили еще одного солдата, участника вылазки. Сильно посечённый ятаганами, он спасся чудом и, выждав темноты, сам приполз обратно в крепость.

— Эк тебя обтесали, братец, — сказал Сивицкий, срывая со спины солдата кровавые ошметки рубахи.

В своей практике работы на восточных фронтах капитан уже не однажды встречался с такими порезами, почти правильными и глубокими, сделанными в порыве жестокости.

Аглая не выдержала и отвернулась:

— Какой ужас!

— А вы не морщитесь, — ответил Сивицкий. — Это страшно только смотреть. Ятаган по сравнению с русским штыком — оружие весьма слабое, и раны заживут очень скоро»³³.

П. Загребельный в романе «Роксолана» изобретает янычарскую поговорку «Мудрость — на конце ятагана». При описании внешности одного из героев говорится, что у того «кривой, как ятаган, нос», у львов и леопардов в султанском зверинце когти «крепкие и острые, как ятаганы». Ятаган представлен как обязательный атрибут янычар. Например, они «стреляли из луков так, что на лету попадали птице в глаз, ятаганами не только рубились в рукопашном бою, но и могли одним броском пригвоздить чело- века к стене, точно бабочку булавкой». Янычары Загребельного «рубят пленных ятаганами на куски». Сообщается, что падишах Сулейман «ещё совсем маленьким получил в подарок от султана драгоценный ятаган, спал с ним в люльке, подкладывал под подушку и повзрослев». В бою султан лично орудует «широким ятаганом»³⁴.

27 Напрмер: Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993; Пикуль В. Честь имею. М.: Вече: АСТ, 2008; Гранин Д. Зубр. М.: Эксмо, 2005; Акунин А. Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2007; Михайлов О. Александр III: Забытый император. М.: Астрель, 2008

28 М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/z/zagoskin_m_n/text_0070.shtml (дата обращения: 26.06.2017).

29 Пушкин А. С. Кирджали // Пушкин, сочинения, Академия поэзии, 1998, с. 644–647

30 Пушкин А. С. Песни западных славян, Видение короля // Пушкин, сочинения, Академия поэзии, 1998, с. 194

31 Павлов Н. Ф. Ятаган // Русские повести XIX века 20–30-х годов. Том второй. М.-Л., ГИХЛ, 1950.

32 Не исключено, что здесь путаница с французским штыком системы Дельвина образца 1840 г., из-за изогнутой формы прозванного ятаганом. См.: Вендален Бехайм. Энциклопедия оружия (Руководство по оружиюведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в.), СПб: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995, рис. 568

33 Пикуль В. С. Баязет. М.: Голос, 1996. Цит. по: [Электронный ресурс] <http://militera.lib.ru/prose/russian/pikul8/index.html> (дата обращения: 26.06.2017).

34 Загребельный П. А. Роксалана, М.: Алгоритм, 2015 (перевод с украинского языка, первое издание — 1980), сс. 14, 64, 243, 244, 330, 376, 537

Даже профессиональные историки в России не могут избежать очарования ятагана. Виктор Таки, исследующий ориентализацию турок русскими, сам невольно оказывается участником этого процесса. Пересказывая «скаску» бежавшего из турецкого плена калужского стрелца Ивана Семёнова Мошкина, поданную в 1643 г. царю Михаилу Фёдоровичу, В. Таки сообщает, что русские пленники во время восстания орудовали ятаганами³⁵. Однако в источнике речь идёт о саблях³⁶.

Крайне популярным остаётся ятаган и в современной русской исторической и фантастической литературе. Достаточно упомянуть, например, книгу С. Шхияна «Турецкий ятаган»³⁷.

Марина Цветаева использует ятаган как выражение чистой эмоции: «Ятаган? Огонь?/По-скромнее, — куда как громко!/Боль, знакомая, как глазам — ладонь,/Как губам — /Имя собственного ребёнка». (1 декабря 1924 г.)

Русские переводчики эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» вооружили ятаганами орков. При этом в оригинале орки орудуют скимитарами³⁸. Естественно, ятаганы проникли и в современную русскую фэнтези. Например, этим оружием вооружены «Красные шапки» в цикле романов Вадима Панова «Тайный город», а также орки в множестве подражательных Толкиену романов молодых российских фантастов.

Ятаган оказался крайне популярен у разработчиков современных систем оружия. Это имя получили корабельная система управления зенитно-ракетными комплексами «Волна» 4Р-90, авиационная система радиоэлектронной борьбы Л-190, а также украинская модификация танка Т-84–120 (танк готовили к тендеру в Турции).

В произведениях европейских авторов, так или иначе имеющих отношение к Османской империи, ятаган также присутствует. Проспер Мериме в новелле «Двойная ошибка» (1833 г.) не говорит о ятагане как о предмете, не нуждаю-

щемся в пояснении: «Всё шло хорошо, как вдруг этот проклятый конный турок, перестав созерцать море, обернулся на шум, который мы производили, помчался, как стрела, и напал на нас прежде, чем мы к этому приготовились; в руках у него было нечто вроде гнутаго тесака.

— Ятаган? — перебил рассказчика Шатофор, любивший местный колорит.

— Ятаган, — продолжал Дарси, одобрительно улыбнувшись. — Он проскакал мимо меня и хватил меня этим ятаганом по голове так, что у меня из глаз посыпались искры»³⁹.

Генрик Сенкевич, в романе «Пан Володыевский» (впервые опубликован в 1887–88 г.) посвятивший янычарам немало страниц, изображает их, прежде всего, как пехоту, вооружённую ружьями (что полностью соответствует историческим реалиям). Среди холодного оружия янычар, чаще всего говорится о саблях, ятаганы упомянуты лишь однажды⁴⁰. Геза Гардони в романе «Звёзды Эгера» (впервые опубликован в 1899 г.) упоминает ятаганы неоднократно, но не как основное оружие янычар, а наряду с кинжалами⁴¹. В Западной и Центральной Европе, воевавшей с Османской империей много веков и имевшей развитый культурно-исторический образ «Великого Турка», слово ятаган было известно, однако не получило такой популярности и эмоционального наполнения, как в России.

Напряжённая эмоциональная наполненность литературных образов, связанных с русско-турецкой войной в России, на наш взгляд, подтверждает то, что война с Турцией носила для русских выраженный мировоззренческий характер, что всегда сопровождалось определённой «идеологической накачкой». При этом можно припомнить, что Османская держава (и её вассал Крымское ханство) в последний раз всерьёз угрожали России в XVI в. Последней реальной угрозой был поход на Москву крымского хана Девлет Гирея I в 1572 г., завершившийся разгромом крымских и османских войск при Молодях. С тех пор Россия, если и терпела поражения от турок, то это случалось в ходе наступательных войн.

По уровню эмоционального отражения в русской народной исторической памяти во-

35 Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017, с. 83

36 Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. II (первая половина XVII ст.), Киев, 1896, с. 399

37 Шхиян С. Турецкий ятаган. Северо-Запад пресс, 2006

38 Скимитар (англ. инем. *Scimitar*, фр. *Cimeterre*, итал. *Scimitarra*, исп. импорт. *Cimitarra*) — западноевропейский термин для восточных изогнутых мечей и сабель разных типов.

39 Мериме П. Новеллы. М., Художественная литература, 1978.

40 Сенкевич Г. Пан Володыевский. М.: Художественная литература, 1984.

41 Гардони Г. Звёзды Эгера. М.: Детская литература, 1955.

йны с Турцией можно сравнить разве что с войнами с Германией, в которых Россия понесла самые страшные в своей истории потери. Образы янычар и ятаганов в чём-то сходны с образами Кавказской войны: «горцами», «абреками», «кинжалами»⁴².

В то же время в отношении французов, с которыми Россия в течение XIX в. вела две тяжелейшие войны, у русских столь напряжённых военных ассоциаций не имеется. При этом французы в 1812 г. разграбили и сожгли Москву, и только случайность помешала им взорвать Кремль и храм Покрова на Рву, а в 1855 г. взяли Севастополь и на 15 лет лишили Россию Черноморского флота. Однако французские футбольные команды у нас в прессе не именуются, например, «старой гвардией Наполеона». По-видимому, бесславное участие французов во Второй Мировой войне полностью разрушило их многовековой образ воинственного и грозного для противников народа.

Кризис в российско-турецких отношениях, возникший после инцидента 24 ноября 2015 г., сопровождался оживлением самых мрачных ассоциаций, связанных в русском историческом сознании с Турцией. Антитурецкая кампания в российских СМИ актуализировала многовековой образ врага, активно вспоминали опыт русско-турецких войн, их победоносность, отмечали столетие взятия русскими войсками Трабзона.

42 Подробнее об этом см.: Кавказская война: символы, образы, стереотипы/отв. ред. Т. В. Коваленко — Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. — 328 с.

И хотя травма, нанесённая российско-турецким связям на всех уровнях, будет заживать не один год, нужно отметить, что не взирая на нередко истерические интонации СМИ и жаркие обсуждения перспектив новой русско-турецкой войны в социальных сетях, демонизации образа турка не произошло. Слишком многие русские видели Турцию своими глазами, имеют положительный личный опыт общения с турками.

Изучение бытующих в России историко-культурных стереотипов в отношении соседей, на наш взгляд, является крайне важной задачей. Это должно помочь в понимании нашего собственного, часто далеко не благостного образа в глазах других стран и народов. Понимание же этого образа должно послужить основой разработки эффективной внешней культурной политики.

Список литературы

1. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017
2. Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией: Материалы международного симпозиума, Москва-Стамбул, 2012
3. İlyas Kemaloğlu. Rusların Gözüyle Türkler. Ka-knüs yayınları, 2015. — 224 s.

HISTORICAL MEMORY AND IMAGES OF THE RUSSO-TURKISH WAR

Bakhrevsky Evgeny Vladislavovich,
PhD in Philological Sciences,
director Russian Cultural and Natural Heritage Institute
St. Kosmonavtov 2, Moscow, Russia, 129366,
kamlay@mail.ru

Abstract

The article deals with development and actual situation of Russian historical memory images concerning Russian-Turkish wars.

Keywords

Historical memory, Russian-Turkish wars, Janissaries, yataghan.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 801.81
ББК 82.3

РУССКИЕ БЫЛИНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ XIX ВЕКА: НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЭПОСА

Миронов Арсений Станиславович,
кандидат филологических наук,
и.о. ректора Московского государственного института культуры,
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д.7
arsenymir@yandex.ru

Аннотация

В статье говорится о начальном периоде школьного (гимназического) изучения русского героического эпоса, когда был положен конец традиционной недооценке образованным обществом эстетической и нравственной ценности былин. Выявляются учебные пособия и хрестоматии, подготовившие почву для такого изучения, а также те, что первыми включили в программу обучения русские былины. Характеризуется выбор вариантов былин для этих хрестоматий, а также дается критический анализ интерпретаций былин в свете ценностных смыслов русского эпоса.

Ключевые слова

Русский эпос, былина, хрестоматия, ценностный смысл русского эпоса.

Проблема рецепции ценностей русского эпоса в культуре российского образованного общества не утрачивает актуальности: требует исследования конфликт эпического этоса и ментальности отечественных педагогов, авторов учебных

пособий, формировавших педагогический дискурс в первой половине XIX в, а также — история разрешения этого конфликта, приведшего к частичному восприятию аутентичных смыслов эпоса культурой образованного общества. Отно-

шение к былинам в аристократических кругах в первой половине XIX века было весьма снисходительным, если не сказать — презрительным. Учебные пособия, используемые в образовательной системе того времени, как правило, не включали произведения русского эпоса в списки рекомендованного чтения, а школьные хрестоматии десятилетиями игнорировали былинку.

Отметим, что сходная ситуация сложилась и в отношении русской литературы; первоначально в хрестоматии включались только произведения античных классиков, французских и немецких авторов. Первая коллекция отрывков из произведений российских литераторов была издана Н. И. Гречем в 1812 году под заглавием «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе»¹ и включала указания на произведения 34 авторов. Фольклорных текстов там не было вовсе, хотя сборник Кирши Данилова уже был доступен составителю. Н. И. Греч полагал, что «народные и военные песни» славян не дошли до нас, и по этой, видимо, причине не считал распеваемое народом в деревнях достойным изучения. Не появилось ни сказок, ни песен и во второй изданной Н. И. Гречем книге — «Учебной книге российской словесности»² (1820).

Составители последующих хрестоматий также не торопились включать русский эпос в состав учебных материалов. Вплоть до 1848 года в хрестоматиях былины не встречаются (см., например: В. А. Золотов «Русская стихотворная хрестоматия»³ (1829), В. А. Эртель «Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей...»⁴ (1833), В. В. Рклицкий «Русская хрестоматия, или Избранные места из лучших русских писателей, систематически расположенные и заклю-

чающие примеры на все роды сочинений в прозе и стихах»⁵ (1838), А. Д. Галахов «Полная русская хрестоматия»⁶ (1843), Ф. Н. Святной «Русская хрестоматия, или Избранные места из русских прозаиков и стихотворцев с немецкими объяснениями слов и терминов»⁷ (1846–1848). В учебной книге И. С. Пенинского «Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах»⁸ (1833–1834) в разделе «Сказки» помещен только «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, а в разделе «Ироико-мическая драма» — сцена боя с «богатырской головой» из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина. То же самое находим в «Учебном курсе словесности» В. Плаксина⁹; в разделе «Эпическая поэзия» вместо фрагментов из сборника «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова помещены отрывки из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина.

Перелом в сложившейся учебно-педагогической ситуации связан с именем С. П. Шевырева, читавшего университетский курс по русской словесности¹⁰; этим лекциям затем суждено было попасть и в гимназический курс И. И. Давыдова. Таким образом, С. П. Шевырев — первый, чьи идеи о русском народном эпосе были восприняты в гимназическом образовании.

Однако, поскольку отношение к русским былинным богатырям было снисходительным и высокомерным, С. П. Шевыреву пришлось оправдываться за то, что он назвал Илью Муромца русским Сидом: «Сравнение Ильи Муромца с Испанским Цидом показалось для некоторых

1 Греч Н. И. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе: С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812.

2 Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности, изданные Николаем Гречем. В 4 ч. Ч. 2. СПб., 1820.

3 Золотов В. А. Русская стихотворная хрестоматия. В 2 ч. М., 1829.

4 Эртель В. А. Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей, расположенная по систематическому порядку. СПб., 1833.

5 Рклицкий В. В. Русская хрестоматия, или Избранные места из лучших русских писателей. В 2 кн. Изд. 2-е. Варшава, 1838–1839.

6 Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. В 2 ч. СПб., 1843.

7 Святной Ф. Н. Русская хрестоматия, или Избранные места из русских прозаиков и стихотворцев. Курс 1–2. Ревель, 1846–1848.

8 Пенинский И. С. Российская хрестоматия, или Отборные сочинения российских писателей в прозе и стихах. В 2 ч. СПб., 1833–1834.

9 Плаксин В. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. В 2 кн. СПб., 1843–1844.

10 Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции. В 4 вып. М.: Университетская типография, 1846–1860.

слушателей слишком смелым. Меня даже обвинили за то, что своим сближением поставил обоих наравне»¹¹. Ученый сетует на то, что в российской науке господствуют предубеждения, «которые у нас направлены против всего народного»¹².

В лекциях С. П. Шевырев утверждал уникальность ценностной системы русского эпоса и его ценностных концептов. Он так писал об этом: «Позвольте же Илье Муромцу понять семью, месть, правду и милость иначе, нежели понимает их Цид»¹³. У Сида, по мнению С. П. Шевырева, совершенно другие представления о мщени и чести, о личности.

Примерно в это же время, 1848 году, А. Д. Галахов включает несколько «богатырских повестей» в хрестоматию церковнославянского и древнерусского языка¹⁴. Впервые в истории российской педагогики он дерзнул рекомендовать учащимся тексты записей русского эпоса. Свою смелость составитель хрестоматии оправдывал тем, что предлагал изучать былины не как произведения изящной словесности (подразумевалось, что богатырские песни такого звания не достойны), но исключительно как факт истории языка. И в первые восемь изданий своей хрестоматии по русской словесности А. Д. Галахов былины не включал (об Илье Муромце в этом пособии упоминалось лишь единожды, в параграфе о сказке В. И. Даля).

Нужно подчеркнуть, что в 1848 году А. Д. Галахов был весьма ограничен в выборе вариантов былин: открытие живого бытования русского эпоса П. Н. Рыбниковым (1859) и А. Ф. Гильфердингом (1871) будут сделаны позднее. Поэтому составитель обращается исключительно к текстам из сборника Кириши Данилова. В частности, А. Д. Галахов поневоле помещает в хрестоматию вариант былины, в котором опущена сцена исцеления Ильи Муромца Иисусом и апостолами, явившимися ему в виде странников. В этом варианте не говорится ни о воспитании богатырского коня из шелудивенького жеребенка, ни о родительском благословении. В результате читателю не понятно, зачем Илья выехал из родного села и направился в Киев. Вариант былины

про Добрыню (отъезд богатыря на двенадцать лет и разлука с женой и матерью) оборван. Выпущены сватовство Алеши Поповича к Настасье Микулишне и замечательная сцена возвращения Добрыни в образе странствующего гусяра.

Кроме того, мы находим в хрестоматии А. Д. Галахова небольшой фрагмент былины «Алеша Попович» из сборника Кириши Данилова, который неудачно обрывается на том, что Алеша присваивает «платье цветное» в качестве трофея после первого боя с Тугарином. При этом создается ошибочное ощущение, что добыча платья является своего рода «венцом» и главным смыслом богатырской миссии. Замечательная сцена на пиру у князя, когда княгиня засматривается на Змиевича, отброшена А. Д. Галаховым, равно как и значимое в ценностном плане описание второго боя, включающее молитву Алеши о дожде. Не включен в хрестоматию и упрек Алеши в адрес княгини Апраксии, который не только ярко характеризует героя, но и дает представление о жесткой системе ценностей былинного мира.

Зато А. Д. Галахов включает замечательный вариант былины о Садке в плену Морского царя, в котором показана роль Николы Можайского и коварство Морского царя, пытающегося женить гостя на одной из своих дочерей. Впрочем, составитель вынужден заменить многоточиями несколько строк, в которых поется о брачной ночи Садка на морском дне, что скрывает от читателя смысл былины. Становится непонятно, почему герой выбирает самую некрасивую девицу и воздерживается от связи с ней.

Многоточия встречаем и в тексте былины «Поток Михайла Иванович»; А. Д. Галахов, опасаясь за нравственность юных читателей, заменяет ими вполне невинные строки: Сохватал девицу за белы ручки//И целует ее во уста сахарныя¹⁵.

Эти многоточия, очевидно, демонстрируют завышенный уровень требований, предъявляемых образованным обществом в середине XIX века к «нравственному» содержанию богатырского эпоса (при том, что у Н. М. Карамзина в «Илье Муромце» или у А. С. Пушкина в поэме «Руслан и Людмила» юные читатели могли обнаружить гораздо более смелые сцены).

Книга А. Д. Галахова выдержала несколько десятков изданий до 1918 года и, должно быть,

11 Там же. Вып. первый. Лекции I–V. М., 1846. С. 233.

12 Там же. С. 234.

13 Там же. С. 234.

14 Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка/Сост. А. Д. Галахов. М., 1848.

15 Там же. С. 426.

много послужила знакомству российского юношества с родным эпосом. Учитывая редкость и дорогую цену изданий Кирши Данилова, книга А. Д. Галахова долгое время оставалась едва ли не единственным доступным широкой публике средством познакомиться с былинами в неискаженном виде. По сути, с этой хрестоматии начался долгий процесс реабилитации былины, чья репутация была подорвана лубками, зингшпилями и недобросовестными пересказами литературных фантазеров.

Заметим, что в хрестоматии А. Д. Галахова былины представлены полнее и осмысленнее, нежели в подобной хрестоматии Ф. И. Буслаева, которая выйдет спустя 13 лет и будет содержать лишь отрывки из эпических песен, к тому же вынесенные в приложение.

Итак, былины закрепились в учебных пособиях для изучающих язык, однако еще не получили «прописки» в педагогике в качестве памятника словесности. Это произойдет лишь после 1861 года.

Многое сделал для приближения этого выдающийся организатор отечественной науки, талантливый педагог и филолог, академик Иван Иванович Давыдов, который, находясь в должности Председателя отделения русского языка и словесности Санкт-Петербургской академии наук, в 1851 году запускает и доводит до блестящего результата проект новаторского учебного курса «Теория словесности. Курс гимназический»¹⁶ (для гимназий Российской империи). В параграфах 22 и 23 учебника И. И. Давыдов помещает почти без изменений выдержки из уже упоминавшихся лекций (IV и V) С. П. Шевырева, прочитанных им в Московском университете в 1844–1845 годах и опубликованных отдельным изданием, в которых впервые в истории отечественной педагогики говорится о величайшей ценности русского героического эпоса.

Именно тогда, в 1851 году, начинается мало кем замеченная «контрреволюция» русской культуры, ведущая к устранению ценностного и эстетического разрыва между «просвещенной» публикой и народом, возникшего в эпоху Петра Первого. Образованное общество начинает постигать глубокий смысл того, что десятилетиями считали «безлепницей», невнятным лепетом непродвинутого простонародья.

Гимназический учебник под редакцией И. И. Давыдова был издан Департаментом народного просвещения для всех гимназий страны. Однако это был именно учебник, и потому он не мог содержать тексты былин. Впервые тексты появились только в девятом издании (1861) популярнейшей «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова¹⁷.

Таким образом, долгожданное возвращение смыслов русского эпоса в культуру образованного общества — началось по инициативе государства. И. И. Давыдов не был специалистом в области изучения былин, однако, как педагог с большим опытом, он хорошо знал о горячем интересе русского юношества к эпическим песням (эту необычайную заинтересованность, сродни духовному голоду, позднее обнаружит граф Л. Н. Толстой у учащихся своей школы). Патриотически настроенный И. И. Давыдов понимал, какую пользу принесет Империи широкое знакомство молодежи с ценностями русского эпоса. Будучи опытным чиновником, он выбрал эффективную тактику для успешного продвижения проекта в массы — анонимность. Именно анонимность коллективного труда позволяла, с одной стороны, собрать в одном курсе лучшие идеи талантливых филологов, педагогов, исследователей риторики, в том числе провинциальных, посещавших в свое время лекции И. И. Давыдова в Московском университете, — К. П. Зеленецкого, Н. Ф. Кошанского и др. С другой стороны, анонимный курс привлекал меньше внимания со стороны тогдашних «светил» науки и снижал вероятность слишком пристрастного критического разбора. И. И. Давыдов принял личное и весьма деятельное участие в подготовке учебника: помимо труда составителя и редактора, он подбирал образцы слогов к разделам по теории стихосложения, однако ради анонимности отказался от упоминания своего имени на титуле.

Хотя учебник не предполагал включения в состав полных текстов былин, однако он содержит замечательный разбор русского эпоса, принятый с ценностных позиций. Каждый гимназист в России теперь узнавал из своего учебника, что в изображении Ильи Муромца «русский народ выразил идеал витязя, по своим понятиям: его сила — награда за его милостыню; он добрый

16 Теория словесности. Курс гимназический (изд. анонимное)/сост.-ред. И. И. Давыдов. СПб., 1851.

17 Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. Изд. 9-е. В 2 ч. СПб., 1861.

сын; он бережется напрасной обиды; он не проливает крови Христианской; он щадит даже разбойников; поднимает оружие лишь на защиту Веры против врагов язычников; не требует ни земель, ни почестей, ни даров за свои услуги, но сам несет дары к князьям»¹⁸.

Перед нами — пусть поверхностный, но указывающий на аутентичные эпические смыслы аксиологический анализ былин об Илье Муромце, позволяющий отметить, в частности, уникальность (по «своим понятиям») ценностных концептов былинного мира. Точно обозначен христианский ценностный концепт силы: ««его сила — награда за его милостыню»¹⁹ (сила дается и отнимается в зависимости от того, насколько герой верен миссии любви и сострадания).

Параграфы учебника И. И. Давыдова, посвященные былинам, завершаются весьма смелым для того времени утверждением: богатырские песни названы «драгоценными остатками старины», в которых «высказалась душа народа»²⁰. Это утверждение, являясь отправной точкой полноценного аксиологического анализа, не только идет вразрез с модной в то время мифологической теорией эпоса, но и предупреждает ошибки миграционной теории. И. И. Давыдов включает в свой учебник утверждение, что памятники «безыскусной» народной словесности отражают период «юности народа», когда «дух народный, приходя к самопознанию, начинает обращаться от внешней природы к созерцанию собственных душевных движений»²¹. Признание того, что смыслы былин связаны с созерцанием душевных движений человека (а также с фиксацией духовного опыта в результате этого созерцания), автоматически означает отказ от поиска бессмысленных фрагментов полузабытых мифов, которым занимались О. Миллер²², Ф. Буслаев²³ и другие адепты мифологической теории. Кроме того, сосредоточение сказителя и аудитории на духовном опыте народа, отраженном в былинных образах, возможно только

в том случае, если речь идет о собственном опыте этого народа, а не об отголосках опыта индийских или германских племен, закодированного в кочующих сюжетах.

Другая важная проблема рецепции эпоса в образованном обществе состояла в резком несоответствии былинной образности тогдашним эстетическим представлениям публики. Даже те популяризаторы фольклора (вроде А. Мерзлякова, С. П. Шевырева), кто признавал богатырей могучими, искренними и добрыми, не готов был назвать их красивыми. В связи с этой проблемой важно подчеркнуть, что и на этом «фронте» популяризации эпоса составитель гимназического курса совершает заметный прорыв, призванный обеспечить позитивное эстетическое восприятие читателем былинной поэтики и образности. И. И. Давыдов выбирает и помещает в текст учебника замечательный пример — зримый, звучащий и даже осязаемый образ: Из колчана вынимал (Поток) калену стрелу, //И берет он тугой лук в руку левую, //Калену стрелу во правую, //Накльвает на тетивочку шелковую; //Заскрыпели полосы булатныя //И завывли рога у туга лука²⁴.

Этот учебный курс выдержал пять изданий и поступал в гимназии Российской империи до 1861 года, вплоть до того времени, когда появилось девятое издание «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова с включением текстов былин. Так «чиновничий» проект на целое десятилетие опередил хрестоматии А. Д. Галахова, Ф. И. Буслаева и А. Г. Филонова.

Спустя некоторое время после выхода гимназического курса «Теории словесности» А. Д. Галахов и Ф. И. Буслаев разработали «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях». Эти материалы успешно прошли общественное обсуждение и были изданы в 1852 году²⁵.

В «Конспекте» А. Д. Галахова и Ф. И. Буслаева ни одна былина не процитирована и даже не названа. Однако учащимся последнего года обучения рекомендовано читать народные песни, сказки и пословицы. В программе четвертого класса рекомендовано пользоваться примерами из народных песен для объяснения учащимся риторического понятия «период речи».

18 Теория словесности. Курс гимназический. С. 16–17.

19 Там же. С. 16.

20 Там же. С. 18.

21 Там же. С. 2.

22 Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб. 1869.

23 Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1, 2. СПб, 1861.

24 Там же. С. 17.

25 Галахов А. Д., Буслаев Ф. И. Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях. СПб., 1852.

В разделе «Музыкальное начало» предлагается рассказать о народном стихосложении. В разделе, посвященном изучению особенностей языка и слога, отмечена необходимость обратить внимание учащихся на слог древних российских стихотворений.

Говоря о «видоизменениях» эпоса, авторы в качестве русского примера «самородной» эпической поэзии называют «песни эпического склада». Упоминается также подражание эпическим песням и переложения В. А. Жуковского и А. С. Пушкина.

«Конспект» будет положен в основание структуры будущей «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древнерусского языка», которую Ф. И. Буслаев подготовит в 1861 году. Именно по ней будут обучаться воспитанники военно-учебных заведений.

В 1861 году А. Д. Галахов подготовил девятое издание «Полной русской хрестоматии»²⁶. Перед нами — первая в истории отечественной педагогики хрестоматия, в которой русский эпос, во-первых, предлагается изучать как полноценное произведение искусства, во-вторых, он впервые рассматривается в ряду величайших эпических поэм всемирного значения, и, наконец, в-третьих, представлен полными текстами записей.

В предыдущем восьмом издании²⁷ 1859 года А. Д. Галахов помещает в отдельную часть эпические песни разных народов (от «Илиады» до сербских и болгарских песен), однако былины в этом списке еще нет. И вот, в год освобождения русского крестьянства, впервые выходит в свет хрестоматия русской словесности, в которой можно прочесть не только фрагменты из «Шахнаме» (Второй бой Рустема и Зораба в переводе В. А. Жуковского) и «Песни о Нибелунгах» (единоборство Гунтера с Брюнхильдой, смерть Зигфрида), не только романсы о Сиде и выдержки из Краледворской рукописи, но и былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Потоке, Соловье Будимировиче, Василии Буслаеве и Садке.

Ценность девятого издания тем выше, что оно подготовлено и выпущено еще в догиль-

фердингову эпоху²⁸. В то время только энтузиасты и специалисты могли познакомиться с неиспорченными текстами старин в малотиражных сборниках Кирши Данилова²⁹, выпусках «Песен» из собрания П. В. Киреевского, а также из самых первых публикаций П. Н. Рыбникова³⁰ в не доступных большинству читателей «Олонецких губернских ведомостях».

Поэтому выбор былин для этого пособия (как и для «Хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» 1848 года) ограничен «Древними российскими стихотворениями» Кирши Данилова. И все же, этот выбор более удачен, чем в «Исторической хрестоматии» Ф. Буслаева, вышедшей в свет в том же 1861 году. Например, былина об Алеше Поповиче в пособии А. А. Галахова не оборвана в тот момент, когда богатырь присваивает себе «платье цветное», снимая его с убитого Тугарина (а значит, у юного читателя не может возникнуть ложное ощущение, что добыча платья являлась изначальной целью Алеси и венцом его богатырской деятельности).

Сложившаяся в российской педагогике политика неприятия и замалчивания былин, направленная на то, чтобы помешать юным представителям образованного общества добраться до родного эпоса, закончилась. Отныне об Илье Муромце и Садке можно было узнать не только из лубочных «повестей в лицах» или из весьма вольных пересказов М. Д. Чулкова и В. А. Левшина, но из обычной школьной хрестоматии.

Учебное пособие А. Д. Галахова, содержащее тексты былин и их фрагментов, будет переиздаваться еще до самого февральского переворота 1917 г. Правда, уже с одиннадцатого издания появится парадоксальное в ценностном плане, но столь привычное для отечественного эпосоведения разделение богатырей на «старших» и «младших», а также добавится авторский текст Л. Мея о том, как «перевелись богатыри» на Руси, содержащий ценностно неприемлемые для эпического сознания сцены (оживление Добрыни

26 Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. Изд. 9-е, с перем. СПб., 1861.

27 Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. В 3 ч. Изд. 8-е. М., 1859.

28 Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. — СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1873. — 732 с.

29 Древние русские стихотворения М., 1804.

30 Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: Ч. 1–4/Рыбников Павел Николаевич. — Петрозаводск, Олонецкий губ. стат. ком., 1861–1867.

«живой водой» и позорная ретирада богатырей от «силы незнаемой»).

Подводя итог, можно сказать, что школьные хрестоматии сыграли едва ли не главную роль в преодолении отчуждения образованного общества от эпоса как транслятора духовно-нравственной традиции русской культуры. Этот культурный разрыв долгое время способствовал усилению эффекта искаженной интерпретации былин в лубочной литературе и графике, утверждавшей публику во мнении, что былинные богатыри не красивы и не благородны. Введение в практику гимназического обучения былинного эпоса сыграло роль поворотного момента в отечественном общественном сознании, следствием чего стало становление поколения русских, чье мировоззрение формировалось на былинных образах. Поколение бывших гимназистов, которые в 1851–1861 годах учились словесности по учебнику И. И. Давыдова с цитатами из лекций С. П. Шевырева, поколение тех, кто сдавал экзамены по курсу церковнославянского и древнерусского языка А. Д. Галахова (1848), подарит русской культуре В. М. Васнецова, В. Д. Поленова, И. Е. Репина, В. О. Шервуда, В. А. Гартмана и И. П. Ропета, Н. А. Римского-Корсакова. Это поколение обеспечит к 1881 году смену культурной парадигмы и выработку нового русского стиля в искусстве.

Список литературы

1. Галахов А. Д. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. М., 1848.
2. Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. В 2 ч. СПб., 1843.
3. Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. В 3 ч. Изд. 8-е. М., 1859.
4. Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. Изд. 9-е, с перем. В 2 ч. СПб., 1861.
5. Галахов А. Д., Буслаев Ф. И. Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях. СПб., 1852.
6. Греч Н. И. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе: С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812.
7. Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности, изданные Николаем Гречем. В 4 ч. СПб., 1820.
8. Золотов В. А. Русская стихотворная хрестоматия. В 2 ч. М., 1829.
9. Пенинский И. С. Российская хрестоматия, или Отборные сочинения российских писателей в прозе и стихах. В 2 ч. СПб., 1833–1834.
10. Плаксин В. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. В 2 кн. СПб., 1843–1844.
11. Рклицкий В. В. Русская хрестоматия, или Избранные места из лучших русских писателей. В 2 кн. Изд. 2-е. Варшава, 1838–1839.
12. Святной Ф. Н. Русская хрестоматия, или избранные места из русских прозаиков и стихотворцев. Курс 1–2. Ревель, 1846–1848.
13. Теория словесности. Курс гимназический (изд. аноним.)/сост.-ред. И. И. Давыдов. — СПб., 1851–1860.
14. Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции. В 4 вып. М., 1846–1860.
15. Эртель В. А. Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей, расположенная по систематическому порядку. СПб., 1833.

RUSSIAN EPIC IN THE DOMESTIC PEDAGOGY OF THE XIX CENTURY: THE START OF STUDYING RUSSIAN EPOS

Mironov Arseny Stanislavovich,

PhD in Philology,

Rector of the Moscow State Institute of Culture,
St. Library, 7, Khimki, Moscow Region, Russia, 141406,
arsenymir@yandex.ru

Abstract

The article deals with the initial period of the school (gymnasium) study of the Russian epos in XIX century when an upper-class tradition of underestimating of bylina's aesthetic and moral value was broken. Educational tools and textbooks have been identified, which paved the way for such a study, as well as those that were the first to include the Russian epics in the curriculum. The choice of the epic texts for these textbooks is analysed in the light of the value meanings of the Russian epos.

Keywords

Russian epos, epic, textbook, the value meaning of the Russian epic.

RAR
УДК 008.001:14
ББК 63.3

«ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОКТЯБРЬ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ РАСКОЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1917–1921 гг.

Кокшенева Капиталина Антоновна,
кандидат искусствоведения,
доктор филологических наук,
руководитель Центра наследования русской культуры
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ул. Космонавтов, д. 2, Москва, Россия, 129366,
omega125@yandex.ru

Аннотация

Революции 1917 года привели к дифференциации театральной интеллигенции, к «революции в театре». Раскол её происходил, прежде всего, по линии ценностей и смыслов. «Подчинение искусства политике» или «подчинение политики искусству»? — на этот главный постреволюционный вопрос театральная интеллигенция отвечала, конечно, исходя из своего дореволюционного художественного опыта. Станиславский и Южин, Немирович-Данченко и Мейерхольд давали отнюдь не одинаковые ответы и выстраивали разные художественные стратегии после Октября.

Ключевые слова

Революция-1917, русский театр, пролетарский театр, агитационный спектакль, «левые театры», «академические театры», «Театральный октябрь», Мейерхольд, Станиславский.

Наследники, не желающие расставаться со своим наследством

Революция, как тотальный социальный сдвиг, изменила смыслы и задачи творчества. Если для К. С. Станиславского, представляющего тип национальной культуры, творческий акт не был возможен без сочетания мышления понятийного и непосредственной интуиции, то для художников интернационального типа творческий акт был предельно рационализирован, когда «борьба за идею» была самой могуще-

ственной силой, творчески возбуждающей художника (новые театральные формы были «практичны», «полезны», предельно формализованы, а *делание* спектакля в своем «пределе» должно было напоминать любое иное *производство*).

Если первые жизнь *слушали, вникали* в ее кипящие смыслы, пытались *разглядеть* те явления, которые чреватые будущим и не испарятся в злобе дня; то вторые погрузились в стихию *хаотичности, разрушительности* злободневных процессов, черпая в них главные смыслы своего искусства (при этом *пафос* часто вытес-

нял содержание на обочину спектакля; не важно было «о чем», — важнее было «как»). Если первые полагали центром своего творчества *личность* (актера-человека и создаваемого им персонажа); то вторые — новые смыслы находили исключительно в *принципе коллективизма* (отсюда «коллективный герой», «хоровое начало» — о чем речь пойдет ниже). Впрочем, и представление о народе, вздыбленном революцией, у тех и других было довольно различно. Первые привыкли выводить на сцену *индивидуальности* (*разные* голоса народа отражала *внутренняя жизнь* персонажей); вторые упивались стертыми лицами, *массой*, движимой *революцией*, которая и сама воспринималась неким пламенеющим *зрелищем-мистерией*.

Каким же было представление о революции у «академических художников»?

Можно сказать словами В. И. Немировича-Данченко: оно было «литературным». Причем, таковым оно было и для «левых», и для «правых» деятелей театра. Но при этом, было, конечно, различным по существу. В 1920 году Немирович-Данченко говорит: «испуганными, недоумевающими глазами смотрит Малый театр в настоящее и грядущее...» [5; 12]. Он же признается: «Надо сказать правду, когда пришла революция, мы испугались. Это оказалось не так, как представлялось по Шиллеру» [5; 14]. Актер Малого театра Л. М. Прозоровский о революции говорит со всей определенностью: она их «застала врасплох», актеры императорских театров «находились в крайней растерянности, а некоторые из них неистовствовали». Никакие большевики и «их вожди, ставшие теперь представителями советской власти», артистам были категорически неизвестны и непонятны. «Кто это?... Мы никого их не знаем, мы никогда не слышали этих фамилий! И это наше правительство?!» [13; с. 121–122].

Однако «старые художники» понимали, что такое фантастическое изменение жизни, такой ее слом и трагизм, требовали дистанции и времени, чтобы отвечать на «вызовы революции». Никакие лозунги революции и никакие новые революционные формы эту часть творческой интеллигенции не могли вдохновить. Их искусство выросло на иных отношениях с реальностью: его интересовало этическое наполнение жизни, искание красоты и правды, культурная полнота и сложность представлений о человеке, возможные только в области «сложного мастерства» актера, драматурга, режиссера.

Собственно, в это время раздавались и такие требования: гостеатры совсем уничтожить, так как искусство не вмещает в себя понятия государственности. Любое вмешательство государственной власти в дела искусства не полезно и всегда приводит к застою и разложению. Если бывшие императорские театры не могли выразить даже прежнее темное обличие русской жизни, то тем более они не смогут отразить ее преобразование. Позиции новой власти по отношению к наследию и его наследникам спешил проговорить вслух А. В. Луначарский: «Значит, резюмируем так, — сказал я, — все более или менее добропорядочное в старом искусстве — охранять. Искусство не музейное, а действенное — театр, литература, музыка — должны подвергаться некоторому не грубому воздействию в сторону скорейшей эволюции навстречу новым потребностям. К новым явлениям относиться с разбором. Захватничеством заниматься им не давать. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении елико возможно помогать им» [9; с. 466].

Задача «охранять» те театры, у которых были «художественные заслуги» выглядела в ту пору отнюдь не лишней. В 1922 году выходит сборник «О театре», в котором как раз подводятся некоторые «итоги» первых революционных лет. «Левые» деятели театра по-прежнему полагают только свои взгляды соответствующими целям и задачам революции. Они довольно агрессивно оценивают театры «старого наследия», которое в их глазах интересно только «для жалкой толпы эпигонов чеховско-андреевской культуры» [11; с. 4], тогда как «творцами современного театра могут быть только люди, социологически разорвавшие с прошлым» [11; с. 1].

Эстетика Художественного театра к началу революции была, действительно, высшим воплощением национальной культуры. Конечно, от искусства «художественников» все еще веяло «старым покоем», несмотря на царящий вокруг хаос. «Революция как хаос» — это не только политическое, но скорее эстетическое представление о ней, хотя все хорошо помнили, что был обстрелян Кремль, продырявлены иконы в соборах; был загажен Малый театр. Станиславский хладнокровно скажет: «Я стал пролетарием». Хладнокровно потому, что уже давно, с отцовского золотоканительного дела «идея процветания

масс как залог будущего процветания государства, общества и его граждан была для Станиславского непреходящей в любых обстоятельствах» [8; 185].

Конечно, Художественный театр тоже понимал, что обновление неизбежно и необходимо. Тем не менее, предпочитал ожидание, исповедовал «принцип пассивности». Сезон 1919/1920 театр провел без основной части труппы («качаловская группа» выехала на гастроли в Харьков). Пресса того времени полагала, что театр должен как-то «откликнуться и повести за собой» другие театры, — ведь художественный авторитет театра был высок. В декабре 1919 года МХТ был отнесен правительством к разряду «академических» и называется теперь МХАТом. Но театр хранил «молчание», что давало повод критике говорить: «заслуженный Художественный театр превращается постепенно и неуклонно в музей добрых воспоминаний» [3; с. 15]. Он повторяет пройденное, доказательством чего рецензентам послужил своеобразный юбилей — трехсотое исполнение «Царя Федора Иоанновича» с неизменным И. М. Москвиным в заглавной роли.

«Малый, Художественный, Камерный» — именно в такой последовательности рассматривал критик Н. Лерс движение сценических форм (статья была размещена в «Вестнике театра» за 1920, № 54). Именно форма искусства «художественников» с его точки зрения, *больше других девальвировала*, изменив «начальную идейную сущность». В. Тихонович в статье «Малый или Художественный?», рассматривая эти два театра, отдавал предпочтения Малому. Малый ставит Островского, а Островский, как давно растолковала демократическая критика в лице Добролюбова, исключительно высмеивает «темное царство» — значит, он ближе к революционным требованиям к искусству и к новому пролетарскому зрителю. Зато Художественный театр «гибнет от «жизненности» своего театрального направления. Нет никакого «классового осуждения» царского режима». Мало того, тот же «Царь Федор Иоаннович» — это вообще коренной спектакль театра. Художественный театр даже «опасен», поскольку играют в нем так, что могут вызвать сочувствие прежней жизни. В. Блюм тут вполне отражает «общее мнение»: «Что жизнь обогнала этот некогда молодой и буйный театральный организм, что он заостенел, что чеховские пьесы, которыми он «пробавляется»,

не соответствуют, как принято говорить, моменту ... — все это достаточно общеизвестно» («Вестник театра», 1919, № 47) [10; с.14].

МХАТ не играет ничего нового вплоть до 1920 года, когда был показан публике «Каин» Байрона — режиссеры К. С. Станиславский и А. Л. Вишневский; перевод — И. Бунина; к работе над спектаклем были приглашены скульптор Н. А. Андреев и композитор, сочиняющий духовную музыку, — П. Г. Чесноков. Премьера состоялась 4 апреля, но спектакль прошел только 8 раз. Спектакль изначально задумывался как *«мистерия в соборе»*. Но потом с этой идеей расстались, однако «в мизансценах держались иконных композиций и действие шло под духовную музыку» [14; с. 223].

Как связать «Каина» с современностью?

Иван Бунин о революции писал в «Окаянных днях»: «Каин России, с радостно-безумным остревением бросивший всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью» [1; 167].

Для Станиславского тоже была важна духовная тема: «Разъясняя смысл мистерии, он прибегает на репетициях к сравнениям, которые волнуют исполнителей. Например: «Ленин испытывает то же, что Каин. Он мечется со своей программой, а Сухаревка его побеждает». Станиславский хотел провести знакомую каждому «параллель» между утверждением большевиков, что они «несут благо мира (работа, добро, красота)», а на самом деле ведут «братоубийственную войну». В результате Каин «не принимает того, что есть», и это становится итогом пьесы» [10; с.15].

Ни публика, ни критика не поняла глубокого ассоциативного ряда режиссера. Постановку подвергли жесткой критике «за опрощение». Каин для революционного, налитого кровью глаза, представлялся бунтующим героем, а его театр подавал как «маленького человека». Тот же В. Блюм (один из главных «боевых» критиков «левого театра») о спектакле пишет так: ««Сплошная ошибка» — и в общем подходе к байроновской мистерии, и в трактовке основного образа... Нам до этого *бытового* Каина нет никакого дела: дыхание байроновской стихии, сила и блеск «не приемлющей мира» мысли XIX века — вот единственное, что является *художественным* существом дела, подлежащим творческой обработке... А Леонидов (актер, играющий Каина. — К. К.) изобразил «простого», какого-то передвиж-

нического Каина... Даже маске Каина [присвоены] передвижнические черты: он напоминает одновременно и Христа Крамского, и Иуду Ге. Правда, технически этот грим великолепен — высокий лоб весь собирается где-то у надбровных дуг в складку напряженной мысли. Но эта мысль — большая человеческая скорбь, делающая поступь героя расслабленной, интонацию — срывающейся... А между тем «мировая скорбь» — родит светлого героя... Жаль только, что театр напал на какой-то сомнительный образец: это библейство неглубоко, условно и порядочно слащаво — во вкусе библейства Гюстава Доре» [10; с.18].

Критик довольно точно уловил эстетические особенности постановки, ее тяготение к библеизму, к христианскому видению проблемы братоубийства, но, увы, применил свои методы анализа — идейные, а не эстетические.

Каин и Люцифер для «левой» критики были фигурами вполне революционными, а отнюдь не «православно-церковными»: «И если мы не можем требовать от артиста байроновского Каина, столь же бессмертного, гордого и непримиримого, как и Люцифер, и являющегося по замыслу поэта лишь первоначальной ступенью люциферианского состояния («и ничтожнее тебя будет в своем падении потомок твой»), — но мы вправе требовать от артиста, идущего от своего жизненного опыта, обобщения и сгущения его до степени символа» [10; с. 22].

Итак: критики-оппоненты категорически не нашли в спектакле МХАТа ни смыслового, ни ценностного «созвучия революции». Критик пеняет, что Станиславский не понял, что перед ним «земля без рая», что не уместен тут никакой византизм и православно-церковная линия. Совершенно не принята была и тема Станиславского, который решал «вековой вопрос», так как не мог откликаться на злобу дня агиткой и плакатом.

Путь для театра и режиссера мог быть только один — через личность, что эстетически и этически совершенно не совпадало с революционной порой. «Все эти часто не передаваемые словами настроения, предчувствия, намеки, ароматы и тени чувств исходят из глубины нашей души, соприкасаются там с нашими большими переживаниями — религиозными ощущениями, общественной совестью, высшим чувством правды и справедливости, пытливым устремлением нашего разума в тайны бытия», — так мыс-

лил и творил Станиславский, и конечно, совсем не совпадал с духом и буквой революционного времени [16; 293].

Никаких тайн бытия нет для тех, кто создавал в ту пору о театре *мнения*: Каин и Люцифер для них одного порядка герои. Революция, призвавшая «встать проклятым заклейменного», безусловно, в лице критика имела своего адепта именно такого понимания ее сил и смыслов. А потому то, что дал артист Леонидов, «было столь же чуждо Байрону, как и вышеуказанному обобщению. Немного от Калибана, немного от ярославского мужичка, мучительно почесывающего у себя в затылке в трудные моменты жизни, немного от нудного и ковыряющего у себя в душе интеллигента 70-х годов, немного от наивного испуга и любопытства мелкого буржуа, пускающегося в далекое и опасное путешествие, — полная мешанина противоположнейших ощущений и восприятий и в результате абсолютнейшее *без-образие*, мучительнейшее метание и срыв. Все сказанное о Леонидове относится в равной мере и к остальным исполнителям. Коренева — Ада, конечно, не дочь Евы, а ее отдаленнейший потомок, дочь какой-нибудь Настасьи Сидоровны из усадьбы «Отрадное»» [10; с. 23]. Категорически не принималось то, что Станиславский внес в байроновскую мятежную пьесу совершенно не мятежный дух ярославского мужичка, да еще и *Настасью Сидоровну из усадьбы «Отрадное»* вспомнил... Станиславский и его театр упорно жили в пространстве русской культуры. Критики-«октябристы» М. Загорский, В. Блюм и Э. Бескин переводили русскую культуру на интернациональные рельсы — мировой революции, мирового пожара, красного интернационализма.

Вскоре МХАТ уезжает на гастроли в Европу и Америку.

А в 1924 году появится подлинный мхатовский спектакль: «Дни Турбиных» М. Булгакова, где все та же русская жизнь будет дана с прежней художественной силой. Умные, тонкие благородные люди, домашнее великодушие, кремевые шторы и радость понимания... «Бывшие». А пока, в связи с «Каином» обратим внимание на следующее: речь идет о драме на библейский сюжет, в центре которого братоубийство Каином Авеля. Станиславский каким-то невероятным фантастическим человеческим и художническим чутьем обозначил главную проблему Октябрь-

ской революции. Революция наложила каинову печать на русский народ, «убивший» царя — помазанника Божия и его семью.

«Театральный Октябрь»

Идеи революционного преобразования жизни очень захватили «левых художников». Свообразный революционный романтизм, «военно-коммунистические иллюзии» сблизил театр и реальность до опасного расстояния — театры понимали себя агитаторами и публицистами. **Подражание новым социальным формам — одна из смысловых основ «левого» театра.**

Кто первым двинулся навстречу революции? Уже 7 ноября (ст. стиля) 1917 года в Смольный на заседание ЦИК с литературно-художественной интеллигенцией пришли Блок, Маяковский, Мейерхольд и Альтман (и ряд других художников), которые прямо заявили — «революцию принимаем», новую власть «приветствуем». Результатом стала статья Блока «Интеллигенция и революция» 1918 года, призывающая «слушать Революцию». С января 1918 года Мейерхольд работает уже в ТЕО (Театральный Отдел) Наркомпроса. В августе он вступил в РКП (б). В это же время при ТЕО открывает Курсы мастерства сценических постановок (Курмасцеп). Именно здесь формируются новые советские кадры режиссеров и теоретиков театра. Здесь же Мейерхольд со студийцами ставит «Зори» Э. Верхарна, о которых говорил еще до революции. А к годовщине революции ставит в Театре музыкальной драмы «Мистерию-буфф» Маяковского. Эту пьесу он успел прочитать труппе Александринского театра, но актеры, «крестясь и тихо ужасаясь» предпочли откровенному богоборчеству «мистерии-буфф» «Петра Хлебника» Л. Толстого (тоже ставит Мейерхольд в 1918 г.) с «хождениями по мукам» главного героя. В сущности, пьеса Маяковского была «антимистерией» по отношению к мхатовскому «Каину». «Мистерия» — жанр высокий, вышедший из религиозного культа, а «буфф» — жанр низкий. Они поменялись местами: режиссер и автор пьесы явно сочувствовали «нечистым» и сатирически высмеивали «чистых». Кроме того, «нечистые» на спектакли рвали в клочья афиши старых театров. «Мистерия-буфф» была эстетическим и политическим манифестом «левого» театра, «левого фронта искусств» (ЛЕФа). «Принципы рево-

люции» (демократизация, деление мира на «два класса», атеизм, агрессия) воплощались и в эстетике: масса *нечистых* была одета в *серую униформу* (так воплощался принцип коллективизма, «монолитности массы»; примерно те же функции выполнял «хор мистерии»). *Хоровые читки* сопровождали весь спектакль и, в сущности, мало отличались от «коллективного героя» пролеткультовских студий и их «хорового творчества». Мейерхольд стремился воздействовать «на революционный разум» публики. Антихристианская (агрессивно-атеистическая) направленность мистерии была несомненна: сам Маяковский, играющий просто «человека» произносил такую «нагорную проповедь»:

*Ко мне —
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди, непростивший!
Ты первый вхож
в царствие мое небесное...*

Такая поэтизация насилия и классовой борьбы «напоминала о том, как эпатировал поэт до Октября российского обывателя» [6; с. 75].

Мейерхольдовский Театр РСФСР-1; театр С. Радлова «Народная комедия», Московский Теревсат (Театр революционной сатиры), студии Пролеткульта занимались созданием как «всеобщего искусства», так, одновременно, и «чисто пролетарского». «Творческие подразделения «театрального Октября» шли в передовых дозорах культурной революции» [6; с. 391].

Театральная публицистика была выдвинута в актуальное сценическое направление.

Спектакль-митинг — вот эстетический революционный идеал той поры. Огромное значение для концепции революционного «левого искусства» имел «новый зритель». «Новый зритель» — это был эстетический фетиш революционного театра. Опираясь на него, режиссеры и театры защищали свою претензию на тождество «левого искусства» с социально-политической программой октябрьской «революции масс». Принцип «массового общения» зрителя с искусством, увлеченность театров исторической активностью «коллективного зрителя» из рабочих, крестьян, красноармейцев продолжалась в художественной практике театров установкой на общее, внеличное — спектакли не подразу-

мевали индивидуального впечатления частного человека. Театральный спектакль, повторим, ориентировался на митинг, на уличные формы жизни. Но стоит сразу сказать, что революционный спектакль «Мистерия-буфф» (а позже «Зори» в Театре РСФСР-1) были приняты этим самым «новым зрителем» довольно холодно. Зритель не понял (и часто — не принял) мейерхольдовских спектаклей: «Остроумные сатирические места текста, вроде «Кому бублик, кому дырка от бублика» — вот вам и демократическая республика», — говорил В. Н. Соловьев, — над которыми мы много смеялись во время репетиций, были встречены гробовым молчанием» [15; с. 15]. «Хулиганский коммунизм» Маяковского-Мейерхольда публику не вдохновил.

В 1920 году Мейерхольд начинает репетиции (вместе с В. М. Бебутовым) «Зорь» Эмиля Верхарна. Репетируют с труппой Вольного театра. В это же время декларирует программу Театрального Октября. Теперь реформатору Мейерхольду пролетарский самодеятельный театр ближе, чем профессиональный: он мечтает о «театре Международного Пролеткульта». Мейерхольд запросто подчиняет театр новой коммунистической партийности и видит его «театром политической мысли». Он придумывает Вольному театру новое название — театр РСФСР-1, и высказывает уверенность, что театр станет серийным, т. е. возникнет РСФСР-2, 5, и т. д. Театр получает порядковый номер, подражая частям регулярной армии.

В этот период издание ТЕО — «Вестник театра» — стал пропагандировать исключительно программу «Театрального Октября» (главный редактор — В. Блюм). Необходимость господства этой программы в театре у них не вызвала ни малейших сомнений. Началось наступление «против феодальной, крепостнической и буржуазной идеологий в театре, носительницей которых, с такой точки зрения, оказывалась ассоциация государственных академических театров». Передовая статья «Вестника театра» от 27 января 1921 г так прямо и называлась: «**Гражданская война в театре**». В ней насаждались следующие «правильные мысли»: «Как и следовало ожидать, театральный Октябрь, подобно своему великому отцу — Октябрю семнадцатого года, оказался чреват *гражданской войной*...

И буржуазный театр — истинная театральная контрреволюция — приступает к организации

своих сил, вербует армию, развивает наступление и собирается вести позиционную войну...

Мы имеем резко обозначенный *театральный фронт*...

Гражданская война в театре бушует вовсю».

И уже в следующем номере в передовой статье «**Лозунги Октября искусств**» (от 8 февраля 1921 г.) утверждалось:

«*Октябрь искусств* — преодоление *гипноза мнимых традиций*, прикрывающих собой неприятие новых форм, вредную косность, а зачатую вражду к принципам коммунистического строительства.

Октябрь искусств — борьба с шаблонной узкопросветительной тенденцией, которая насильственно втягивает пролетариат в плен феодальной, крепостнической и буржуазной идеологий.

Октябрь искусств устанавливает подлинно марксистский подход к искусству в области его производственных отношений.

Октябрь искусств — это искание форм для вулканирующего содержания современности.

*Да здравствует Великий Октябрь искусств!*¹

Программу «Театрального октября искусств», Мейерхольд реализовывал в своих спектаклях. В Театре РСФСР-1 были показаны «Зори» Э. Верхарна и вторая редакция «Мистерии-буфф». Пьеса Верхарна (1898 г.) была запрещена цензурой вплоть до февральской революции. Содержание ее заключалось в том, что война перерастает в народное восстание, а герои пьесы — революционеры, освобождают свой Великий город Оппидомань, и приступают к строительству царства социализма. Эту утопию полагали «первой социалистической пьесой». Как Театр РСФСР-1 виделся Мейерхольду типовым революционным театром, так и «Зори» представлялись ему типовым революционным спектаклем «театрального Октября»; Мейерхольд «предлагал опытный образец революционного зрелища, претендующий на универсальное назначение» [6; с.102]. На спектакль иногда приводили красноармейские части и «другие отряды организованного зрителя» «со своими знаменами и оркестрами» [6; с. 6]. «Торжественно и грозно

1 Здесь и далее программа и лозунги «Театрального Октября» цитируются по книге: Золотницкий Д. И. Зори театрального Октября. Л.: Искусство. 1976. 391 с. URL.: <http://teatr-lib.ru/Library/Zolotnitsky/Zori/> (дата обращения: 08.08.2016).

раздаются звуки похоронного марша, — демонстрировал «власть пера» Э. М. Бескин. — Я видел, как зрители-красноармейцы инстинктивно снимают шапки. В театре ощущается биение общего пульса, общий ритм. А когда над гробом убитого руки рабочих ударами молота сокрушают колонну власти старого мира, весь зал и актеры сливаются под звуки «Интернационала» в клятве построить новый мир» [2; с. 62]. Увы, анкеты красноармейцев говорили чаще о другом. О митинге как главном впечатлении о спектакле, говорится во всех анкетах: «Слишком видна агитация — даже для малолетних. Получается не спектакль, а одна агитация, которую приходится довольно часто слышать, а хотелось бы развлечь себя, отдохнуть душевно от утомительной работы»»; «мне понравилось как коммунисту, что театр может служить агитационным пунктом. Но если мы будем искать в театре искусство, то, к сожалению, искусство здесь отсутствует. Мы видим здесь, как красивое топчут ногами. Пора опомниться» [12]. В общем, зритель хотел «красоты» и «переживания» актера; зритель хотел «правдоподобия», — всего того, что Мейерхольд с соратниками относили к буржуазным театральным формам и старой эстетике. «Спектакль не понравился — чересчур балаган», — припечатал другой зритель [12].

Театр РСФСР-1 был ликвидирован в сентябре 1921 г.

В 1926 году вышла книга «Театральный Октябрь», в которой подводились некоторые итоги театральной жизни первых послереволюционных лет. Несмотря ни на что «Левый фронт» не намерен был сдавать позиции, и по-прежнему объявлял: ««основной задачей настоящего является переоценка всех театральных ценностей на основе завоеваний Октября. А при таковой переоценке нельзя довольствоваться изучением игры Щепкина или Мочалова и замыкаться в узком кругозоре индивидуалистического театра XIX века. Ибо современный театр берет на себя отражение и художественное оформление сложнейших вопросов, связанных с классово-борьбой и далеко выходит из границ мировоззрения мещанства, купечества и интеллигенции дореволюционной России. «Театральный Октябрь» несет с собой расширение социально-политической активности театра и укрепляет связь сценического искусства со всеми заданиями советской общественности» [17; с. 4].

В первые послеоктябрьские годы, по существу, шла гуманитарная и политическая борьба со смыслами и традиционными концептами русской культуры ради «оптимистического искусства» мирового коммунистического интернационала.

Список литературы

1. Бунин И. А. Окаянные дни. Л.: Издательство «А3Ъ». 1991 URL.:http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/06/%D0%BE%D0%BA%D0%B0_1.pdf (дата обращения: 14.02.2017)
2. Бескин Э. М [К. Фамарин]. Драма в Москве. — «Вестник работников искусств», 1920, № 2–3 // В кн.: Мейерхольд в русской театральной критике: 1920–1938/Сост. и коммент. Т. В. Ланиной. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. URL.: http://www.teatr-lib.ru/Library/Mejerhold_v_kritike/Mejerhold_v_kritike_1920_1938/ (дата обращения: 11.09.2016).
3. Вестник Театра. (1919–1921), Журнал, официальный орган ТОО Наркомпроса. 1919, № 38. С. 6; 1920. № 54. С. 60–61; № 61. С. 26.
4. В спорах о театре: Сборник статей. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 199 с. URL: <http://padaread.com/?book=67644&pg=2> (дата обращения: 01.02.2017)
5. З [агорский] М. Памяти О. О. Садовской (На гражданской панихиде по О. О. Садовской в Малом театре). — «Вестник театра», 1920, № 49, 21–25 января. С.12–13.
6. Золотницкий Д. И. Зори театрального Октября. Л.: Искусство, 1976. 391 с. URL:<http://teatr-lib.ru/Library/Zolotnitsky/Zori/> (дата обращения: 12.07.2016)
7. История советского театра: Очерки развития/Гл. ред. В. Е. Рафалович, ред. изд-ва Е. М. Кузнецов. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. Т. 1. Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917–1921. 403 с.
8. Кречетова Р. П. Станиславский. М., Молодая Гвардия, 2013. — 481 с.
9. Луначарский А. В.. Собрание сочинений в 8-ми т.. — М.: Художественная литература, 1964. Т. 3. Дореволюционный театр. Советский театр: Статьи, доклады, речи, рецензии (1904–1933)/Ред. Г. И. Владыкин и У. А. Гуральник, подгот. текстов и коммент. А. И. Дейч, Н. П. Ждановский, В. Н. Ланина, Ф. Н. Пицкель. — М., 1964.

URL.: http://www.teatr-lib.ru/Library/Lunacharsky/T_3/ (дата обращения: 20.09.2016)

10. Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1919–1943. Ч. 1: 1919–1930/Сост., О. А. Радищева, Е. А. Шингарева, общ. ред., вступ. к сезонам и прим. О. А. Радищевой. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2009. 440 с.
11. О театре. Тверь, 1922. 151 с. URL.: http://teatr-lib.ru/Library/O_teatre_1922/O_teatre/#_Тoc195098129 (дата обращения: 03.08.2016)
12. Опросные листы. Анкеты зрителей с отзывами по постановке драмы Э. Верхарна «Зори». ЦГАЛИ. Ф.963, оп. 1. Ед.хр. 9/1.
13. Прозоровский. Л. Из прошлых лет. М., Всероссийское театральное общество. 1958. 200 с.
14. Соловьёва И. Н. Художественный театр: жизнь и приключения идеи./Ред. А. М.Смелянский. М.: Московский Художественный театр, 2007. 671 с.

15. Соловьев В. Н.. «Мистерия-буфф». — «Стройка», 1931, № 11, 16 апреля. Цит. по кн.: Февральский А. В. Первая советская пьеса: «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1971. 272 с.

16. Станиславский К. С. Собрание сочинений в 9-ти т. М., «Искусство», 1988–1999. Т. 1, М., 1954./Редактор тома Н. Д. Волков. Подготовка текста и примечания Н. Д. Волкова и В. Р. Канатчиковой. URL.: http://az.lib.ru/s/stanislavskij_k_s/text_0010.shtml (дата обращения: 07.09.2016)

17. Театральный октябрь: Сборник 1. Л.-М., 1926. URL.: http://teatr-lib.ru/Library/Teatralnij_oktiabr/Teatralnij_oktiabr/ (дата обращения: 21.10.2016)

18. Февральский. А. Театральный Октябрь и «Зори». — «Советский театр», 1931, № 1. С. 6–7.

«THEATRICAL OCTOBER»: CONCEPTUAL SPLIT OF ARTISTIC INTELLIGENTSIA 1917–1921 yrs.

Koksheneva Kapitalina Antonovna,

PhD in Art Criticism, DSc in Philological Sciences,
the head of Russian Cultural Heritage Centre
Institute for Cultural and Natural Heritage. D. S. Likhachev
St. Kosmonavtov, h. 2, Moscow, Russia. 129366,
omega125@yandex.ru

Abstract

Revolutions 1917 led to stratification of artistic intelligentsia, to «revolution in theatre». Its split concerns first of all artistic values and meanings. «Should the art be submitted to politics?» or «Politics should be submitted to the art?» he answer to this question involves pre-revolution»s artistic experience. Different stage directors, such as Stanislavsky, Uzhin, Nemirovich-Danchenko and Meierkhold, gave differrent answers to October revolution»s challenge.

Keywords

Revolution 1917, Russian theatre, proletarian theatre, propaganda performance, «left» theatres, «academic» theatres, theatrical October, Meierkhold, Stanislavsky.

REV
УДК 37.01
ББК 74.03

400 ЛЕТ ИННОВАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОБУЧЕНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕМ

Волохов Михаил Сергеевич,
старший преподаватель,

Московский информационно-технологический университет
Московский архитектурно-строительный институт (МИТУ-МАСИ)
ул. 3-я Кабельная, д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 111024
info@masi.ru

Аннотация

Интенсивные и фундаментальные перемены, происходившие во всех сферах жизни в последние десять лет, изменил структуру человеческой деятельности. В этих условиях образование становится одним из факторов формирования нового качества жизни и основным условием поддержания динамики развития общества. Сегодня, отвечая на вызовы времени, Российское профессиональное образование обращается к наиболее эффективным методам обучения, в числе которых *метод проектов*. Пройдя длительный путь развития, пережив годы кризиса и незаслуженного забвения, такой метод снова становится актуальным в новых социальных условиях.

Ключевые слова

Меняющаяся цивилизация, инновации в художественном образовании, метод проектов, демократия, практико-ориентированное образование.

Сегодня метод проектов — один из общепринятых методов обучения. Обычно он описывается, как система педагогических средств, с помощью которых учащиеся могут, во-первых, развить в себе независимость и ответственность, во-вторых, воспитаться в духе социального и демократического поведения. Методу успешно обеспечивает инновации в художественном образовании, дизайне и конструировании.

Сегодня мы связываем идею обучения проектированием, прежде всего с деятельностью, американского философа и педагога *Джона Дьюи*. Монография его ученика и последователя *Уильяма Х. Килпатрика* («Метод проектов» 1918), в которой метод был детально описан, снискала широкую известность в США (в русском пе-

реводе, «Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л., 1925)¹. Их книги, переведенные на десятки языков, сделали метод чрезвычайно популярным и оказали огромное влияние на процессы становления новой педагогики в XX в.

Однако метод проектов успешно применялся в педагогических системах задолго до его популяризации американскими учеными. Этот факт открывает новые перспективы для периодизации и возможности новых интерпретаций истории распространения метода. Так, история проектного метода в Европе и Америке может быть разделена на пять фаз:

1 Килпатрик У.Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л., 1925.

1. 1590–1765 — начало работ по проектированию и архитектурных школ в Европе.
2. 1765–1880 — проектирование как регулярный метод обучения, его перенос в Америку.
3. 1880–1915 — работа по проектированию, тренировка по учебнику и в общих общественных школах.
4. 1915–1965 — новое определение метода проектирования и его перенос из Америки — назад в Европу.
5. 1965 — до сего дня — вторичное открытие идеи проектирования и третья волна мирового распространения.

Благодаря современным исследованиям мы имеем представление об истоках, изменениях концепции и развитии идей обучения проектированием на протяжении продолжительного исторического отрезка. Ретроспективный анализ истории возникновения и развития метода проектов в зарубежной педагогике дал немецкий педагог М. Кнолл в статье «300 лет учимся на проекте»².

Начало свое метод берет в XVI столетии, в передовой для своего времени практике архитектурной школы под кровом Академии Св. Луки в Риме (Academia di San Luca). Для обучения специалистов, способных принимать сложные, комплексные решения, действовать в неоднозначных ситуациях, была выработана особая форма академических задач, так называемых «*проджетто*», включавшая в себя разные типы теоретической и практической деятельности. Такого рода проектирование окончательно оформилось и получило свое развитие в Париже, где в 1763 году Королевская Академия Архитектуры (Academie Royale d'Architecture) вводит работу над проектами в качестве дополнения к обучению. В скором времени данная концепция обучения стала ведущей в подготовке архитекторов сначала во Франции, а затем и в остальных европейских странах³.

С самого своего появления метод проектов был связан с процессом профессионализации, т. е. прежде всего с практико-ориентированным профессиональным образованием. Появление феномена «*проект*» относится к XVI в. и связано с желанием итальянских архитекторов профессионализировать свою деятельность. В рим-

ской Высшей школе искусств (Academia di San Luca) с 1702 г. к лекциям по основным наукам был присовокуплен важный элемент — «*конкурс*». По своей структуре он полностью соответствовал конкурсу в действительности, однако в связи с тем, что реализация представленных работ не предполагалась, они были названы «*progetti*» т. е. «*эскизы*», «*планы*», «*проекты*».

В основанной в 1671 г. в Париже Королевской архитектурной академии (Academie Royale d'Architecture) расширили возможность учиться на проекте, учредив для лучших студентов конкурс с наградой «*Prix de Rome*» (римская награда) и конкурс для всех студентов с наградой «*Prix d'Emulation*» (поощрительный приз). Из *проекта* Римской и Парижской Академий были унаследованы три признака, не потерявшие своего значения уже более четырехсот лет:

1. Ориентация на учащихся, означающая получение знаний в ходе самостоятельного и ответственного осуществления проекта.
2. Ориентация на действительность, выражающаяся в разработке практической задачи в условиях, близких к реальной жизни.
3. Ориентация на продукт, предусматривающая применение знаний различных областей наук для достижения запланированного результата.

В конце XVIII в. с появлением родственных инженерных профессий этот метод распространился в технических и промышленных высших школах сначала во Франции, затем в Германии, Австрии, Швейцарии и, наконец, в середине XIX столетия в США.

Перенос метода проектов из Европы в Америку, из архитектуры в инженерное дело повлиял на способ его обоснования и применения. Так, профессор машиностроения С. Робинсон требовал создания проектов не только на чертежной доске, но и в мастерских через осуществление всего процесса изготовления изделий. Высказывая мысль о ведущей роли проектной работы в подготовке практических инженеров, а также учитывая ее связь с опытом производительных классов, он первый назвал проектную работу демократической, дающей молодым людям шанс для социального роста⁴.

2 Knoll M. 300 Jahre lernen am Projekt. Zur Revision unseres Geschichtsbildes // Padagogik. Heft 7–8. 1993. (Сайт: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/JITE/v34n3/Knoll.html> (дата обращения: 16.12.17)).

3 Там же.

4 Knoll M. 300 Jahre lernen am Projekt. Zur Revision unseres Geschichtsbildes // Padagogik. Heft 7–8. 1993. (Сайт: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/JITE/v34n3/Knoll.html> (дата обращения: 16.12.17)).

Робинсон и его соратники утверждали, что работа над проектом способствует «воспитанию демократии» — аргумент, который через 50 лет возродил У. Х. Килпатрик. Инженеры демократической Америки рассматривали проект как инструмент «обучения через делание» и как специальный метод «практического решения проблем».

В 90-х гг. XIX в. в американском образовательном сообществе возникает концепция педагогического прагматизма. Идеологом реформаторского движения выступал философ Дж. Дьюи, который предложил строить обучение на активной основе, сообразуясь с личными интересами ученика в приобретении знаний. В книге «Демократия и образование» он доказывал, что ученик прочно усваивает лишь то, что познается через его самостоятельную деятельность и требует определенных познавательных и практических усилий. Ребенок не должен «набиваться, как гусь, знаниями», а должен, как в жизни, «развивать инициативу, творчество, участие». Центральное понятие педагогики Дьюи — опыт, который он определяет как способность человека предвидеть результаты своей деятельности в интеллектуальной, нравственной и социальной сферах.

На основе теории опыта Дж. Дьюи и психологии обучения Э. Торндайка, педагог, философ и коллега Дьюи профессор У. Х. Килпатрик выстраивает свою концепцию проектного обучения. Отмечая, что метод проектов характеризуется со стороны учащегося целевым актом, достижением в процессе учения известной ближайшей цели, он считает, что свободное воспитание формирует самостоятельность, воображение, дееспособность — качества, необходимые для поддержки и развития демократии. Килпатрик утверждает: «Если мы представим себе ряд поступков, помещенных на шкале по степеням их значения, начиная от деятельности, происходящей под влиянием прямого принуждения, и до такой, в которую человек вкладывает всю свою душу, то, согласно результату наблюдений, на высшей ступени шкалы должен стоять термин «проект», т. е. «целевой акт»»⁵.

В России идеи связанные с проектированием как методом деятельного познания, впервые рассматриваются в работах выдающегося русско-

го философа Н. Ф. Федорова⁶. Большое значение в развитии новой школы в России имеют труды и деятельность (начиная с 1905 года) К. Н. Вентцеля⁷. Независимо от Федорова и Вентцеля, идея проектного обучения впервые была реализована на практике С. Т. Шацким и А. У. Зеленко, которые познакомились с идеями Дьюи во время путешествия по Америке в 1903 г. Начав эту длительную работу в 1905 г., они со своими товарищами организовали в 1907 г. Московское общество «Сетлемент» (от англ. settlement — колония, поселение), а позднее — общество «Детский труд и отдых». После революции в России метод проектов нашел благодатную почву. Фактически на него опирается Декларация о единой трудовой школе 1918 г. Широкое распространение он получил с 1925 г. после перевода на русский язык брошюры У. Х. Килпатрика «Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе». Из множества модификаций метода на нашей почве наибольшее распространение получила бригадно-лабораторная система.

Во время своего посещения СССР в 1928 г. Дж. Дьюи подробно изучил опыт советских учебных заведений (тогда же он встречался с С. Т. Шацким). «Совершенно независимо от какой-либо экономической теории — коммунистической или индивидуалистической — результаты работы уже имеют значительную педагогическую ценность и обещают вооружить новым и плодотворным методом педагогического исследования», — пишет он в своих «Впечатлениях о Советской России»⁸.

В тот момент в стране шел широкий поиск, который подразумевал как достижения, так и ошибки. В первой педагогической энциклопедии под ред. А. Г. Калашникова⁹ отмечалось, что, несмотря на критические замечания, организация обучения методом проектов получила положительную оценку не только учителей, применявших его в своей практике, но и учителей, наблюдавших за их работой. Однако постановлением ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в началь-

5 Килпатрик У. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л., 1925. С.43.

6 Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 429

7 Вентцель К. Н. Борьба за свободную школу. М., 1906.

8 Дьюи Д. Впечатления о Советской России. Сайт «Ситуация в России». http://www.situation.ru/app/j_art_502.htm (дата обращения: 16.12.17)).

9 Педагогическая энциклопедия/Под ред. Калашникова А. Г. М., 1927. Т.1.

ной и средней школе» данный метод был запрещен, так как «не давал возможности ученикам овладеть системой знаний в области конкретных учебных курсов». Формально в СССР опыты в этом направлении надолго прекратились. Но и после этого проектные установки применялись А. С. Макаренко, разработавшем основы логики педагогического мышления.

Начиная с 70-х годов XX века, метод переживает возрождение, особенно активизируясь во второй половине 1990-х годов. Понятие «проект» применительно к методологии педагогической деятельности использовал Г. П. Щедровицкий в 1968 г. в работе «Педагогика и логика» (полностью опубликована в 1993 г.). Опыт проектирования разрабатывался в рамках СМД-педагогике последователями и учениками Г. П. Щедровицкого (Ю. В. Громыко, В. И. Слободчиков, Г. Л. Ильин и др.). В разное время применение проектной деятельности в сфере обучения и воспитания исследовали В. П. Беспалько, Н. Г. Алексеев, В. А. Никитин, В. В. Рубцов, В. Е. Радионов, В. В. Гузев, М. В. Кларин, О. С. Круглова, Д. Г. Левитес, Е. С. Полат, И. Д. Чечель, О. С. Газман и др. Движение в этом направлении особенно активизировалось во второй половине 1990-х гг.

В 60–70-е гг. XX в. в образовательной среде Западной Европы и США проектная методика пережила свое второе рождение. Это нашло свое отражение в концепциях деятельностного и практико-ориентированного обучения. Современные педагоги в определении понятия «проектное обучение» ориентируются на три основные характеристики в контексте философских взглядов Дж. Дьюи:

4. Осмысление опыта как планомерное знакомство человека с окружающим миром.
5. Формирование образовательной цели развития человека с опорой на демократию в организации обучения.
6. Понятие образа ученика, ориентированного на самоактуализацию и самоорганизацию личности¹⁰.

Технико-технологический, информационный скачок, происходивший в мире на протяжении всего предыдущего XX столетия и продолжающийся сегодня, привел к существенному по-

вышению качества жизни, вместе с тем во много раз увеличив ее интенсивность и изменив структуру человеческой деятельности. Постоянно появляется множество новых факторов, которые начинают активно влиять на жизнь человека. Эпохой без закономерностей, эпохой разрыва назвал наше время ведущий американский экономист и педагог П. Ф. Друкер¹¹. В современном мире человек оказывается в ситуации перманентной неопределенности, в которой гибкость ума и способность применять на деле систематически приобретаемое и постоянно обновляемое знание становится признаком профессионализма. А основным критерием образованности становится способность «посредством знаний учиться тому, как нужно учиться»¹².

«Материальные успехи цивилизации грозят обогнать наше социальное и моральное умение охватить выдвигаемые ими проблемы. <...> Мы должны, следовательно... изобрести такую относительную систему образования, которая считалась бы с фактом непрерывного роста перемен. Иначе опасность угрожает самой цивилизации», — писал американский педагог У. Х. Килпатрик в первой четверти XX в.¹³ «Мы должны поставить себе целью, воспитать такой тип человека, который склонен и может самостоятельно мыслить и принимать решения, который думает свободно»¹⁴.

Как показывает исторически опыт идея проектирования всегда актуализируется в эпоху перемен. Сегодня проектная деятельность, обнаруживая универсальность и синтетический характер, привлекает соединением в себе технократического и гуманитарного, исследовательского и прогностического, информационно-образовательного и социально-преобразовательного начал, что позволяет говорить о проектной культуре в качестве основы новой образовательной парадигмы XXI века¹⁵.

10 Knoll M. 300 Jahre lernen am Projekt. Zur Revision unseres Geschichtsbildes // *Padagogik*. Heft 7–8. 1993. (Сайт: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/JITE/v34n3/Knoll.html> (дата обращения: 16.12.17)).

11 Друкер П. Ф. Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества (The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society). СПб., 2007. С. 15–20.

12 Там же. С. 231–232.

13 Килпатрик В. Х. Воспитание и условиях меняющейся цивилизации. М., 1930. С. 38.

14 Килпатрик У. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л., 1925. С. 85.

15 Колесникова И. А., Горчакова-Сибирская М. П. Педагогическое проектирование: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2005. С. 3.

Список литературы:

1. Друкер П. Ф.. Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества (The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society). СПб., 2007. С. 15–20, 231–232.
2. Вентцель К. Н. Борьба за свободную школу. М., 1906.
3. Дьюи Д. Впечатления о Советской России. Сайт «Ситуация в России». <http://www.situation.ru>
4. Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000.
5. Килпатрик У. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л., 1925.
6. Килпатрик В. Х. Воспитание и условиях меняющейся цивилизации. М., 1930.
7. Колесникова И. А., Горчакова-Сибирская М. П. Педагогическое проектирование: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2005.
8. Педагогическая энциклопедия/Под ред. Калашникова А. Г. М., 1927. Т.1.
9. Прокопьева Н. И. Проектное обучение в зарубежной педагогике. К вопросу о становлении и развитии. Научно-методический журнал «Сибирский учитель». 2004, №№ 2 (32). С. 38–41. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=29804786> (дата обращения: 16.12.17)).
10. Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982.
11. Шацкий С. Т. Работа для будущего. М., 1989.
12. Bastian J. Freie Arbeit und Projektunterricht/Eine didaktische «Wie-derveeinigung» // Padagogik. Heft 10. 1993.
13. Frey K. (1998): Die Projektmethode. Der Weg zum bildenden Tun. Unter Mitarbeit von Ulrich Schäfer, Michael Knoll, Angela Frey-Eiling, Ulrich Heimlich, Klaus Mie. 8., überarbeitete Auflage. Weinheim und Basel.
14. Knoll M. 300 Jahre lernen am Projekt. Zur Revision unseres Geschichtsbildes // Padagogik. Heft 7–8. 1993. (Сайт: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/JITE/v34n3/Knoll.html> (дата обращения: 16.12.17)).
15. Wilhelm H. Peterßen. Projektlernen im AWT-Unterricht. https://www.sowi-online.de/praxis/methode/projektlernen_awt_unterricht.html (дата обращения: 16.12.17)).

400 YEARS OF INNOVATION IN ARTISTIC EDUCATION: LEARNING IN PROJECTING PROCESS

Volokhov Michael,

Senior Lecturer, Moscow Information Technology University
Moscow Architectural and Construction Institute (MITU-MASI)

St. 3-ya Cable, 1, p. 1, Moscow, Russia, 111024

info@masi.ru

Abstract

The intense and fundamental changes that have taken place in all spheres of life in the last ten years have changed the structure of human activity. In these conditions, education becomes one of the factors shaping a new quality of life and the main condition for maintaining the dynamics of the development of society. Today in the Russian vocational education the most effective teaching methods are considered, including the method of projects. Having gone through a long way of development, having survived the years of crisis and undeserved oblivion, the project method again becomes relevant in the new social conditions.

Keywords

Changing civilization, innovation in art education, project method, democracy, practice-oriented education.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR
УБК 82
ББК 3.83

ИВАН ЛУКАШ: ПОСТНЕОКЛАССИК XXI ВЕКА

Сосницкая Маргарита Станиславовна,

Соискатель,

ИМЛИ им. А. М. Горького РАН,

преподаватель русского языка,

Миланский Государственный университет (Италия),

vedarita@mail.ru

Аннотация

Писатель исторического жанра И. С. Лукаш (1892–1940) воевал в Белой армии, эмигрировал в Константинополь, скитался по миру, пока не осел в Париже. Был соавтором В. В. Набокова, послужил прообразом литератора С. Бубнова в его романе «Подвиг». Приведены новейшие данные об историческом герое рассказа Лукаша купце Жербине и оценка идеологической подоплеку петровских преобразований. И. С. Лукаш является последним русским классиком, т. к., несмотря на долгое забвение, прошел проверку временем и получил признание таких литкорифеев, как И. С. Шмелев, А. И. Куприн, В. Ходасевич, Б. К. Зайцев, А. Н. Толстой, Г. Струве и др.

Ключевые слова

Постнеоклассик, перманентно-фоновый герой, исторические причины экономических процессов.

На сегодня Лукаш Иван Созонтович — последний русский классик потому, что он прошел проверку временем и получил признание собратями по перу, вошедшими в Золотой фонд национальной культуры. Нельзя сказать, что сегодня он забыт, он просто широко не признан на родине. «А в двадцатые и тридцатые годы большинство

читателей одной из самых популярных русских парижских газет «Возрождение» первым делом, едва открыв свежий номер, искали это имя. Его исторические очерки, романы из жизни России XVIII–XIX вв., печатавшиеся из номера в номер, были просто нарасхват. Лукаш, в отличие от многих своих непрерывно публиковавшихся коллег,

всегда сохранял очень высокий уровень прозы. Прибавьте к этому блестящее знание истории — и секрет успеха будет очевиден¹. Это секрет успеха не только 20–30-ых гг., но и на все времена.

И. С. Лукаш родился 30 марта 1892 г. в Петербурге в семье отставного ефрейтора Финляндского полка, служившего в Императорской Академии художеств. В молодости писал декадентские стихи, а началась гражданская война, пошел журналистом в ряды Добровольческой армии. Его репортажи появлялись в газетах «Голос Таврии» и «Юг России». Таврия — это значит Крым, а Крым — это значит поражение Белой армии и отплытие к берегу турецкому. Далее до конца жизни эмиграция с ее общеизвестными этапами от Константинополя до Парижа, на протяжении которой он не прекращал заниматься литературной деятельностью. Прервала ее только кончина, последовавшая 15 мая 1940 г. на юге Франции в Медоне.

И хотя выход двухтомника И. С. Лукаша в издательстве «Интелвак» произошел всего годом позже издания трехтомника Г. Г. Газданова издательством «Согласие», 1999 г., обоих в Москве, «дела» Газданова пошли намного более успешно, чем Лукаша. Газданов получил широкое признание, о нем стали писать диссертации, статьи, посвящать ему конференции. Газданова иногда называют вторым Набоковым, а Набоков, между тем, поддерживал дружеские отношения с Иваном Лукашем, писал с ним в соавторстве балетные либретто и скетчи для берлинского кабаре «Синяя птица», в других источниках называемого Русским кабаре². В Кенингсберге в 1925 году шел балет «Лунный кавалер» (композитор А. Эйхман) по совместному либретто Набокова и Лукаша; в том же составе было написано либретто пантомимы «Агасфер» на музыку М. Якобсона. Кроме того, Лукаш также послужил прообразом литератора Сергея Бубнова в романе «Подвиг». Литературовед Людмила Спроге в статье «Пушкинский миф Лукаша» называет Бубнова «периферийным персонажем»³, тем как бы умаляя качество героя. Ее внимание обращено на его значимость, на количество его присутствия в романе. И с этой точки зрения, его можно назвать периферийным.

1 Леонидов В. «Новая Юность», 1999. № 5.

2 Русские писатели 20 века. Биографический словарь, изд. «БРЭ», «Рандеву-АМ», М, 2000, ст. Петровой Т. Г., с.425.

3 Спроге Людмила, ст. «Пушкинский миф Ивана Лукаша», Пушкинские чтения в Тарту 2, 2000, с.331–333.

Но с точки зрения качества, а не количества, он является отнюдь не периферийным, а перманентно-фоновым героем, наполняющим назревающий и происходящий в романе подвиг высоким звучанием и смыслом. Он прибавляет внутренней мотивации поступку главного героя Мартына. Бубнов привносит в атмосферу, в сам воздух романа ион жертвенной, слепой, безрассудной, одержимой, почти инстинктивной любви к России. Разве такой человек может быть периферийным? Лейтмотив его проходит, как закадровая партия скрипки, чье звучание время от времени выходит на первый план. Литератор Бубнов — это представитель круга, а, может, и среды «деятельных, почтенных, бескорыстно любящих родину русских людей»⁴.

Но он не просто деятельный и почтенный человек, а еще творческий («Бубнов за три года выпустил три прекрасных книги, писал четвертую...»⁵, потому что истинная любовь отмеченного даром человека созидательна. И личность прототипа перехлестывает узкие рамки пространства, уделенного ему в романе. Это пространство рвется на нем, как мальчишеская сорочка на взрослом крепком атлете.

Публикации о Лукаше в постсоветской России промелькнули где-то в литературном тылу, издательство «Интелвак» отошло на второй план капиталистического свободного рынка, хотя и присутствовало на ежегодной Книжной ярмарке 2008 г. в Москве, и имя Лукаша стало достоянием литературоведов и литературологов. «Возвращение» Лукаша книгами, выражаясь языком современной информатики, «зависло» на неопределенное время. А Газданов на литературном Олимпе прочно и заслуженно занял позиции неоклассика. И по содержанию книг, отголоску своего времени, и по моменту возвращения их в Россию он, Газданов, вполне справедливо назван неоклассиком.

Не такова муза И. С. Лукаша, писателя преимущественно исторического, хоть и с поэтическими корнями. Он «не тянет» на неоклассика ни хронологически, ни фактически. Категория неоклассиков сформировалась в XX-ом веке, а Лукаш становится постнеоклассиком XXI-ого века. При том, что по сути своей, стилю и фор-

4 Набоков В. В. «Подвиг» *Ardia Ann Arbor McGRAW-HILL New York-Toronto*, 1956, с.165.

5 Там же, с.162.

ме принадлежит к прописным, традиционным русским классикам XIX-ого века. И возвращение классика требует сама жизнь. Но когда оно произойдет окончательно и утвердится, Лукаша будут называть постнеоклассиком в силу запоздалости этого возвращения, в силу того, что оно произошло после Газданова, и в силу особых качеств его творчества, которое иногда имеет точки пересечения с газдановским, как в книге «Голое поле», написанной по теме Галлиполи раньше Газданова, а потом уходит своими неисповедимыми лукашевскими путями.

Трилогия «Сны Петра» — это сны Петра Первого, приснившиеся Ивану Лукашу. Это сны царя, приснившиеся писателю. Следовательно, сны Петра — это сны Ивана Лукаша.

«Сны» населены призраками прошлого. Это призраки либо бывшие на памяти писателя, как в «снах» — воспоминаниях («Метель»), либо находящиеся за пределами его личной памяти, принадлежащие памяти коллективной. Облако сомнамбулизма окутывает все «Сны», что входит в замысел автора. Клубящееся облако вокруг картин сюжета — это как некий театро-сценический прием воздействия на восприятие читателя. Но в некоторых вещах состояние сомнамбулизма особенно сильно. Там сны возводятся в квадрат, там сон снится герою «сна».

В «Тимпанах» государь Николай Павлович пребывает в некоей временной прострации. «Разве ночь? Мои часы били семь»⁶, — спрашивает он. И в этой прострации ему «суждено было испытать странное происшествие...»⁷. Ему почудилось, что исчезла гвардия, «вымерла столица, опустела вся империя...»⁸.

Но и то, что видится мальчику, которому рассказывают о государе и часах на камине, тоже сон во «Сне»: «Ему кажется, что все летит на громадных медных крыльях: багровые стены домов вокруг площади, гранитная Александрова колонна с ангелом на вершине, молодые лица солдат в синих бескозырках, извозчики, прохожие, фонари, небо, светлый снег, летит на медных крыльях Петербург, Россия, и он летит с Россией в своей шинельке, ставшей крылом»⁹.

Сновидец этой фантазмагии наяву — мальчик «с полным и светлым лицом, в гимназической шинели»¹⁰, бежит именно по Морской улице, где и по сей день стоит особняк родителей Набокова — летучий голландец его воспоминаний, — в котором будущий русско-американский классик провел детство, а сегодня в нем находится его музей. Упоминание Морской улицы прозрачной нитью вышивает присутствие Набокова в «Снах» Лукаша: ведь отрок Владимир легко мог видеть в окно этого бегущего мальчика в гимназической шинели. Или подойти в этот момент к окну и одернуть штору.

И не дефицит композиционного огня, о котором говорил Набоков, чувствуется в «Снах», а некая призрачность, недоволощенность в материальном мире; собственно то, что сказал сам Лукаш о России в предисловии к своей трилогии: *невоплощенный сон, полуявь-полувидение, смена снов* — можно сказать и о его творчестве вообще, и о «Снах Петра» в особенности. Ничьи более произведения не вызывают такого ощущения призрачности, некоего полупризрачного видения-силуэта, начерченного на воздухе. Разве что некоторые страницы «Призрака Александра Вольфа», когда герою видится белый всадник, скачущий по степи. Но и роман Газданова называется «Призраком...». У Лукаша «Сны», т. е. сновидения. Это становится неким общим диагнозом эмиграции, точнее, эмигрантов, претерпевших такое страшное потрясение как потеря родины — своей естественной среды обитания. Потрясение, приведшее к хроническому расстройству психики равному контузии: родина видится им всегда, видения наступают в любой момент независимо от места и времени. Наплывы этих видений, как припадки эпилепсии, неизлечимой падучей, являющейся притом средой созидания произведений искусства. Именно эта болезнь служила одним из стимулов творчества Ф. М. Достоевского.

Впрочем, ощущение жизни как сна существовало всегда. Вся явь есть майя, согласно индийской философии. И будто именно о «Снах» Лукаша говорила последовательница Е. П. Блаватской известный теософ Ани Безант, много лет прожившая в Индии: «История предстает перед нами как благородная панорама народов и событий, а между тем в действительности происходит только некая пляска теней народов, королей, го-

6 Лукаш И. С, Сочинения в 2 томах, изд. НПК «Интелвак», Москва, 2000, т.1 «Пожар Москвы», С. 489.

7 Там же. С. 490.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

сударственных деятелей, министров, армий. Все события — битвы и революции, возникновение и падение держав — это прежде всего фантазмагория. И когда историк пытается более глубоко разобраться в причинах экономических процессов, социального устройства, вникая в тенденции направлений мысли, даже он имеет дело с фантазмами, иллюзорными тенями, отбрасываемыми невидимым миром»¹¹.

И снова анализ произведений Лукаша смыкается с характеристикой творчества Достоевского. Он — как некая константа мира И. С. Лукаша; он и еще Пушкин, Толстой, Петр Первый. Ведь все, что делается во «Снах» произошло по воле последнего, или как следствие его начинаний. В том числе, строительство Исаакиевского собора во «сне» «Колоннада».

Здесь Лукаш пишет: «Жербин, Суханов — тайна речей их для потомков померкла, да и таких имен: Жербин, Суханов — не знает никто»¹².

Эти строки свидетельствуют не только о том, что он не обладал полной информацией о предмете своего писательского внимания, но и о том, что на тот момент эта информация находилась под спудом не столько забвения, сколько конспирации, как трава под снегом, чтобы не пропасть, выжить, и с теплотой расправиться во весь рост.

В Москве в 2007 г. в издательстве «Икар» вышла книга Жербина Кирилла Саввича «Воспоминания инженера». Кирилл Саввич, ныне покойный, прямой потомок «коммерции советника», купца Жербина. Эта книга свидетельствует о том, что Жербин Иван Федорович, о котором идет в речь в новелле И. С. Лукаша, был далеко не темной, безвестной личностью. Купец 1-й гильдии Иван Фёдорович Жербин (1778-1840). В 1816 г. он пожалован почетным званием Коммерции Советника. В 1823 г. получил орден Св. Анны 2-й степени, что фактически означало получение личного дворянства. Портрет детей Жербиных Ольги и Фёдора, 1851 г., работы знаменитого художника П. А. Федотова по сей день находится в собрании Русского музея в Санкт-Петербурге. На портрете дети рассматривают бабочек — это ещё одна невидимая нить, связывающая И. С. Лукаша и В. В. Набокова, энтомолога. А Ивана Федоровича в 1837 г. пожаловали дипломом и гербом,

П. А. Федотов «Портрет детей Жербина»

то есть потомственным дворянством, его сын от второго брака (Фёдор с портрета) был внесён в 1-ю часть дворянской родословной книги. Иван Фёдорович Жербин по выбору купеческого собрания состоял Санкт-Петербургским Городским Головою три срока (!) подряд (1821–1830 гг.) Предположительно в 1820 г. он взял подряд на доставку колонн Исаакиевского собора, выиграв при этом тендер у иностранцев. Но, по словам будущего декабриста Николая Бестужева, (см. его очерк «Колонны Исаакиевского собора», упомянутый Лукашем во «сне» «Колоннада») «коммерции советник Жербин, приняв на себя доставку колонн с великою уступкою против назначенных цен, без всяких уточнений механики, следуя здравому смыслу и верному опыту, построил на свой счет три судна, из коих каждое поднимает по две колонны вдруг, помещающиеся на палубе по обе стороны» (суда иностранцев возили по одной колонне) «Оные суда, оправдывая опытные соображения г. Жербина, доставляют нам в целости сии исполинские колонны, каких мы видим пример в одной только Помпеевой колонне»¹³. Помпеева колонна — монолит из красного гранита высотой девятнадцать метров. Поставлен префектом Помпеем близ города Александрии в честь римского императора Диоклетиана (284-305 гг.).

11 Besant Annie, «Yoga», Anima Edizioni, Milano, 2007, с. 9.

12 Лукаш И. С. Т. 1, с. 478.

13 Бестужев Н., «Сын Отечества», октябрь 1820 г.

Сын Ивана Фёдоровича Жербина — Фёдор Иванович Жербин (1836–1903 гг; генерал-лейтенант с портрета), будучи избран в Государственную Думу, заседал в во многих комиссиях, особенно в Хозяйственно-Строительной комиссии, которую возглавлял четыре года, обеспечив возведение новой Адмиралтейской набережной и сада, за что в 1874 году был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1891 г. он возглавил подготовительную комиссию по сооружению Троицкого моста на Неве, что и было зафиксировано на одной из мемориальных досок, установленных у моста на левом берегу, со стороны Марсова Поля:

«Троицкий мост заложен 12 Августа 1897 г. въ память 25-летия бракосочетания государя императора Александра III и государыни императрицы Марии Федоровны в третье лето благополучного царствования государя императора Николая II в присутствии их императорских величеств. Президента французской республики Феликса Фора, членов императорской семьи. Представителей иностранных государств. Представителей Правительственных Учреждений и Городского Общественного Управления в бытность Министром Внутренних Дел И. А. Горемыкина. Градоначальником Н. В. Клейгельса. Городским Головою В. А. Ратькова-Рожнова. Председателями подготовительных комиссий П. П. Дурново и Ф. И. Жербина» — это текст медной таблички с Троицкого моста.

Автору воспоминаний, потомку поставщика «ста тридцати двух колонн собора Казанского и пятидесяти шести колонн Исаакия, и гранитного столпа Александрова в пятьдесят три тысячи пудов тяжестью»¹⁴, неизвестен тот факт, которому Лукаш вскользь уделяет пристальное внимание: «Неторопливо перебирает советник какие-то листки, метит свинцовым карандашом знаки и цифири, расчет мастерства своего, на бледном пальце его играет *масонская камейка*...»¹⁵ (курсив мой). Т.е. Коммерции Советник И. Ф. Жербин был членом масонской ложи. И строительство Исаакиевского собора было не простое строительство собора, а «Храма премудрости Соломоновой созидание»¹⁶. И в конце «сна» о колоннаде звучит короткий масонский реквием: «В каваль-

кадах метели не мелькает ли грузный советник Жербин в черной крошечной треуголке с серебряным галуном и декабрист Бестужев, одергивающий пеньковую веревку на шее, натруженной виселицей, многие вольные каменщики, мастера, воины, сыны Отечества, храма Премудрости Соломоновой России созидатели, а впереди всех горбун Суханов с железным аршином?»¹⁷

Упоминание Лукаша о «предании, что сам Петр Первый был посвящен в вольные каменщики, «франкмасоны», еще в 1697 году в Амстердаме, в английской ложе»¹⁸ имеет огромный исторический контекст, изложенный И. Л. Солоневичем в пятой части его книги «Народная монархия» «Петр Первый». «Если и неверно предание, — пишет И. С. Лукаш, — то нетрудно заметить, что вскоре вся молодая империя Петра стала как бы одной громадной «франкмасонской ложей»¹⁹. Эти строки дополняют пятую часть книги Солоневича и проливают свет на идеологическую подоплеку петровских преобразований. «Эмпирическая зависимость является результатом индуктивного обобщения опыта и представляет собой вероятностно-истинное знание»²⁰. И, следуя этому методу в применении к историческому процессу, мы получаем эмпирическое подтверждение предания, приведенного И. С. Лукашем. Да и он сам в следующем абзаце дает эмпирическое подтверждение «неверного предания»: «Ее фельдмаршалы, назовем хотя бы имя Репнина, Чернышева, наконец, Суворова, ее министры, все ее верхи, знать вместе с париками и кафтанами переняли из Европы и «франкмасонство». И в 1987 году в России действовало уже 115 лож вольных каменщиков»²¹. Переняли и палочку с наконечником в форме руки для чесания спины при укусах вшей.

Иван Лукаш и Иван Солоневич иногда говорят одними словами. «Но, может, это было только варварским подражанием Европе?»²² Лукаш о распространении франкмасонства. «Поехал человек в Европу с целью закупки импорта в Рос-

14 Лукаш И. С. Т.1. С. 478.

15 Там же С. 480.

16 Там же.

17 Там же. С. 485.

18 Там же. С. 438.

19 Там же.

20 Степин В. С., «Философия науки», изд. «Гардарика», М, 2008, с. 161.

21 Лукаш И. С. С. 438.

22 Там же.

сию всяческой цивилизации и благовоспитанности, а привез такие вещи, за какие двести лет спустя даже и большевики своих воинствующих безбожников по головке не гладили?/.../И тут же делается ссылка на варварское состояние Москвы: «что вы хотите, — варварская страна, варварские развлечения...»²³ Так кто же более варвар?

О трансвременном и транспространственном диалоге Солоневича и Лукаша можно сказать то же самое, что говорит последний о двух русских собеседниках в своем рассказе «Чудо»: «Два голоса, может быть, они мне слышались?/.../Те два голоса, русские, ушли на самую грозу»²⁴.

Эффектная мысль М. И Цветаевой о том, что Пушкин — «последний посмертный — бесмертный подарок России — Петра»²⁵, исторически не оправдана, а оправдана лишь эффектно-стью метафорической стилистики поэтического сочинения. Петр «подорвал и монархию./.../Он подорвал Церковь. Он подорвал престолонаследие. И после чего историки говорят о «частных ошибках». Эти «частные ошибки» мы с вами и расхлебываем до сих пор — третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деятельности Петра»²⁶. Так что заблуждение эксцентричной поэтессы — это милый лепет по сравнению с ошибочными оценками прочих «подарков России Петра». Остается только уповать, если это не становится все более утопично, что они не «бессмертны», как утверждала она, подразумевая Пушкина. Предвестие этого «подарка» присутствует во «сне» Лукаша «Петр в Версале». Там арапчонок Агибук верно служит царю, например, «держит под мышкой камышовую трость Петра с обтертым набалдашником слоновой кости»²⁷ и даже высказывает державнополезные мысли: «Статуй, осударь, точно знатный. Меди одной, почитай, пудов до ста пошло. Когда бы истукана сего в наши московские пятаки перелить...»²⁸.

А негативную оценку если не деятельности, то образа жизни царя Петра, Лукаш вкладывает

в уста денщика Никиты из этого же сна, денщика, с ним этот образ жизни повседневно разделяющий: ««скушно мне в ихних землях... Таскаешься, прости Господи, ровно витютень, чтобы их вихорь пробрал, эва, папешство, фонтаней, мальвазии, державы заморские...»²⁹.

С упомянутым выше замечанием И. Л. Солоневича о том, что Петр Первый подорвал престолонаследие, Лукаш не спорит, об этом он говорит не прямо, как Солоневич, но выражает полное согласие с его оценкой художественными средствами: «Нынче в ночь он меня сызнава звал, сын, Алексей, казнь моя...»³⁰ — вопиет царь, не находящий покоя и во снах. «Аще наказуеши мучительское сердце мое, изглодал душу мне окаянному, лютою стрелою припек... Алексей, сын...»³¹ — это не просто терзания душегубца, сыноубийцы, это муки совести царя, понимающего, что он оставил престол без наследника и не видит во всей империи «помощника», преемника, которому бы он доверял, как самому себе: «Петр пошарил за собою руку Катерины. Взял ее, мягкую, точно бескостную: «Катерина... Помощника нету... Государству наследника... Один...»³²

Это рассказ «Сны Петра» первый в сборнике, давший ему имя. Верно определил Лукаш, что рассказы этого сборника имеют одну мысль. Именно она скрепляет их в главы одной книги. Анализ любого «сна» Ивана Лукаша, как и всякого его произведения, показывает, сколько культурно-исторических пластов они в себе содержат. Можно и дальше вести раскопки этих пластов, продолжая наталкиваться на новые находки. Практически, вся мировая культура, а в особенности европейская и русская, становится своего рода сонником для толкования «Снов Петра», увиденных Иваном Лукашем.

Список литературы:

23 Солоневич И. Л. С. 432.

24 Лукаш И. С. «Чудо», рассказ, <http://www.glinkie.ru>, С.3.

25 Цветаева М. И. «Стихотворения и поэмы», Профиздат, Москва, 2001. С.279.

26 Солоневич И. Л. Там же. С. 473.

27 Лукаш И. С. Т. 1. С.405.

28 Там же.

1. Лукаш И. С. Сочинения. В 2 томах. изд. НПК «Интелвак», Москва, 2000

2. Лукаш И. С. «Чудо», рассказ, <http://www.glinkie.ru>

29 Там же. С.410.

30 Там же. С.403.

31 Там же. С. 404.

32 Там же. С. 402.

3. Besant Annie «Yoga», Anima Edizioni, Milano, 2007
4. Бестужев Н. А. «Сын Отечества», октябрь 1820
5. Жербин К. С. «Воспоминания инженера», изд. «Икар», Москва, 2007
6. Леонидов В. М. «Новая Юность» 1999. № 5
7. Русские писатели 20 века. Биографический словарь, изд. «БРЭ», «Рандеву-АМ», М, 2000, ст. Петровой Т. Г.
8. Набоков В. В. «Подвиг» Ardia Ann Arbor McGRAW-HILL New York-Toronto, 1956
9. Солоневич И. Л. «Народная монархия», изд. «Феникс», Москва, 1991, послесловие Ланщикова А. П.
10. Спроге Людмила, ст. «Пушкинский миф Ивана Лукаша», Пушкинские чтения в Тарту 2, 2000
11. Степин В. С., «Философия науки», изд. «Гардики», М, 2008, с. 161

12. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы, Москва, 2001.

IVAN LUKASH AS POSTNEOCLASSICAL WRITER OF THE XXI CENTURY

Sosnitskaya Margarita Stanislavovna

Applicant,

IMLI by A. M. Gorky, Russian Academy of Sciences,

teacher of Russian language,

Milan State University (Italy),

vedarita@mail.ru

Abstract

The historical writer Ivan Sozontovitch Lukash (1892–1940) fought in the White army, emigrated to Constantinople and after moving to many different countries finally settled down in Paris. He has been co-author with V. V. Nabokov and has served as prototype character of the writer S. Bubnov in Nabokov's novel «The Heroical action». This article presents newest data about Lukash's historical hero the merchant Zhrebin. Lukash is the last classical writer of Russian literature as he has proved, though a long period of oblivion, to be lasting through time and has been recognized as such by his famous pen colleagues, I. S. Shmelev, A. I. Kuprin, V. Chodasevitch, B. K. Zajtsev, A. N. Tolstoj, G. Struve.

Keywords

Post-neoclassical writer, permanent-background hero, historical causes of economic processes.

BRV
УДК 930
ББК 63.3

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936–1939 гг. Рецензия на книгу Константина Семенова

Окороков Александр Васильевич,
доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, 2.
avokor@yandex.ru

Аннотация

Данная рецензия подготовлена на книгу К. К. Семенова «Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. В книге, на основе фондов отечественных и зарубежных архивов раскрывается роль русской эмиграции в событиях чужой гражданской войны, рассматривается участие русских добровольцев в войне и их сотрудничество с советскими спецслужбами и странами ОСИ.

Ключевые слова

Русские добровольцы в Испании, русская эмиграция, франкисты, республиканцы, гражданская война.

В 2016 г. минуло 80 лет со дня начала гражданской войны в Испании. Для отечественного читателя эта война всегда была далекой и малоизвестной. Однако, в 2000-х годах, в связи с ростом интереса к истории Русского Зарубежья, тема участия российских эмигрантов в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. становится объектом ряда публикаций. Книга Константина Семенова «Русская эмиграция и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.» (М.: Алгоритм, 2016) представляет собой новое исследование по истории Русского Зарубежья и существенно отличается от уже изданных работ.

Напомним, что искрой в разгоревшейся гражданской войне в Испании стало убийство лидера монархистов адвоката Кальво-Сотело, выступившего в июле 1936 г. в парламенте с обличительной

речью, направленной против правительства. 18 июля 1936 г. против республиканцев поднялись гарнизоны, командование которыми через некоторое время принял на себя генерал Ф. Франко.

Война «заворожила» весь мир: каждый видел в ней своих. Монархисты-карлисты — лигитимистов, коммунисты — вооруженный пролетариат, демократы — защитников республики от фашизма и т. п. Поэтому помощь воюющим шла со всех сторон: «белым» (франкистам) в основном от Германии и Италии, «красным» (республиканцам) — от СССР.

Не осталась равнодушной к войне и активная часть русской эмиграции. Боле того, она расколола ее вновь на «белых» и «красных».

Устремления русских «белых» добровольцев в Испании кратко выразил участник войны ге-

нерал А. В. Фок. Он писал: «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию, против III Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будет выполнять свой долг перед белой Россией»¹.

Однако были и другие мнения. Многие эмигранты считали, что эта война чисто испанское дело и ввязываться в нее русским не следует. Такой точки зрения, придерживался в частности авторитетный русский военный историк А. А. Керсновский. В одной из своих статей он писал:

«Когда наконец мы поумнеем и перестанем распинаться за чужих? С какой стати и почему проливаем потоки слез и чернил во имя какой-то совершенно ненужной, чуждой и безразличной нам Испании? И если бы только слезы и чернила! Нашлись русские люди, русские офицеры, пошедшие проливать свою кровь на поля Ламанчи, выручая потомков Дон Кихота — ту русскую кровь, проливать которую за чужие интересы они не имеют права, ибо скоро она может понадобиться Матери России.

/.../Пусть нам не морочат голову надоевшей пошлятиной, что борьба с «мировым злом» — наше «общее дело». Почему это вдруг сделалось «общим делом» сейчас, в 1936 году, а не было им в 1917, 1918, 1919, 1920, 1921-м? Что делали тогда эти посылающие нам сейчас свой привет г.г. испанские офицеры? Где они были тогда? — Под Тихорецкой? Армавиром? Царицыным? Харьковом? Или, быть может, под Киевом и Орлом? Во всяком случае, опоздав к Московскому походу, они успели, конечно, прибыть к перекопским боям? Под Каховку? Где они были тогда? Мною ли их стояло в строю наших офицерских рот?

Изнасилованные испанские женщины, расстрелянные испанские священники... Подумаешь, нашли, чем разжалобить! А наших русских женщин кто-нибудь жалел. А тысячи замученных русских священнослужителей нашли разве отклик в чьих-либо сердцах — французских, немецких, испанских? Это, небось, не было тогда «общим делом».

/.../Когда наконец мы поймем, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты — такие же враги нас, русских эмигрантов и нашей

Н. В. Шинкаренко генерал-майор
Добровольческой армии

Родины, как и преследуемые ими коммунисты? Не спасать их надо, а повторить мудрые слова Тараса Бульбы:

Чтоб они подошли все, собаки!»².

И все же идея продолжения борьбы с большевизмом, хотя бы с «испанским», получила дальнейшее развитие.

Первыми русскими добровольцами в армии Ф. Франко стали генералы А. В. Фок и Н. В. Шинкаренко, капитан Н. Я. Кривошея и штабс-капитан Я. Т. Полухин.

Всего, по подсчетам Константина Семенова — 127 человек (до исследования К. Семенова было известно о 72 — х добровольцах). Некоторые из них погибли в бою.

Во главе списка убитых стоит генерал-майор А. В. Фок (лейтенант терсио Донна Мария де Молина). Во время боя в районе Кинто де Эбро его рота была окружена и почти полностью уничтожена. Израсходовав все боеприпасы, А. В. Фок застрелился, чтобы не попасть в плен к «красным». В этом же бою погиб и капитан Я. Т. Полухин. Раненный в шею, он был перенесен в местную церковь для перевязки и погребен под ее развалина-

1 Кольцов М. Испанский дневник. М., 1988. С.604.

2 Керсновский А. Никаких испанцев //Царский Вестник. 1936. № 521.

«Белые» русские добровольцы в армии Франко.
Слева направо: В. Гурко, русской службы
поручик Б. Боярунас, хорунжий М. Сальников,
штабс-капитан А. Яремчук 2-й

Граф Григорий Ламсдорф (в центре) и его
сослуживцы по Испанскому
иностранному легиону

ми после артиллерийского обстрела. Посмертно они были награждены высшей испанской боевой наградой — Коллективной лауреадой.

В разное время в боях погибли: полковник Собственного Его Величества конвоя князь А. В. Амилахвари, поручик князь И. А. Лаурсов-Магалов, подпоручик З. К. Компельский, лейтенант флота С. С. Техли (В. Чиж), капитан артиллерии И. А. Бонч-Бруевич, фельдфебель Н. С. Иванов и др.

Известны подробности гибели морского летчика старшего лейтенанта В. М. Марченко. 14 сентября 1937 г. он вылетел на ночное бомбометание аэродрома противника. Уже после выполнения задания самолет Марченко был атакован несколькими истребителями. В воздушном бою его самолет был подбит, а экипаж (пилот, пулеметчик и механик) выбросился с парашютами. Приземлившись, Марченко направился к своим позициям, но по дороге наткнулся на «красных» и был убит в перестрелке. По сообщению эмигрантского «Морского журнала», его тело по требованию советских летчиков, принимавших участие в воздушном бою, было захоронено на городском кладбище. Позже местные жители откопали гроб и зарыли его вне кладбища. После занятия района «белыми» останки летчика были найдены, перевезены в Севилью и вновь захоронены с воинскими почестями³.

3 Морской журнал.1939. № 136–137. С.22–23.

Что же касается боевого противника Марченко, то можно с весьма высокой достоверностью сказать, что им был советский доброволец капитан И. Т. Еременко, командир действовавшей под Сарагосой эскадрильи И-15. Этот факт подтверждают ряд советских источников⁴. Он воевал в Испании с мая 1937 г. по 6 февраля 1938 г. и был дважды награжден орденом Красного Знамени и звездой Героя Советского Союза. Причем последнюю награду он получил именно за бои под Сарагосой⁵.

Значительное количество русских эмигрантов сражалось и на стороне республиканцев — по эмигрантским источникам, около 40 офицеров; по советским — от нескольких сот до тысячи человек. К. Семенов в своем исследовании выявил 557 человек. Они воевали в канадском батальоне имени Маккензи-Палино, балканском батальоне имени Димитрова, батальоне имени Домбровского, франко-бельгийской бригаде (позже 14-я Интербригада) и др⁶. Во многих республиканских частях русские эмигранты зани-

4 Джога И. М., Кузнецов И. И. Герои боев с фашистами в Испании //История СССР. 1970. №4; Гусев А. И. Гневное небо Испании. М., 1973; Шинкарев С. «Чатос» идут в атаку. М., 1986.

5 Кузнецов Н. Российский моряк в небе Испании //Флотомастер. 2002. №.5. С.23.

6 Всего против франкистов воевали около 35 тыс. добровольцев из 54 стран мира (См.: Война и революция в Испании 1936–1939 гг. М., 1968. С.552). Седьмая их часть погибла в боях (См.: Мерцков К. А. На службе народу. М., 1968. С.152).

мали командные должности. Так, командиром роты в батальоне имени Домбровского, входившем в 11 интербригаду был бывший поручик И. И. Остапченко, командующим артиллерией Арагонского фронта являлся бывший полковник Белой армии В. К. Глиноецкий (полковник Хименс), бывшие чины РОВС — генерального штаба полковник П. Е. Дорман, генерал-майор А. В. Есимонтовский⁷ и др. Капитаном республиканской армии был и сын руководителя Боевой организации партии эсеров Б. В. Савинкова — Лев Савинков.

Как видим история участия русских эмигрантов в Гражданской войне в Испании не проста и противоречива, и, тем значимее, на наш взгляд, является исследование Константина Семенова. На примере этой войны он рассматривает противоречия, сложившиеся в среде российской эмиграции в середине 1930-х гг., которые и породили трагическое противостояние наших соотечественников на полях далекой Испании.

Благодаря этому изданию в научный оборот введено значительное количество ранее неизвестных документы из российских и зарубежных архивов, сделана попытка назвать поименно всех эмигрантов-участников войны. И, наконец, автором исследования проведен сравнительный анализ мотивов, численности, примеров боевого применения российских эмигрантов в республиканской и франкистской армиях, показан весь трагизм братоубийственной войны на полях Испании.

В заключении краткой рецензии на книгу «Русская эмиграция и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.» хотелось бы отметить, что исследование масштабных внутринациональных конфликтов в наше время приобретает первостепенное значение. И в этой связи работа Константина Семенова об участии в Гражданской войне в Испании эмигрантов и советских воинов-интернационалистов является значимой для российской историографии.

7 Часовой.1938. № 210. С.14.

RUSSIAN EMIGRATION AND CIVIL WAR IN SPAIN 1936–1939 yrs.

Review on the book of Konstantin Semenov

Okorokov Alexandr Vasilievich,

DSc in History,

Deputy Director on scientific work

FKBNI, Russian Cultural and Natural Heritage Institute

St. Kosmonavtov 2, Moscow, Russia, 129366,

avokor@yandex.ru

Abstract

This review prepared on the book by K. K. Semenov, «Russian emigration and the civil war in Spain 1936–1939 In the book, on the basis of funds of Russian and foreign archives revealed the role of Russian emigration in the events of someone else's civil war, considers the participation of Russian volunteers in the war and their cooperation with the Soviet secret services and the Axis countries.

Keywords

Russian volunteers in Spain, immigrants, Franco, the Republicans, the conflict, the war.

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

RAR
УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ КОСТРОМИЧЕЙ И ЯРОСЛАВЦЕВ В КАМПАНИИ ПО ОСВОЕНИЮ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ КАЗАХСКОЙ ССР (1954–1964 гг.): КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ДОБРОВОЛЬЦЕВ И ИХ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рыбин Андрей Александрович,
аспирант кафедры истории,
Института гуманитарных наук и социальных технологий,
Костромской государственной университет,
ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Россия, 156005,
rybin-andreyka@bk.ru

Аннотация

В послевоенные годы студенты различных регионов СССР и в частности Центральной России принимали активное участие в восстановлении зернового хозяйства страны. В статье рассмотрены основные этапы освоения целинных и залежных земель Казахской ССР учащимися высших и средних специальных учебных заведений Костромской и Ярославской областей. Выделены основные особенности каждого из периодов, а также на основе проведенного исследования определена количественная динамика участников кампании и рассмотрена их трудовая деятельность.

Ключевые слова

Целинные и залежные земли, студенчество, костромичи, ярославцы, Казахская ССР.

После постановления февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 года¹ был разработан новый курс развития сельского хозяйства страны. Многие юноши и девушки откликнулись на призыв коммунистической партии, и отправились осваивать новые земли в различные районы СССР, в том числе и в необжитые районы Казахской ССР, где в период кампании было освоено 25 миллионов гектаров целины и залежей².

Первый этап отправки на целинные земли Казахской ССР начинается в 1954–1956 гг. В этот период на новые земли в основном отправляли квалифицированные кадры, которые были способны в короткие сроки наладить рабочий процесс в осваиваемых районах. Активность студентов была невысокая. В 1954 году в числе первых студентов-ярославцев пожелал отправиться на целину землеустроитель сельскохозяйственного техникума г. Данилова В. Горчаков. После этого уже 35 студентов четвертого курса Некрасовского техникума механизации сельского хозяйства Ярославской области написали коллективное письмо в Министерство совхозов РСФСР³ с просьбой отправить их после окончания учебного заведения в районы освоения необжитых земель.

В 1955 году одними из первых в Костромской области изъявили желание отправиться на целину студенты Галичского училища механизации сельского хозяйства в лице Л. Питлера, Н. Москвина, Б. Кунецова, А. Смирнова, А. Жукова. Добровольцы в коллективном заявлении просили направить их в одну из МТС Казахской ССР.⁴ Для обучения добровольцев, желающих отправиться на новые земли, в феврале 1955 года в Ярославской области были созданы Ярославское, Даниловское и Щербаковское училища механизации⁵. В училищах готовили трактористов и сельскохозяйственных механизаторов, курс занятий длился шесть месяцев. Учащимся выплачивалась стипендия, выда-

валось бесплатное обмундирование и осуществлялось бесплатное питание.

Число добровольцев, желающих отправиться на целинные земли, постепенно увеличивалось, и уже в июне 1955 года 28 комсомольцев, выпускников медицинского училища Северной железной дороги Ярославской области, получили направления на работу в Кустанайскую, Кокчетавскую, Джамбульскую, Гурьевскую области Казахской ССР⁶.

Таким образом, на первом этапе небольшое количество студентов отправлялось работать на неосвоенные земли, преимущественно это были юноши и девушки аграрных учебных заведений. Стоит отметить, что специалистам в области сельского хозяйства отдавался приоритет при отборе на целину, так как по расчетам руководства страны именно они должны были в короткие сроки наладить трудовой процесс в районах освоения новых земель.

Второй этап отправки студентов костромичей и ярославцев на целинные земли проходит в период с 1956 по 1960 годы. В это время учащиеся стали задействованы в сезонной уборке целинного урожая. Как правило, на целине студенты проходили производственную практику.

24 июня 1956 года вышло обращение ЦК ВЛКСМ к молодежи страны⁷: была поставлена задача, чтобы направить на уборку целинного урожая сроком на два месяца 200 тысяч человек из числа городской молодежи, работающей на промышленных предприятиях, в учреждениях, а также студентов вузов, изъявивших добровольное желание. В ответ на это обращение на заседании бюро Костромского обкома ВЛКСМ было принято решение обязать Костромской, Нерехтский, Буйский и Шарьинский горкомы ВЛКСМ отобрать 1100 человек добровольцев⁸, в том числе и студентов высших и средних учебных заведений, и направить в совхозы и колхозы Казахской ССР и РСФСР. По призыву ВЛКСМ в короткие сроки был собран отряд в составе 304 студентов, в основном третьего курса, всех факультетов Костромского сельскохозяйственного института под руководством преподавателей Н. А. Захарченко, Ю. И. Карпова. Отряд

1 Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988)/КПСС; Ин-т марксизма — ленинизма при ЦК КПСС. Т. 8: 1946–1955. М., 1985. — С.359

2 Кручина Н. Е. А хлеб остается хлебом. К 25-летию освоения целины. Москва: Колос. 1979. С.9

3 На целинные земли// Северный рабочий. 1954. 22 мар.

4 По призыву партии // Северная правда. 1955. 23 янв.

5 Сайкин Е. Подготовка механизаторов для МТС целинных земель//Сталинская смена. 1955. 1 фев.

6 Едем на целинные земли// Сталинская смена. 1955. 21 июн.

7 Обращение Центрального Комитета ВЛКСМ к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи //Северная правда. 1956. 24 июн.

8 ГАНИКО. — Ф. П-1018. — Оп.25. — Д.4. — Л.173

выехал на работу в совхозы им. В. П. Чкалова, им. М. И. Калинина, «Абазстузский» Павлодарской области Казахской ССР⁹.

На заседании Ярославского бюро обкома в ответ на призыв ЦК ВЛКСМ также было принято постановление, которое предусматривало отправку 2000 комсомольцев, молодежи, работающих на промышленных предприятиях, и студентов, отобранных Ярославским и Щербаковским горкома ВЛКСМ (1500 первым и 500 вторым соответственно), в Казахскую ССР на два месяца. Выезд должен был производиться в кратчайшие сроки — до 7 июля 1956 года¹⁰. В числе добровольцев были студенты Ярославского педагогического, сельскохозяйственного и технологического институтов¹¹. Их примеру последовали 30 учащихся Технического училища № 3 г. Щербакова¹². 16 июля 1956 года в Ярославле прошли торжественные проводы добровольцев на уборку целинного урожая. Около 1000 ярославцев пришли на митинг к станции Всполье. Митинг был открыт торжественной речью секретаря обкома ВЛКСМ М. Е. Бородина. После вступительных слов районным отрядам добровольцев были вручены знамена районных комсомольских организаций. От имени отъезжающих на митинге выступил с речью студент педагогического института В. Томанов¹³.

За период 1956–1957 годов 1470 студентов Костромской области работали на уборке урожая в Западном Казахстане и на Алтае¹⁴. За хорошую работу студенты и учащиеся были награждены значками и медалями, грамотами ЦК ВЛКСМ. Педагогический, текстильный институты и Шарьинский сельскохозяйственный техникум были награждены красными вымпелами Западно-Казахстанского обкома ВЛКСМ.¹⁵ Командир отрядов студентов и преподавателей Костромского текстильного института И. А. Матвеев также

вспоминал об уборке урожая 1957 года и говорил о том, что их студенческий отряд работал в Западно-Казахстанской области, где в период работы первая группа студентов заготовила 29867 тонн зерна, отгрузила 266 вагонов с зерном общим весом 10930 тонн. Вторая группа, трудившаяся на элеваторе, переработала (с погрузкой и выгрузкой) 20325 тонн пшеницы. Третья группа на хлебоприемном пункте станции Чинчирлад выгрузила 2092 тонны зерна, погрузила в вагон 4226 тонн зерна и переработала 11114 тонн целинного хлеба. За уборку урожая 84 студента были награждены денежными премиями, почетными грамотами и почетным значком ЦК ВЛКСМ за освоение новых земель. Студенты Р. А. Иванова, Л. М. Каменецкий, И. П. Серебров, В. П. Кузнецов были награждены медалью «За освоение целинных земель». В адрес института были направлены благодарственные письма от областного управления хлебопродуктов Западно-Казахстанской области и ОКВЛКСМ¹⁶.

Доцент Костромской сельскохозяйственной академии В. М. Игнатов вспоминал о поездке на целину в 1958 году (на тот момент он являлся студентом 3 курса механического факультета), что перед отправкой на новые земли состоялась торжественная линейка перед институтом на Первомайке. Студенческая колонна прошла маршем со знаменами и оркестром через весь город на вокзал. На целину выехали студенты 4 и 3 курсов мехфака и 2 курса агрофака, всего 200 человек. Конечным пунктом стала Западно-Казахстанская область, Теректинский район. По прибытию студентов поделили на отряды по 20–30 человек. В. М. Игнатов попал в совхоз им. Мечурина. За весь период пребывания на целине студенческий отряд Костромского сельскохозяйственного института под руководством преподавателей В. А. Кузмичева, В. В. Выговской, В. А. Караваева, Ю. М. Приходько убрал 27000 гектаров зерновых культур, отремонтировал 41 комбайн, 12 тракторов и 8 лафетных жаток. Отряд был награжден Почетными знаменами ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМ Казахстана, Западно-Казахстанского обкома комсомола и вымпелом Теректинского райкома комсомола за победу в социалистическом соревновании молодежных отрядов по уборке целинного хлеба, кроме того 100

9 Сидоренко Т. А. Костромская государственная сельскохозяйственная академия — 60 лет. Кострома: Костромаиздат. 2009. С. 30–31.

10 ЦДНИ ГАЯО. — Ф. 272. — Оп. 227. — Д. 14. — Л. 44–46.

11 Казахстан — на уборку богатого урожая. Единое стремление. // Северный рабочий. 1956. 26 июня.

12 Патриотические строки // Сталинская смена. 1956. 26 июня.

13 Карпов В. На уборку урожая с целинных земель. // Северная правда. 1956. 18 июля.

14 ГАНИКО. — Ф. П-1018. — Оп. 29. — Д. 15. — Л. 30.

15 Там же. Л. 30

16 Волкова Е. Ю. Мельникова Ю. Чикакчиди Ф. История стройотрядовского движения в Костромском государственном технологическом университете 1965–2007 гг. КГТУ. Кострома. 2008 г. С. 68–71

студентов были награждены медалью «За освоение целинных и залежных земель», 68 — значком «За освоение целинных земель» и 168 — Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.¹⁷

Количество студентов-ярославцев, принявших участие в уборке целинного урожая на втором этапе освоения целины распределяется так: 1956 год — 1000 человек, из них 500 человек студентов (студентов Ярославского педагогического института в 1956 году — 200 человек); в 1957 году — 2000 человек, из них студентов было 1700 человек (студенты ЯГПИ — 400 человек); в 1958 году — 1800 человек, из них студентов 1600 человек, в том числе студентов ЯГПИ — 410 человек¹⁸. Из предложенной статистики видно, что студенты являлись преобладающей рабочей силой. В уборочные кампании 1956, 1957 и 1958 годов ярославские студенты помогли убрать урожай 20 совхозам Кустанайской области на площади 500 тысяч гектаров. С этих полей они собрали 5 миллионов центнеров зерна, а так же заскирдовали 1 миллион 200 тысяч центнеров сена, заготовили 150 тысяч тонн силоса.¹⁹ Студенты-ярославцы проявили себя активными работниками на целине. По словам секретаря комитета комсомола зерносовхоза «Озерный» Пресногорьковского района Кустанайской области Е. Мухамеджанова: «Для уборки богатого целинного урожая к нам приезжали студенты Рыбинского технологического техникума. Они оказали большую помощь на заготовке кормов для общественного скота. Бригада А. Березиной для животноводческой фермы № 2 запасала полуторагодичный резерв кормов. В субботние и воскресные дни студенты занимались благоустройством территорий в тракторно-полеводческих бригадах. Силами студентов-рыбинцев построены полевые станы, баня, выкопан колодец. Часть студентов работала помощниками комбайнера, копнильщиками и на току, отвозила зерно государству. Бригада И. Борисова завоевала переходящий вымпел совхоза. Рыбинцы вели среди тружеников сельского хозяйства агитационную работу. Через день выпускали «Боевые листки»,

распространяли опыт передовиков и критиковали отстающих. Они нам здорово помогли»²⁰.

В 1959 году 208 студентов 3 и 4 курсов Ростов-Ярославского техникума механизации сельского хозяйства с 12 августа по 14 октября работали на целинных землях Кустанайской области Казахской ССР²¹. Студенты-ярославцы убрали комбайнами зерно с площади 14730 гектаров и заработали при этом 156967 рублей. Особо отличился студент Медведев, который убрал 387 гектаров зерна, намолотил 4642 центнера зерна и заработал более 2000 рублей²². В этом же году 58 студентов третьего курса факультета механизации Костромского сельскохозяйственного института в качестве производственной практики в Казахской ССР работали на уборке урожая трактористами, штурвальными и комбайнерами²³. Юноши и девушки принимали участие на сенокосе и силосовании, сооружали хозяйственные постройки. За два месяца они убрали 8600 гектаров зерновых и вспахали около 2600 гектаров. Многие были награждены почетными грамотами, особенно отличились в работе Ситников, Борков, Красовский, Панов, Караева, Горбунова, Шигин, Коротаев и другие²⁴.

В 1960 году Ярославский обком ВЛКСМ постановил отправить на уборку целинного урожая в Казахскую ССР 615 механизаторов и других рабочих сроком с 19 июля до 15 октября²⁵. Отбор производился из числа рабочих Ярославского, Рыбинского, Ростовского, Переславского районов, в числе посланцев были и студенты областных училищ механизации сельского хозяйства²⁶.

Таким образом, на втором этапе студентов стали активно отправлять на уборку урожая в районы освоения новых земель. В этот период на целине побывало 6040 студентов, из которых 2032 — представители Костромской области и 4008 — представители Ярославской области. Юноши и девушки столкнувшись с трудностями целинного быта, и климатическими особен-

17 Сидоренко Т. А. Костромская государственная сельскохозяйственная академия — 60 лет. Кострома: Костромаиздат. 2009. С.31–32

18 Филиппов А. В. Ярославские студенты на целине// Из истории ярославской комсомольской организации. Сборник студенческих научных работ. Вып.4. Ярославль.1959. С.74

19 Там же.

20 Вот она, земля целинная//Юность. 1958. 2 окт.

21 ГАЯО. — Ф.2944. — Оп.1 -Д.657. — Л.63

22 Там же.

23 Смирнов В. Целинный подарок, // Молодой Ленинец. 1959. 28 октября. № 130.

24 Там же.

25 ГАЯО. — Ф.2283. — Оп.24. — Д.20. — Л.97

26 Там же. Л.67

ностями Казахской ССР показали хорошие результаты своей работы.

Третий этап захватывает период с 1961 по 1964 годы. В 1961 году студентки 5 курса филологического факультета Костромского педагогического института откликнулись на выступление Н. С. Хрущева, который призывал отправляться работать на целину педагогические кадры. На телеграмму, с просьбой о командировке преподавателей и студентов, отправленную в Министерство высшего образования был получен положительный ответ. В результате чего комсорг группы Л. Бабинцева, член группового бюро А. Фомичева, староста группы Г. Пухова, А. Медведева, Л. Землянская, Л. Белюсова, И. Дарова, Н. Филь, М. Иванова и еще девять девушек-выпускниц вместе со своими преподавателями отправились на долгосрочную работу в качестве педагогов в целинные края Казахской ССР.²⁷

В 1962 году бюро Ярославского областного комитета КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся приняло постановление о направлении 90 студентов различных училищ механизации сельского хозяйства Ярославской области²⁸ на уборку урожая 22 июля в Казахскую ССР. Через два года 4685 учащихся училищ механизации сельского хозяйства различных районов Советского Союза оказали помощь в уборке целинного урожая, в числе которых были и студенты Костромской области²⁹.

В октябре 1964 года с уходом с руководящего поста Н. С. Хрущева наметились перемены в сфере сельского хозяйства. На мартовском пленуме 1965 года был задан новый курс развития аграрной промышленности, который во многом изменил и ход кампании по освоению новых земель.

На третьем этапе активность студентов снизилась. Это было вызвано тем что в стране возник продовольственный кризис, пик которого пришелся на 1962–1963 годы³⁰. Он был вызван резким снижением урожайности в районах ос-

воения новых земель из-за экологических бедствий. В этой связи упала и потребность в кадрах из других регионов СССР.

Таким образом, исходя из имеющихся данных в целинной кампании, можно утверждать, что за период, начавшийся с постановления февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 и закончившийся мартовским пленумом 1965 года, в целинной кампании приняли участие 6217 студентов, из которых 2055 – представители Костромской области и 4162 – представители Ярославской области. Юноши и девушки были представителями различных учебных заведений Костромской области: Галичское училище механизации сельского хозяйства, Костромской педагогический, текстильный, сельскохозяйственный институты и Шарьинский сельскохозяйственный техникум, а также учебных заведений Ярославской области: Сельскохозяйственный техникум города Данилова, Некрасовский, Ростов — Ярославский техникумы механизации сельского хозяйства, Медицинское училище Северной железной дороги, Ярославский педагогический, сельскохозяйственный и технологический институты, Техническое училище № 3 города Щербакова, Ярославское, Даниловское и Щербаковское, Ростовское, Переславское училища механизации сельского хозяйства, Рыбинский технологический техникум.

Юноши и девушки Костромской и Ярославской областей работали в различных районах Казахской ССР: в совхозах им. В. П. Чкалова, им. М. И. Калинина, «Абазстузский», «Путь к коммунизму» Павлодарской области, в совхозе «Озерный» Пресногорьковского района Кустанайской области, на станции Чинчирлад, совхозе им. Мичурина Теректинского района Западно-Казахстанской области, а так же в Кокчетавской, Джамбульской, Гурьевской областях.

Оказавшись в непростых природно-климатических, жилищно-бытовых условиях, студенты смогли активно включиться в рабочий процесс. Трудясь с утра и до позднего вечера, они выполняли и перевыполняли установленные государством планы работы. Многие студенческие коллективы были удостоены почетных грамот и наград, также руководители казахских совхозов отзывались положительно об их работе на целине, приглашая снова костромских и ярославских студентов убирать целинный урожай. На учащихся была возложена ответственная задача по сбору

27 Там же.

28 ГАЯО. — Ф.2944. — Оп.1. — Д.657. — Л.106

29 Фазылов М. С. Освоение целины в Казахстане и его роль в укреплении дружбы народов (1954-1964 гг.) Дисс. к. и. н. Алма-Ата. 1965. С.56

30 Цориева И. Т. Советский периферийный город в условиях хлебного кризиса конца 1950-х — начала 1960-х гг. (по материалам города Орджоникидзе) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №9. Тамбов. 2016. С.217–220

и обработке целинного урожая. За проявленный трудовой героизм многие костромские и ярославские студенты были награждены значками «За освоение новых земель», медалями «За освоение целинных и залежных земель», а также почетными грамотами ЦК ВЛКСМ. Костромские и ярославские студенты внесли значительный вклад в развитие зерновой отрасли государства в тяжелое послевоенное время.

Список литературы

1. Волкова Е. Ю. Мельникова Ю. Чикакчи-ди Ф. История стройотрядовского движения в Костромском государственном технологическом университете 1965–2007 гг. Кострома: КГТУ. 2008. С.68–71 (103)
2. Вот она, земля целинная//Юность.1958. 2 окт.
3. Государственный архив новейшей истории Костромской области (Далее ГАНИКО). — Ф. П-1018. — Оп.25. — Д.4. — Л.173
4. ГАНИКО. — Ф. П-1018. — Оп.29. — Д.15. — Л.30.
5. Государственный архив Ярославской области (Далее ГАЯО). — Ф.2283. — Оп.24. — Д.20. — Л.67,97
6. ГАЯО. — Ф.2944. — Оп.1. — Д.657. — Л.63, 106
7. Едем на целинные земли // Сталинская смена.1955. 21 июн.
8. Казахстан — на уборку богатого урожая // Северный рабочий. 1956. 26 июн.
9. Карпов В. На уборку урожая с целинных земель // Северная правда. 1956. 18 июл.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988)/КПСС; Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. Т. 8: 1946–1955. М., 1985. — 542 с.
11. Кручина Н.Е. А хлеб остается хлебом. К 25-летию освоения целины. Москва: Колос. 1979. 216 с.
12. Магарам М. Здравствуй земля целинная // Молодой Ленинец 1958. 29 окт.
13. На целинные земли // Северный рабочий.1954.22 мар.
14. Обращение Центрального Комитета ВЛКСМ к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи // Северная правда. 1956. 24 июня.
15. Патриотические строки//Сталинская смена.1956. 26 июн.
16. По призыву партии // Северная правда.1955. 23 янв.
17. Сайкин Е. Подготовка механизаторов для МТС целинных земель//Сталинская смена. 1955. 1 фев.
18. Сидоренко Т. А. Костромская государственная сельскохозяйственная академия — 60 лет. Кострома:Костромаиздат. 2009. 192с.
19. Смирнов В. Целинный подарок // Молодой Ленинец. 1959. 28 окт.
20. Фазылов М. С. Освоение целины в Казахстане и его роль в укреплении дружбы народов (1954-1964 гг.) Дисс. к. и. н. Алма-Ата. 1965. 334 с.
21. Филиппов А. В. Ярославские студенты на целине// Из истории ярославской комсомольской организации. Сборник студенческих научных работ. Вып.4. Ярославль.1959. С.71–81.
22. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). — Ф. 272. — Оп. 227. — Д. 14. — Л. 44–46.
23. Цориева И. Т. Советский периферийный город в условиях хлебного кризиса конца 1950-х — начала 1960-х гг. (по материалам города Орджоникидзе) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №9. Тамбов. 2016. С.217–220
24. Шляков В. После института на целину // Молодой Ленинец. 1961. 26 мар.

THE PARTICIPATION OF STUDENTS FROM THE KOSTROMA AND YAROSLAVL REGIONS IN THE FRAMEWORK OF THE CAMPAIGN FOR THE DEVELOPMENT OF VIRGIN AND FALLOW LANDS OF THE KAZAKH SSR (1954–1965 yrs.)

RybinAndreyAleksandrovich,

Postgraduate student of the Department of history,
Institute of humanitarian Sciences and social technologies.

Kostroma state University.

Dzerzhinsky, Str. 17, 156005Kostroma, Russia

rybin-andreyka@bk.ru

Abstract

In the postwar years, students from various regions of the Soviet Union and particularly Central Russia, took an active part in the recovery of the agricultural sector. The article describes the main stages of development of virgin and fallow lands of the Kazakh SSR students of higher and secondary special educational institutions of the Kostroma and Yaroslavl regions. Outlines the key features of each period. Conducted the counting of volunteers who participated in the development of virgin lands.

Keywords

The virgin and fallow lands, students from Kostroma, Yaroslavl, The Kazakh SSR.

RAR

УДК 669.2/.8:673.5:334.7 (571.1)

ББК 34.33+86.372.24–65

ЗАГОТОВКА КОЛОКОЛЬНОЙ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА: ТЕХНОЛОГИЯ, ДИНАМИКА, КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Талашкин Алексей Владимирович,
аспирант Алтайского государственного университета (г. Барнаул),
заместитель руководителя Сибирского центра колокольного искусства,
ул. Большевикская, 229, к.1., Новосибирск, Российская Федерация, 630083
talashkin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена деятельности Западно-Сибирской краевой конторы государственного треста «Металлом» в 1930-х годах, связанной с заготовкой колокольной бронзы на территории Сибири. Проанализированы документы конторы, выявлены объёмы заготовки колокольной бронзы, обобщены направления работы учреждения.

Ключевые слова

Колокол, колокола в Сибири, заготовка колокольной бронзы, уничтожение колоколов.

Изъятие утвари и колоколов с церковей на захваченных территориях Российской империи во время Первой мировой войны, мотивированное военными нуждами, практиковала кайзеровская Германия¹. Советское правительство в первые годы деятельности на фоне массового голода в ряде регионов приняло аналогичное решение об изъятии церковных ценностей и колоколов. 16 февраля 1922 года ВЦИК принял постановление «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим». Декретом предписывалось местным советам «ввиду неотложной необходимости срочно мобилизовать все средства страны, могущие послужить средством спасения погибающего от голода населения Поволжья» и немедленно изъять из имуще-

Тракторный фонд, 1930-е гг.

1 Фомичёв М. В. Утраченные колокола Первой мировой войны // Культурное наследие России. № 6 (3) июль-сентябрь 2014. С. 40–43.

ства, переданного в пользование группам верующих всех религий, ценные предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Первоначально изъятие не касалось церковных колоколов, од-

нако уже через несколько лет практика изъятия колоколов стала повсеместной.

В Сибири вопросами заготовки колокольной бронзы занималась образованная в 1930 году Западно-Сибирская контора Государственного треста по переработке и снабжению металлическим ломом «Металлом» Наркомата тяжелой промышленности СССР. Основные задачи конторы заключались в организации заготовки, хранения и сбыта лома черных и цветных металлов. В названии конторы в течение всех 1930-х годов наблюдается путаница. За шестилетний период на бланках документов можно увидеть двадцать два различных наименования предприятия. В этом многообразии названий сложно понять — это была одна организация или их было несколько. Во многих документах одного периода контора именуется синонимичными названиями, есть основание считать эту пестроту наименований чертой того времени, а все рассматриваемые нами документы — архивом одной организации. В Государственном архиве Новосибирской области все они, собственно, и хранятся в одном фонде.

В состав Сибирского Комбината «Металлом» на 1 октября 1933 года входило пять заготовительных контор, являющихся самостоятельными хозяйственными единицами. До 1 июля [1933 года] работа Сибирского Комбината охватывала только Западную Сибирь через Омскую и Новосибирскую Заготконторы, и Восточную — через Красноярскую и Иркутскую Заготконторы, но начиная с 3-го квартала в работу включается и обслуживание 2/3 территории Казахстана с подчинением Комбинату Казахской Заготконторы². В 1936 году контора значительно расширяет географию своих полномочий и обслуживает края: Дальне-Восточный, Восточно-Сибирский, Красноярский, Западно-Сибирский и часть Казахстана. Западно-Сибирский край насчитывает 121 район, в том числе Ойротскую автономную область, Нарымский округ³. Западно-Сибирская контора «Главвтормет» организована 1 ноября 1938 года на базе бывших Новосибирской и Омской контор треста «Метал-

лом». Бывшая Западно-Сибирская Межкраевая контора Треста «Металлом» с 1 января 1938 года обслуживала Алтайский край, Новосибирскую, Павлодарскую, Восточно-Казахстанскую, Алма-Атинскую и Южно-Казахстанскую области, Киргизскую ССР, Томскую и Туркестано-Сибирскую железные дороги⁴.

Кроме того, в 1938 году в Новосибирске располагалась Сибирская Межкраевая контора треста «Вторцветмет». До 15 ноября 1938 года контора состояла из трёх отделений, каждое на самостоятельном балансе: 1. Западно-Сибирское отделение в г. Новосибирске с обслуживанием Новосибирской области и Красноярского края, а также восточной части Казахской ССР и всей Киргизии. 2. Восточно-Сибирское отделение в г. Иркутске с обслуживанием Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской и Якутской АССР. 3. Дальне-Восточное отделение в Хабаровске обслуживало Дальне-Восточный край. С 1 июля [1938 года] было образовано четвёртое отделение в г. Алма-Ата специально для обслуживания Восточно-Казахской и Южно-Казахской областей и Киргизии. С 15 ноября ВСО и ДВО отошли от Сибирской конторы к Красноярскому Краю и обслуживаемыми ими территориями в ведение Главвтормета⁵.

Заготовительные конторы осуществляли свою работу через агентуру, производящую приёмку лома от ломодателей и отгрузку заводам-потребителям, эти операции осуществлялись на основе договоров. Сборка бытового лома в городах и селах, а также лома по мелким промышленным предприятиям производилась через системы Потребкооперации и Союзутиля, являвшихся контрагентами Комбината. Трактороцентры⁶ и Совхозы являлись самостоятельными сдатчи-

2 Докладная записка о работе Сибирского комбината «Металлом» за 9 месяцев и за 3-й квартал 1933 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.18.

3 Отчет о хозяйственной деятельности Сибирской Межкраевой конторы треста «Цветметлом» за 1936 год. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.5.

4 Объяснительная записка к годовому отчету за 1938 год по Зап. Сибирской конторе «Главвтормет». ГАНО Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 46. Л.1.

5 Объяснительная записка к годовому отчету по Сибконторе «Вторцветмет» за 1938 год. ГАНО Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.8.

6 Во время сброса колоколов храма во имя святых апостолов Петра и Павла в селе Чингис Новосибирской области по воспоминаниям очевидца событий М. Ф. Иконникова из уст тех, кто забирал колокола, звучала фраза: «Трактор вам из них сольем!». Кроме того, сохранилась фотография, на которой читаются транспаранты, украшенные подводами со снятыми колоколами колыванских церквей: «Меняем колокола на трактора!»

ками лома через систему Наркомзема и Совхознаба на основе заключенных договоров⁷.

Теоретически, заготовка колокольной бронзы могла производиться всеми указанными способами — и через агентов конторы, и через предприятия, и через совхозы — при наличии соответствующих разрешительных документов все они могли выступать в роли инициаторов сброса колоколов. Все операции, связанные с заготовкой колокольной бронзы, были регламентированы и оплачивались отдельно. В перечень работ входили съёмка колоколов, их разделка (разбитие на куски на месте), погрузка/разгрузка, транспортировка. Как правило, всё производилось нанимаемыми на местах людьми, часто это были подсобные рабочие низкого уровня образования. Известны случаи гибели⁸ этих людей при съёмке колоколов, хотя в годовых отчетных документах упоминаний о несчастных случаях не находим.

Мы располагаем несколькими отчетами о деятельности конторы (за 1933, 1934, 1936, 1938 и 1940 гг.), где, помимо прочего, находим сведения о личных качествах сотрудников. Сами составители этих документов отмечают «плохой подбор кадров (разгильдяи, летуны и растратчики)»⁹. «Работники Сибконторы, которым была поручена работа по заключению договоров недооценили важности этой задачи, [...] вследствие этого целый ряд предприятий не подписал договоров»¹⁰. При отгрузке металла со складов имели место неоднократные ошибки, так, что целые вагоны наполнялись не тем металлом и отправлялись по ошибочным адресам¹¹. «Частая замена сотрудников, отсутствие достаточно четкого разграничения прав и обя-

занностей между ними создавало хаос в работе и неправильность, допущенная одним, не могла быть выправлена или своевременно замечена другим»¹².

Важнейшей частью деятельности конторы являлась доставка заготовленной колокольной бронзы. По-видимому, снятые с колоколен и разбитые колокола в ряде случаев продолжительное время могли находиться на местах, так как вывоз разбитых колоколов был серьёзной проблемой. В 1933 году он осуществлялся в основном автомобильным и гужевым транспортом, но предприятие испытывало его нехватку. Свозившийся лом концентрировался у железнодорожных станций и на водных пристанях, при этом стоимость цен на подвозку лома сильно колебалась в зависимости от расстояний и условий доставки, что затрудняло заключение договоров, обеспечивающих регулярную подвозку. Зачастую высокая цена на доставку существенно увеличивала стоимость заготовленного лома¹³, так что фактически делала такой способ получения металла с материальной точки зрения невыгодным. Похожая ситуация наблюдается в 1934 году: «Недовыполнение плана по источнику сельской сборки объясняется недостаточным количеством автогужтранспорта в районах Зап. Сиб. Края»¹⁴. В 1934 году «перевозки осуществлялись в основном наёмным транспортом, что вполне понятно, так как собственный автогужобоз имеется только в Омске и Новосибирске»¹⁵. Ситуация не меняется и к 1939 году: невозможно найти автогужевой транспорт для вывозки лома из глубинных пунктов в летнее время (посевная, уборочная кампании), абсолютное бездорожье (снежные заносы) зимой и недостаточная оснащённость собственным гужевым транспортом¹⁶. Много-

7 Докладная записка о работе Сибирского комбината «Металлом» за 9 месяцев и за 3-й квартал 1933 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.18.

8 Рабочие погибли во время съёмки колоколов в Куйбышеве Новосибирской области. Факт гибели рабочего, снимавшего колокола в селе Чингис Новосибирской области см. Талашкин А. В. Чингисские колокола: поиски и находки // Культурное наследие России. № 2. (18) апрель-июнь, 2017. С. 77.

9 Объяснительная записка к годовому отчету за 1938 год по Зап. Сибирской конторе «Главтормет». ГАНО Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 46. Л.44.

10 Объяснительная записка к годовому отчету по Сибконторе «Вторцветмет» за 1938 год. ГАНО Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.9.

11 Приказ № 33 по Западно-Сибирской Краевой конторе Треста «Металлом» от 14 февраля 1935 г. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 16. Л.46.

12 Отчет о хозяйственной деятельности Сибирской Межкраевой конторы треста «Цветметлом» за 1936 год. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.16.

13 Докладная записка о работе Сибирского комбината «Металлом» за 9 месяцев и за 3-й квартал 1933 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.20 об.

14 Отчетный доклад о работе Зап. Сиб. Краевой конторы «Металлом» за 1934 год. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 21. Л.1.

15 Отчетный доклад о работе Зап. Сиб. Краевой конторы «Металлом» за 1934 год. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 21. Л.9.

16 Объяснительная записка к годовому отчету за 1938 год по Зап. Сибирской конторе «Главтормет». ГАНО Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 46. Л.44.

Табл. 1. Смета расходов, связанных с заготовкой колокольной бронзы
Западно-Сибирской конторой «Металлом», 1934 г.

Элементы затрат	Зарплата основная и дополнительная	В том числе рабочим	Начисление на зарплату	Материалы	Разные денежные расходы	Всего
Съемка и разделка колоколов	3089	3089	627	351	2953	7020

Табл. 2. Калькуляция по элементам затрат по обработке лома, погрузке, выгрузке и по выполнению работ на сторону в заготовительной сети
(Западно-Сибирская контора «Цветметлом», 1936 г.)

Наименование статей расхода	Съёмка и разделка колоколов хозспособом 167,3 Затрачено подрядным способом 4629			
	Всего затрат	Сумма	План	Отчет
Работы, производимые хозяйственным способом				
Основная и дополнительная зарплата	30622-96	14834-04	48-07	88-61
Начисление на зарплату	4904-24	1444-06	8-99	8-63
Материалы на топливо	387-09	267-75	5-09	1-60
Амортизация основных средств			3-18	
Прочие расходы/оплата труда, оплата простоев по вине прораба, мастера и пр. расходы в том числе командировочные	1656-93	14308-49	178-15	85-32
Итого	37571-22	30854-34	243-48	184-16
Производительность труда за 1 ч/ч в километрах			0,035	0,036
Работы, производимые подрядным способом	3791-86			
Работы, произведенные предприятиями и заводами сдатчиками для заготовительной сети	12372-0%			
Всего затрат	16163-90 53735-12	30854-34		184-16

численные факты оставления заготовленного металла на местах позволяют сделать вывод о том, что особой потребности в колокольной бронзе страна не испытывала, и главным в этом процессе было само уничтожение колоколов и колокольного звона как культурного явления.

Однако, потребность, по крайней мере, в сигнальных звонах была велика, поэтому нередко были случаи растрат и нецелевого использования ещё не разбитых колоколов. Известны многочисленные факты их передачи (как правило, небольшого размера) различным организациям: пожарным частям, МТС, карьерам и т. д. Так, например, в Ужурском районе [Красноярский край] колокол в 590 кг отдан пожарной охране, в Б. Истокском [Свердловская область] три снятых колокола отданы МТС и т. д. Случаи эти нередки, и дела о них переданы прокурору. Утечка эта, занимающая определенный вес среди причин, влияющих на выполнение плана, с одной стороны, нарушает дисциплину в заготовке дефицитного лома, с другой, мешает чёткости работы «Металлома»¹⁷. Многие из этих самовольно переданных и неучтенных конторой колоколов сохранились до наших дней. Некоторые из них, например, хранятся в Музее колокольного звона Новосибирской митрополии.

Прямую связь между закрытием церквей на территории Сибири и пиком заготовок колокольной бронзы находим в различных документах Западно-Сибирской конторы: «По цветному лому в связи с массовыми постановлениями в районах о закрытии церквей и снятии колоколов, значительное перевыполнение плана наблюдается по колокольной бронзе (118,5%) и по бронзо-баббитной стружке (716%) за счет отходов колокольной бронзы»¹⁸ (1933). «Большое превышение плана наблюдается по бронзе вследствие интенсивной заготовки колокольной бронзы по особому заданию Правительства. [...] Перевыполнение плана по бронзе проходит исключительно за счет колокольной бронзы»¹⁹ (1934).

В 1934 году Москва спускает Западно-Сибирской конторе треста «Металлом» производственную программу по съёмке и разделке колоколов в 117 тонн. Определяется тариф оплаты работы на сторону в 60.00 рублей за тонну²⁰, на что заложена сумма в 7020 рублей.

В 1935 году контора тарифицирует эту работу дешевле — 28,46 руб. за тонну²¹. В 1936 году командировочные расходы по съёмке и разделке колоколов оплачены в размере 14,3 тысяч рублей²². Полная калькуляция по элементам затрат, связанных со съёмом колоколов и их разделкой в 1936 году отражена в таблице²³.

На 1 января 1937 года (за 1936 год) конторой было обработано 167,3 тонн колоколов на сумму 30854 рубля 34 копейки²⁴. Данные по обработке колокольной бронзы с данными по их заготовке (241,8 тонн) не совпадают. По-видимому, они и не должны совпадать, поскольку предприятие могло обрабатывать колокола, заготовленные ранее²⁵.

С 1935 года на государственных бланках Калькуляции заготовки и отгрузки лома графа «Бронза колокольная» печатается уже типографским способом и официально включена в перечень прочих металлов, подлежащих заготовке (до этого в конторе использовались бланки, расчерченные от руки). В примечании на бланке указывается: По статье «съёмка и разделка колоколов» показывается вес снятых колоколов²⁶. Западно-Сибирская контора треста начала использовать эти бланки только в конце 1938 года. Лишь

17 Докладная записка о работе Сибирского комбината «Металлом» за 9 месяцев и за 3-й квартал 1933 года. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.20 об.

18 Докладная записка о работе Сибирского комбината «Металлом» за 9 месяцев и за 3-й квартал 1933 года. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.22.

19 Отчетный доклад о работе Зап. Сиб. Краевой конторы «Металлом» за 1934 год. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 21. Л.6.

20 Приказ № 177 по Тресту «Металлом» о промфинплане Зап. Сибирск. конторы на 1934 г. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 16. Л.9.

21 Приказ № 12 по Западно-Сибирской Краевой конторе Гостреста МЕТАЛЛОМ от 15 января 1935 г. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 16. Л.41.

22 Отчет по администрат. управлен. расходам. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.67 об.

23 Калькуляция по элементам затрат по обработке лома, погрузке, выгрузке и по выполнению работ на сторону в заготовительной сети за 4 квартал 1936 г. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.93.

24 Производительность труда рабочих по обработке лома в кгр. на чел/час по передел. Работ на 1-е января 1937 г. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.92.

25 Исполнение плана производства по обработке лома сырья на РСМ в заготсети. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.40.

26 Калькуляция заготовки и отгрузки лома, избыточных материалов и выполненных работ. ГАНУ. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.88.

Табл.3. Исполнение плана производства по обработке ломосырья на РСМ в заготовительной сети

Наименование работ	Отчет за 1937 год		Отчет за 1938 год			
	Колич. [неясно в каких единицах]	Стоим. 1 тн.	Количество		Стоимость 1 тн.	
			План	Отчет	План	Отчет
Съёмка и разделка колоколов	7,3	146–60	140,0	0,3	92–28	323–67

Таб. 4. Объемы заготовленной колокольной бронзы в тоннах

1933 год I, II, III квартал	1934 год	1936 год	1937 год	1938 год	1941
58,37 ¹	117 ²	241,8 ³	17,6 ⁴	18,1 ⁵	0 ⁶

за четвертый квартал Сибирская контора заготовила 16,7 тонн колокольной бронзы на сумму 51706 рублей 73 копейки, отпустила покупателям на сторону и заводам треста 23,7 тонн лома колоколов на сумму 74164 рубля 51 копейку и предприятиям своего треста 100 кг лома колоколов²⁷.

Начиная с 1938 года, объёмы заготовки колокольной бронзы падают. На 1 января 1939 года в Донесении по выполнению плана основной деятельности отмечается всего 0,3 тонны заготовленной колокольной бронзы. Сумма затрат, связанных с заготовкой составила 98 рублей 60 копеек²⁸.

В отчетной калькуляции по обработке цветных металлов заготсети за 1940 год в графе «бронза колокольная» (себестоимость продукции, вышедшей из производства) стоит 204 [кг?] на сумму 851 рубль 30 копеек²⁹.

В Донесении по выполнению плана заготсетью на 1 января 1941 года графы по съёмке и разделке колокольной бронзы не заполнены³⁰. Надо

полагать, что в этот период в Новосибирске колокольная бронза не заготавливалась.

Отдельным направлением работы конторы было хранение, учёт массы заготовленного металла, определение его стоимости, упаковка, поиск покупателя, продажа заготовленного металла, доставка подходящим видом транспорта (гузевой, автомобильный, водный, железнодорожный).

Заготовленная колокольная бронза свозилась на склады конторы. Предприятие имело штат сторожей, оружие для охраны. В 1938 [?] году контора заняла комплекс новых специально отстроенных в Новосибирске зданий (административные помещения, цеха по обработке и сортировке металла, складские помещения). Понятно, что свозить в Новосибирск весь металл, заготовленный от Дальнего Востока до Урала и Казахстана, было нецелесообразно и невозможно. В каждом регионе имелись собственные склады, расположенные на железнодорожных станциях и водных пристанях. Приказ № 7 (от 22. 11. 1938), изданный на двадцати листах, устанавливал места дислокации участков конторы и регламентировал ее деятельность. Все участки были разделены между четырьмя отделениями: Омским, Барнаульским, Сталинским и Новосибирским. В приказе за каждым участком закреплены основные предприятия-ломосдатчики; указаны

27 Там же.

28 Донесение по выполнению плана основной деятельности на 1 января 1939 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.86 об.

29 Отчетная калькуляция по обработке цветных металлов заготсети за 1940 год. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 78. Л.15 об.

30 Донесение по выполнению плана заготсетью на 1 января 1941 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 78. Л.16 об.

Таб. 5. Сведения об отгруженных партиях колокольной бронзы по Западно-Сибирской краевой конторе «Металлом» 1934–1936 гг.

Предприятие ⁷	Масса отгруженной колокольной бронзы в килограммах	Год
Свердловская РСМ ⁸	2950	1934
Красноярский транспортно-ремонтный завод ⁹	6070	1935
Завод им. Молотова ¹⁰ [г. Горький?]	7827	1936
Свердловская РСМ	7602	1936
Московская РСМ	198	1936
Алтайполиметалл	1158	1936
Кузбассуглемахснаб	1303	1936
Кузнецк.метал.завод	12994	1936
Амурзолото ¹¹ [Амурская обл.?)	85	1936
Забайкалзолото [Чита?]	18	1936
Ирзолототранс [Иркутск?]	362	1936
Завод им. Куйбышева [Иркутск?]	2100	1936
Приморзолото [Хабаровск?]	277	1936
Красмашстрой [Красноярск?]	1084	1936
«Труд» [Новосибирск?]	53	1936
ТРЗ Красноярск	14359	1936
ТРЗ Чита	6446	1936
ТРЗ Барнаул	2597	1936
ТРЗ Ворошиловск (Ставрополь)	3307	1936
Депо Красноярск	731	1936
Куйбышевская база УУС ¹² [Самарская обл.?)	19680	1936
Читинская база УУС	21973	1936
Востсибсельхозснаб [?]	500	1936
Красноярскзаготзерно	99	1936
НКомхоз Иркутский	500	1936
Алма-Атинский автогужтрест	29	1936
Зав. хозо. НКВД ¹³ [?]	6351	1936
НКВнутор Чуйский тракт [?]	352	1936
СТО Комитет резервов [?]	102852	1936
Иргорпароходство ¹⁴ [Иркутск?]	900	1936
Енисейпароходство [Красноярск?]	3390	1936
Театр «Красный факел» [Новосибирск?]	82	1936

имена уполномоченных конторы; места резиденций уполномоченных лиц; имена закрепленных инспекторов; зоны деятельности; перечень станций, на которых складировался заготовленный лом; пункты сортировочных баз и площадок³¹. Там принятый металл взвешивался, фиксировался, обрабатывался, сортировался, упаковывался и отправлялся по нарядам и договорам, заключенным конторой.

Колокольная бронза, заготовленная Западно-Сибирским отделением конторы треста «Цветметлом», отправлялась железнодорожными вагонами на предприятия, расположенные по всему СССР.

Согласно ведомости остатков товаров на складах и площадках конторы по состоянию на 1 января 1937 года известно, что непроданным за год остатком на складах осталось 10982 килограмма колокольной бронзы (Дальне-Восточное отделение — 300 кг, Восточно-Сибирское отделение — 4638 кг, Западно-Сибирская Межкраевая контора — 6044 кг)⁵.

Западно-Сибирская контора Государственного треста по переработке и снабжению металлическим ломом «Металлом» была лишь одной из единиц Наркомата тяжелой промышленности СССР. Только за пять лет контора переработала более 450 тонн колокольной бронзы на территории Сибири. К 1940-му году, по-видимому, с колоколен сибирских храмов были сняты практически все колокола. Культурному наследию региона был нанесён невосполнимый ущерб, было уничтожено целое культурное явление, развивавшееся в регионе в течение трёх с половиной веков. Необходимо отметить, что часто, рискуя собой, местные жители пытались сохранить свои колокола и пытались спрятать их, некоторые потом

были найдены и возвращены Церкви. Если бы контора работала с педантичной точностью, колоколов, отлитых до революции на территории Сибири, не осталось бы вообще. Переданные на предприятия для сигнальных звонов колокола впоследствии становились экспонатами краеведческих музеев или возвращались церковным общинам. К сожалению, часть из них была сдана в металлолом в конце 1990-х годов.

Найденные материалы позволяют получить представление о правилах, способах и объёмах заготовки колокольной бронзы в Сибири и имеют практическое значение для дальнейших поисков исторически ценных колоколов. Благодаря отдельным сохранившимся колоколам можно судить об уровне развития колоколотейного искусства Сибири.

Список литературы

1. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 9. Л.18, 20 об., 22.
2. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 16. Л.9, 35, 41, 46.
3. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 21. Л.1, 4, 6, 9.
4. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.5, 7а, 16, 21 об., 23 об., 24 об., 25 об., 26 об., 67 об., 92, 93, 100, 100 об, 103.
5. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 40. Л.15–34.
6. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 46. Л.1, 44.
7. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 47. Л.8, 9, 36, 40, 86 об., 88.
8. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 78. Л.15 об., 16 об.
9. Талашкин А. В. Чингисские колокола: поиски и находки // Культурное наследие России. № 2. (18) апрель-июнь 2017. С. 77.
10. Фомичёв М. В. Утраченные колокола Первой мировой войны // Культурное наследие России. № 6 (3) июль-сентябрь 2014. С. 40–43.

31 Приказ № 7 по Западно-Сибирской конторе «Главтормет» от 22 ноября 1938 года. ГАНО. Ф. Р-1108. Оп.1. Д. 40. Л.15–34.

PROCUREMENT OF BELL BRONZE IN WESTERN SIBERIA IN 30-YEARS XX CENTURY: TECHNOLOGY, DYNAMICS AND CULTURAL CONSEQUENCES

Talashkin Alexey Vladimirovich,
Graduate student of Altay State University (the city of Barnaul),
Deputy administrator of Siberian centre of bell art,
Bolshevistskaya Street 229 office 1, Novosibirsk,
Russian Federation, 630083,
talashkin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the activity of West-Siberian regional office of the state trust «Metal scrap» in the 1930s, connected with procurement of bell bronze on the territory of Siberia. Analysis of the documents of the office has been made, the procurement quantity of bell bronze have been estimated and areas of work of the company have been generalized.

Keywords

Bell, Siberian Bells, procurement of bell bronze, destruction of bells.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
УДК 069.01
ББК 79.147.1

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В МУЗЕЯХ ПЛЕВЕНА

Юренева Тамара Юрьевна,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Берсеневская набережная, д. 20, Москва, Россия, 119072,
iureneva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования и состав коллекций военно-исторических музеев Плевена, созданных в ходе мемориализации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Российское военно-историческое наследие, которое они хранят, изучают и популяризируют, имеет большую познавательную и просветительную ценность, занимает особое место в коллективной памяти болгарского народа и способствует формированию объективного образа России за рубежом.

Ключевые слова

Военно-историческое наследие, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., музеи, Болгария, Россия, культурное наследие России за рубежом

В общественном сознании Болгарии и России город Плевен (Плевна) неизменно ассоциируется с героическими страницами истории двух народов: пятимесячные бои за его освобождение от многовекового османского владычества стали одним из наиболее ярких эпизодов войны 1877–1878 гг., которую российская историогра-

фия называет Русско-турецкой, а болгарская — Освободительной. После трех кровопролитных штурмов города, превращенного турецкой армией в неприступную крепость, началась его трехмесячная блокада русско-румынскими войсками. Попытка ее прорыва оказалась безуспешной, и 28 ноября (10 декабря) 1877 г. 43-тысячный турецкий

гарнизон во главе с Османом-пашой был вынужден капитулировать. Началось активное наступление русской армии на Балканах, которое через полтора месяца завершилось заключением перемирия, а 19 февраля (3 марта) 1878 г. —подписанием мирного договора с Турцией в Сан-Стефано.

На болгарской земле в знак благодарности России за освобождение создано свыше 440 так называемых памятников признательности: архитектурно-скульптурные мемориалы, надгробия на братских могилах, обелиски, каменные кресты, храмы, мавзолеи, мемориальные парки¹. Память о героическом прошлом отражена в праздниках и ритуалах, сохранена в музейных предметах и реликвиях. Среди «мест памяти» болгарского народа большое значение имеют военно-исторические музеи Плевена, экспозиции которых на протяжении многих десятилетий создают образ Освободительной войны. Изучение обстоятельств их учреждения, особенностей формирования коллекций и состава фондов обладает несомненной актуальностью в контексте возросшего за последние годы интереса к российскому культурному наследию за рубежом.

Идея музеефикации домов, где во время войны жил или останавливался российский император Александр II, возникла и получила поддержку Народного собрания в 1883 г., однако условия для ее реализации появились спустя лишь четверть века². В августе 1899 г. состоялось первое заседание Комитета Царя-освободителя Александра II, созданного по инициативе выдающегося болгарского просветителя и активного участника антитурецкого сопротивления Стояна Заимова. Комитет начал организационную работу по созданию музеев, в которой приняли участие болгарские государственные и общественные деятели. Правительство выкупило у собственников не только мемориальные дома, но и постройки на прилегающей территории, чтобы разбить прекрасные парки с экспозициями под открытым небом.

Решая проблему сбора подлинных материалов, С. Заимов в конце 1901 г. встретился в Петербурге с военным министром А. Н. Куропаткиным, поддержавшим проект создания в Плевене и округе домов-музеев и мавзолея павших вои-

нов. Генерал передал в музейные фонды ценное собрание книг на военную тематику, а в конце 1903 г. из Одессы в Варну приплыли три парохода с оружием, реликвиями и трофеями, которые по просьбе болгарской стороны подарило создающимся музеям Военное министерство Российской империи³.

В январе 1907 г. по распоряжению императора Николая II русские дипломаты передали Болгарии личные вещи Александра II, в том числе походную форму лейб-гвардии Гусарского полка, венгерку, чикчиры, фуражку, кепи. Сыновья великого князя Николая Николаевича подарили музеям пятьдесят предметов, среди которых были мундир главнокомандующего, его папаха, две сабли, походный комплект инженерных инструментов, папка и конверты для писем, походный стол и кровать, утварь из походной церкви, пять икон⁴.

В конце августа — начале сентября 1907 г. в Болгарии прошли юбилейные торжества по случаю 30-летия Освободительной войны, в которых приняли участие большие делегации из России и Румынии. Состоялось открытие Памятника Царю-освободителю Александру II в Софии и музеев в Плевене, Пордиме, Бяле и Горной-Студене. Центром мемориализации войны стал Плевен, а главным объектом музеефикации — дом местного торговца Ивана Вацова, в одной из комнат которого состоялась историческая встреча победителей с пленным Османом-пашой, а российский монарх возвратил саблю турецкому военачальнику в знак уважения к его мужеству и доблести. В этой же комнате Александр II весь день принимал делегации болгар, выражавших ему благодарность и поздравления со взятием Плевена. С помощью аутентичных предметов быта и личных вещей императора в открывшемся здесь Доме-музее «Царь-освободитель Александр II» была создана мемориальная ансамблевая экспозиция.

1 Райчевски С. Памятники признательности за освобождение Болгарии. София: Болгарский бестселлер: Нац. музей болг. кн. и полиграфии, 2007. С. 6–7.

2 Там же. С. 34.

3 Аспарухов М. Русско-турецкая война 1877/78 г. Плевенская эпопея 1877 г. и ее мемориализация // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее: материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы». Тула: ИПП «Гриф и К», 2002. С. 125.

4 Дичева Т. Военные формы периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в коллекции военно-исторических музеев Плевена. Плевен: Военно-исторически музей, 2011. С. 30, 32

Неподалеку от музея в память о многих тысячах русских и румынских воинов, павших в битве за Плевен, возвели Часовню-мавзолей «Святой Георгий Победоносец». На месте кровопролитных боев разбили мемориальный парк, названный в честь генерала М. Д. Скобелева, чей талант полководца во многом предопределил исход войны. В селе Пордим (ныне город) под Плевеном Комитет Царя-освободителя музеефицировал дом, в котором располагался штаб русской армии, принимались важные стратегические решения, готовился проект Сан-Стефанского мирного договора. В честь главнокомандующего русской армией его назвали Домом-музеем «Великий князь Николай Николаевич». Память об участии в войне румынской армии Комитет увековечил созданием в Пордима Дома-музея «Король Кароль I».

К 100-летию юбилею освобождения Плевена в районе Скобелевского парка состоялось торжественное открытие еще одного музея — Панорамы «Плевенская эпопея — 1877». Она строилась по решению секретариата Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии; активное участие в реализации этого грандиозного по замыслу и размаху, но весьма дорогостоящего и технически сложного для исполнения проекта приняла советская сторона. В качестве центрального эпизода эпопеи, воссозданного в панорамном зале, был избран третий штурм Плевена, последний и самый кровопролитный. Другие же залы средствами живописи и диорамного искусства рисовали широкую картину Русско-турецкой войны.

В настоящее время мемориальные дома-музеи в Плевене и Пордима, музей-панорама, Часовня-мавзолей «Святой Георгий Победоносец» и мемориальный парк «Скобелев» организационно входят в структуру «Военно-исторические музеи Плевена». В этом крупном музейном объединении собрано богатейшее историко-культурное наследие, связанное с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и Плевенской эпопеей. Музейные фонды насчитывают более 120 тыс. единиц хранения: образцы военной одежды, награды и личные вещи русских и румынских воинов и ополченцев Плевенского края, ручное холодное и огнестрельное оружие воевавших армий, военное снаряжение, образцы артиллерии, артиллерийские принадлежности и боеприпасы, инженерные инструменты, фотографии и документы⁵.

*Гвардейское кепи Александра II.
Военно-исторический музей г. Плевна*

Начало этому обширному собранию положили материалы, переданные военными министерствами России и Румынии для создания музеев в 1903–1907 гг. В дальнейшем музейные фонды пополнялись предметами, найденными на полях сражений и в воинских захоронениях, полученными в дар от участников войны и их потомков, собранными музейными работниками.

Важную часть военно-исторического наследия составляют коллекции военной формы различных войсковых частей русской и румынской армий периода Освободительной войны — 59 комплектов и отдельных экземпляров. Подбирая материалы для создающихся музеев, российское Военное министерство стремилось представить все рода войск и отправило в Болгарию 69 образцов: 2 персональные формы, 30 полукомплектов и 37 полных комплектов, одетых на манекены с индивидуальными чертами лица, вооруженные винтовками, револьверами и холодным оружием разного типа⁶. К сожалению, со временем эти манекены были утрачены, и их заменили стандартные изделия.

В настоящее время русская коллекция военной форменной одежды в собрании Военно-исторических музеев Плевена насчитывает 37 образцов; 20 из них — полные комплекты. Существенное место занимают униформы пехоты, кавалерии, пешей и конной артиллерии Гвардейского корпуса русской армии. Лишь небольшая часть этой коллекции хранится в запасниках, остальные образцы экспонируются в музеях Плевена и Пордима⁷.

5 Дичева Т. Указ. соч. С. 28.

6 Там же. С. 29.

7 Там же. С. 29–30.

Особую ценность представляет мемориальная военная форма, которую носили первые лица Российской империи. Это форма лейб-гвардии Гусарского полка из темно-синего сукна с каракулевой оторочкой, которая была на Александре II в достопамятный день 29 ноября 1877 г., когда состоялась его историческая встреча с плененным Османом-пашой. Среди личных вещей императора — гвардейское кепи из красного сукна с Андреевской звездой с девизом «За веру и верность», позолоченным государственным гербом России и знаком отличия на шапки «За Телишъ 12 октября 1877 г.». Не меньшую историческую ценность имеют мундир из темно-синего сукна и папах из черного каракуля с красным суконным верхом главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича.

Коллекции оружия времен Освободительной войны — еще одна внушительная часть собрания Военно-исторических музеев. В них представлены многие виды холодного оружия русской, румынской и турецкой армий. Наибольшим разнообразием отличаются коллекции стрелкового оружия: казнозарядные винтовки и револьверы разных систем, в том числе редкие образцы; кремневые и капсюльные ружья и пистолеты, которыми была вооружена часть болгарских ополченцев и бойцов из местного населения, добровольно помогавших русской и румынской армиям. Артиллерия представлена полевыми, горными и осадными орудиями из стали, чугуна и бронзы, произведенными не только европейскими, но и русскими заводами в Брянске, Перми и Санкт-Петербурге⁸.

Уже на концептуальной стадии создания музеев большое внимание уделялось экспонированию оружия времен Освободительной войны. В соответствии с замыслом строителей все мемориальные музеи были окружены парками, ограды которых сделали в Софийском военном арсенале из трофейного турецкого оружия — пушек, снарядов, мечей, пик, топоров⁹. В ряде случаев в узор этих оград включены и предметы вооружения русской армии¹⁰.

В частности, материалом для ограды Дома-музея «Царь-освободитель Александр II» послужили русские ружья и пики и 77 трофейных турецких орудий. «Все эти орудия, ружья и пики в красивом узоре утверждены на каменных парапетах и придают ограде внушительную красоту, — писал о своих впечатлениях С. Заимов. — Всмотревшись в эту величественную ограду, сжимается сердце, и воображение рисует картины поражения турок, а сиротливо, в одиночку, поднятые кверху стволы турецких орудий наряду с русскими орудиями, красующимися на пьедесталах, утопающих в цветах и зелени, невольно напоминают известную сентенцию «Горе побежденным и слава победителям»¹¹.

В парковой зоне домов-музеев были созданы экспозиционные комплексы из снарядов и артиллерийских орудий; есть среди них и мемориальные предметы. В частности, по углам ограды Дома-музея Царя-освободителя Александра II на каменных пьедесталах установлены четыре осадных орудия, которые во время войны использовались на Царском редуте, находившемся в лесу у села Радищево. Из них 30 и 31 августа 1877 г. в присутствии Александра II обстреливали турецкий редут Омар-бей-Табия, в ходе атаки на который русские полки понесли огромные потери¹².

На постаментах ограды Часовни-мавзолея «Святой Георгий Победоносец» возвышаются 16 русских мортир, которые символически охраняют покой русских и румынских воинов, павших в битве за Плевен. Много русских орудий, боевых реликвий и трофейного оружия экспонируется в Скобелевском парке-музее, построенном на площади в 12 га на средства, собранные болгарским народом. Здесь воссозданы турецкие оборонительные укрепления — редуты Кованлык и Исса-ага, взятые штурмом скобелевскими отрядами. На каменных пьедесталах и земляных насыпях, окруженных зеленью, возвышаются боевые орудия; некоторые скомпонованы в звездообразные группы и носят имена героев — «звезда майора Горталова» и «звезда полковника Мосцевого»¹³.

8 Петрова И., Оббов С. Оружия от руско-турската война 1877–1878 в колекцията на Военно-исторически музей Плевен. София: Изкуството утре, 2005. С. 72.

9 Недков С. История на музейното дело в България. София: Агенция ЕВРОПРЕС, 2006. С. 136.

10 Райчевский С. Указ. соч. С. 68.

11 Стоян Диарбекирский. Юбилейный путеводитель по священным местам-памятникам, воздвигнутым признательным болгарским народом. София: Дворцовая типография, Бр. Прошекови, 1907. С. 38

12 Там же. С. 41

13 Там же. С. 54

В парке установлены памятники погибшим офицерам и солдатам, а в отдельных захоронениях и братских могилах покоятся останки русских и румынских воинов и болгарских ополченцев, отдавших жизнь за освобождение Плевена. Гробница русских солдат Костница, сложенная из известкового туфа (травертина) и земли, покрыта вечнойзеленой растительностью. На ней установлены участвовавшие в боях орудия, а над ними — Георгиевский крест. Надпись над входом в Костницу содержит слова С. Заимова о признательности болгарского народа русским освободителям¹⁴.

В фондах Военно-исторических музеев мало предметов и реликвий, найденных на полях сражений и в братских могилах: фрагменты сапог и униформ, пули, гильзы, гранаты, пробитые пулями котелки, литые иконы, нательные кресты и другие личные вещи русских воинов¹⁵. Значимая часть этих реликвий — нагрудные иконы, походные алтари и кресты. Многие предметы были найдены в воинских захоронениях в процессе их благоустройства, реконструкции или перенесения на новое место. Такого рода работы проводились в 1950-е–1970-е гг. в с. Тотлебен, г. Долни-Дыбник, г. Пордим и д. Телиш¹⁶.

Коллекция Военно-исторических музеев включает 45 старообрядческих меднолитых икон-образков, двух и трехстворчатых складней, а также 4 креста-распятия. Важно, однако, отметить, что в XIX в. различные типы меднолитых крестов, икон и складней, несмотря на правительственные запреты, бытовали не только в старообрядческих общинах, но и, привлекая своей долговечностью, получили широкое распространение среди простого люда в легитимной русской православной церкви. Широкий спрос на меднолитые изделия привел к тому, что в середине XIX века резко снизился их качественный уровень. И это демонстрирует плевенская коллекция: грубая работа и отсутствие точного соблюдения канонических правил. Например, святая Параскева обозначена как Прасковья.

Наиболее распространенные образы на иконах — Богородицы и св. Николая Чудотворца,

которых солдаты почитали как небесных покровителей русского воинства. Об этом свидетельствует и текст молитвы на иконе Богородицы Смоленской: «Мать Божья, сохрани меня в бою». Инициалы, не являющиеся частью отливки, вероятно, фиксируют имя владельца. Иконография складней наиболее часто представляет тему восхваления Богородицы и почитания ее чудотворных икон. Рельеф многих икон сильно разрушен, ведь владельцы часто гладили руками их поверхность, прося о помощи небесных покровителей¹⁷.

Значимость этой коллекции не в художественных достоинствах составляющих ее предметов и тем более не в их уникальности, ведь подобного рода изделия хранятся в музеях и частных коллекциях многих стран. Ценность этих крестов, икон и алтарей, как верно отмечают болгарские исследователи Н. Аспарухова и Т. Дичева, в том, что «контекст их открытия и сохранения в Болгарии уникален. Реликвии представляют культурно-историческое наследие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и поддерживают живой историческую память поколений о драматических событиях, которые принесли свободу Болгарии после пятивекового турецкого ига»¹⁸. Интерес к этому наследию с годами не угасает, и военно-исторические музеи Плевена относятся к числу наиболее посещаемых в Болгарии. За столетний период их существования в них побывало более 22 млн. человек¹⁹.

Российское культурное наследие, которое они сохраняют и популяризируют, имеет не только познавательную и просветительную ценность. Выступая в качестве хранителя исторической памяти, оно обладает немалым имиджевым потенциалом и способствует формированию объективного образа России за рубежом.

Список литературы

14 Райчевский С. Указ. соч. С. 142.

15 Бошнаков Н. Скобелев парк-музей. Плевен. Пътеводител. София: Държавно издателство «Наука и изкуство», 1963. С. 23

16 Аспарухова Н. Нагърдни икони, походни олтари и кръстове от бойните полета край Плевен –1877. София: Изкуството утре, 2005. С. 20

17 Там же. С. 33.

18 Там же. С. 34

19 Нанкова М., Аспарухова Г. 100 години военноисторически музеи/справка за посещенията за периода 1906–2006 г./Сборник Военноисторически музеи — Плевен. 1. София: ИПК «Родина», 2008. С. 8–9.

- ратных полей Европы». Тула: ИПП «Гриф и К», 2002. С.124–130.
2. Гюрова С. Панорама «Плевенская эпопея 1877». София: Септември, 1980. 42 с.
3. Дичева Т. Военные формы периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в коллекции военно-исторических музеев Плевена. Плевен: Военно-исторически музеи, 2011. 162 с.
4. Райчевски С. Памятники признательности за освобождение Болгарии. София: Болгарский бестселлер: Нац. музей болг. кн. и полиграфии, 2007. 239 с.
5. Стоян Диарбекирский. Юбилейный путеводитель по священным местам-памятникам, воздвигнутым признательным болгарским народом. София: Дворцовая типография, Бр. Прошекови, 1907. [115 с.]
6. Аспарухова Н. Нагрудни икони, походни олтари и кръстове от бойните полета край Плевен — 1877. София: Изкуството утре, 2005. 84 с.
7. Бошнаков, Никола. Скобелев парк-музей. Плевен. Пътеводител. София: Държавно издателство «Наука и изкуство», 1963. 27 с.
8. Военноисторически музеи — Плевен: [сайт]. URL: <http://panorama-pleven.com/> (Дата обращения 01.06.17)
9. Нанкова М., Аспарухова Г. 100 години военноисторически музеи/справка за посещенията за периода 1906–2006 г./Сборник Военноисторически музеи — Плевен. 1. София: ИПК «Родина», 2008. С. 7–9.
10. Недков С. История на музейното дело в България. София: Агенция ЕВРОПРЕС, 2006. 376 с.
11. Петрова И. Оббов С. Оръжия от руско-турската война 1877–1878 в колекцията на Военноисторически музеи Плевен. София: Изкуството утре, 2005. 80 с.
12. Пътеводител на военно-историческите музеи в Плевенски окръг. Варна: Държавно Издателство, 1960. [107 с.]

MILITARY-HISTORICAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE MUSEUMS OF PLEVEN

Yureneva Tamara Yurievna,
DSc in History, Leading Researcher,
Russian Cultural and Natural Heritage Institute,
Bersenevskaya nab. 18, 119072 Moscow, Russia,
e-mail: iureneva@mail.ru

Abstract

In this article the author considers formation and composition of the collections of the military-history museums in the town of Plevna, created in the course of memorialization of the Russo-Turkish war 1877–1878. The Russian military-historical heritage which they have been collecting, studying and making popular, is of great cognitive and educational value, occupies a special place in the collective memory of the Bulgarian people and contributes to the formation of an objective image of Russia abroad.

Keywords

Military-historical heritage, Russo-Turkish war of 1877–1878, museums, Bulgaria, Russia, Russian cultural heritage abroad.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10–12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Формат текстовых файлов — **DOC, DOCX**.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 12 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. **Сноски — постраничные (внизу страницы).**
10. Список использованной литературы.
11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008.001.14
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....
Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
- 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
.....
8. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;	SCO — краткое сообщение;	COR- переписка;
EDI — редакционная заметка;	REV- обзорная статья;	PER — персоналии;
BRV- рецензия;	ABS- аннотация;	MIS — разное;
CNF — материалы конференции;	REP- научный отчет;	UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 20.09.2017. Формат 60x90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/культурное-наследие-россии/>

E-mail: knaros@yandex.ru